

Макс Острогин
Здравствуй, брат, умри

Inferno – 5

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2452735
«Макс Острогин «Здравствуй, брат, умри»»: Эксмо; М.: 2011
ISBN 978-5-699-51504-2

Аннотация

В 2023 году международная арктическая экспедиция, действующая в районе базы «Руаль», достигла линзы подледного озера «Восток 18». В пробах воды был обнаружен ретровирус. При случайном контакте с атмосферой он перешел в активное состояние. Несмотря на принятые меры, сдержать его распространение не удалось. Население Земли, а также орбитальных станций и планетарных колоний почти полностью вымерло...

Алекс единственный оставшийся человек. Но однажды он замечает, что на планете больше не один. Кто-то разворовывает примеченные им магазины и квартиры, хозяйничает в его лесах, убивает его животных. И, кажется, начал охоту на него самого.

Макс Острогин
ЗДРАВСТВУЙ, БРАТ, УМРИ

Возможно, что некоторое время они питались крысами и всякой другой мерзостью. Даже и в наше время человек гораздо менее

разборчив в пище, чем когда-то, — значительно менее разборчив, чем любая обезьяна.

Герберт Уэллс «Машина Времени»

Глава 1 Волк убрался

— А Наф-Наф был таким хитрожопистым поросенком, он не стал домик из соломы строить, не стал. И из веток домик не стал строить, и из глины, пошел он в город и наковырял из стен красных кирпичей. А между кирпичей все-таки глину проложил. И домик получился крепкий. Когда пришел Волк, Наф-Наф кинул в него кочергой — и в лобяру сразу. Волк рассвирепел и стал дуть в дверь. Легкие у Волка были сильнейшие, но все-таки не как самолетная турбина, дверь не пошелохнулась даже. Разозлился Волк, стал в дверь лбом стучать. С разбега. Но домик был стойким, он выдержал, двери выдержали, а у Волка, наоборот, лоб чуть по шву не треснул. Тогда Волк уже очень разозлился и полез на крышу, а с крыши уже в трубу ввинтился, эквилибрист сплошной. Но Наф-Наф был как всегда готов, развел снизу огонь и поставил котел с кипящим маслом. Волк упал в котел, обжарился слегка и очень громко закричал. Затем выскочил в окно, сразу из котла — и в окно, убежал и больше никогда-никогда не прибежал, шкура с него обваливалась клочками. И Наф-Наф, Нуф-Нуф и Ниф-Ниф жили долго и счастливо...

Долго и счастливо.

Я так и рассказываю. Не совсем гладко. То есть иногда гладко, а иногда так — туда сюда, как оно получится. Я все-таки по-правильному так и не научился, нет навыка разговора. Только я начал немножко научиться говорить по-правильному, как все и оборвалось. Вспоминаю еще много по пути. Но ничего ведь не поделаешь. Я на самом деле вспоминаю в самых разных местах, будто выскакивает откуда-то все... Каша у меня в голове, мне Хромой и раньше об этом говорил. Ну да, Ниф и Наф жили долго и счастливо, а сейчас свиней и нет почти, кабаны, да и тех редко встретишь...

Я поднял голову Волка и кинул ее в смолу. В асфальт. Асфальт был холодным, голова влипла, постояла, подумала будто и стала медленно погружаться. Очень-очень медленно, Волк еще долго смотрел на меня желтыми и уже равнодушными глазами. Потом совсем утонул, одно ухо торчало чуть дольше. Поверху деревьев шуганул ветер, и Волка засыпало желтыми листьями, и стакан стал похож на осеннюю лесную полянку, аккуратную и мирную, аккуратную и мирную.

Когда я кинул в смолу Хромого, он тоже долго проваливался. Очень долго. Уже даже

стало темнеть, а он все проваливался и проваливался, ссутулившись, как большая черная цапля. Пришлось мне взять березку и его немного подтолкнуть для скорости. Тогда тоже была осень, поздняя уже, асфальтовая смола вязкая. Зато получилось торжественно. Хромой погружался, уходил в черноту и смотрел на меня серебряными денежками — их ему я вставил в глазницы на распор: на одной написано «25», на другой «50». Хромой опустится до дна стакана, после этого пройдет сорок дней, и он из стакана пошагает по лестнице на небо, где уже будет его ждать Петр со связкой ключей. Хромой отдаст ему деньги, и Петр откроет скрипучие ржавые ворота. Кто такой этот Петр?

И вообще, конечно, никуда Хромой не пойдет, так и проторчит тысячу лет в стакане в этом, хотя в книжках некоторых и пишут, что так все оно и происходит — человек помирает — и по лестнице на небо, к облачным воротам. Это называется суевериями, я читал. Вера в то, чего на самом деле нет.

Да, если бы я Хромого тогда не подтолкнул, то он долго бы еще проваливался, дня два, наверное.

А на Волка у меня даже монет не нашлось настоящих. Вставил от патронных гильз доньшки, получилось как-то несерьезно и весело, пришлось выковырнуть. А закрывать глаза не стал, не знаю почему, такой экспонат получился.

Зато Волка подталкивать не пришлось.

— И они жили долго и счастливо, — сказал я, когда было уже совсем все.

Это его любимая сказка. Про Наф-Нафа и его братьев. Любимая сказка Волка.

Теперь у меня волка нет. Это плохо. Без волка жить трудно, без волка ты как дикий делаешься. Если ты заболеешь, кто тебе еду станет носить? Кто ночью посторожит? Придется на деревьях ночевать, это невменяемо вообще — утром спускаешься, шея закинена, а в уши клещей по килограмму забралось, а от них в голове менингит, нет, точно дико.

Не, без волка плохо. Будет плохо.

Да и так уже все плохо. Уже давно все плохо. Хромой говорил, что жизнь — это лестница. Или вниз летишь так, что ребра трещат, или вверх карабкаешься, так что двадцать семь кишок выскакивает. Ничего хорошего, ничего приятного. Как у Дарвина в книжке — естественный отбор, выживает тот, у кого длиннее зубы и толще шкура, я самого Дарвина не читал, но про него читал. Правда, тоже всю книжку так и не одолел, съедена оказалась, но Хромой про лестницу зря все-таки говорил — накаркал себе лестницу.

И мне заодно.

Сейчас у меня вот вниз. Качусь по ступенькам, подпрыгиваю, как бильярдный шарик, стучаюсь лбом — бум, бум, бум, шишки сводить не успеваю, жаб не хватает. На самом деле, очень на лестницу походит. И ступеньки, то есть неудачи, следуют одна за одной, никак не могут остановиться. Видимо, крепко зацепил Невезенье. Горе-Злосчастье, оно бородатое, Кручина зеленая, ну ее.

Вот взять последние мои дни. Питался ведь я одними рыжиками. Рыжиками, лисичками, боровиками и даже черными подземными грибами — их Волк отыскивал очень легко. Вообще осень выдалась жирная, сытая, перепела так и прыгали из-под ног, кабарга скакала, утки кричали, всякой дичи вообще полно, мы с Волком пробирались через леса к югу и не делали никаких запасов: зачем было запастись, когда вокруг всего-всего? Даже охотиться не надо — с вечера ставь силки, а утром готово — или кролик, или перепел, быстренько на углях испек — и дальше, а о рыбалке я вообще позабыл уже. Волк, правда, уже тогда не ел совсем, заяц его прицапнул, а после этого есть не особенно хочется, я-то знаю.

А потом совершенно вдруг мы вошли в какую-то странную пустоту. Лес как лес, не изменился, деревья росли, только исчезли все. И вокруг никого, только какая-то жуткая тишина, даже птицы куда-то делись, короедами подавились, что ли...

Я никак это обстоятельство не мог объяснить, так, предполагал только разное. Ну, к примеру, животные могли уйти из-за диких. Дикие мяса не жрут, но жить рядом с ними

никто не захочет, они вонючие и беспокойные, хуже обезьян.

Или из-за стихийного бедствия. Я читал, что многие животные очень хорошо предчувствуют разные опасные события. Пожары, ураганы, извержения вулканов и даже настоящие цунами, звери предвосхищают их издали. Цунами еще только через месяц собирается, а акулы всякие, электрические скаты и прилипалы уже всю налаживают подале, в отмели, в ил зарываются.

Это, кстати, и по Волку виднелось, хотя он и не скат, а все предчувствовал. Вот, устроимся на ночевку, огонь запалим, заварим чагу со смородиновыми почками, и уже расслабление такое, и уже все в порядке, и книжку открываешь, «Исландскую новеллу» или «Очищение организма перекисью водорода», полный консилиум, одним словом, экстра, лежи себе, радуйся жизни. И вдруг Волк как начнет возиться! Как начнет переключаться, блох выкусывать, чесаться, подвывать и в небо поглядывать так тоскливо-тоскливо, так грустно-грустно, что самому страшно становится. Понимаю я, что не нравится Волку эта ночевка, не хочется ему тут задерживаться, словно на ежах он весь, словно стрекоза ему в легкие залетела.

Ну и собираемся, в путь идем.

Отхлынем на километр, устроимся заново, и что же ты думаешь — в эту же ночь в место старой стоянки ударит звезда, и такая яма образуется, что хоть землянку ставь!

Нет, они чувствуют, у всех животных на опасность чутье, пожар еще через неделю случится, а дичь уже загодя разбегается, и нет разницы, в воде они живут или по суше перепрыгивают. Если бы у меня имелась такая чувствительность, я бы вообще жил просто здорово. Я бы даже дожди обходил, мне дожди очень не нравятся, землетрясения разные. Землетрясений, правда, на моей памяти не трясло, и для цунами не было никакой почвы — до ближайшего моря полгода пути, вулканическая активность никак себя не проявляла, а лесные пожары, конечно, случались. Только летом. Летом, когда жара и грозы. Молния ударит — и горит. Лесу много, есть чему гореть.

Волк, кстати, и тогда тоже беспокоился, только я никак это беспокойство не мог распознать. Что-то его маяло... Не предчувствие смерти, нет, звери смерти не знают... Но чего-то он боялся.

Да и самому мне в этом лесу пустом было неуютно. С другой стороны, обходить его тоже не хотелось, ноги не стеклопластиковые, короче, нырнули мы с Волком в эту мертвечину, и скоро есть стало нечего. Хорошо хоть грибов много тут водилось. И даже не просто много, а очень много, шагаешь по лесу, и только шляпки под ногами хрустывают. Грибной год.

Грибами я и питался. Я-то ничего, я и на рыжиках могу, а Волку туго без энергии пришлось, ребра быстро стали просвечиваться. У меня ребра тоже просвечиваются, но мне это хорошо, мне жиреть нельзя. А Волку мутно без мяса, он же волк, хищник, убийца почти.

Да и язва от зайца у него разболелась, стала красной, гладкой и блестящей. Такой блестящей, что даже смотреть можно при боковом свете. Я пробовал его лечить, плевал на рану, землей присыпал и крестики царапал — все как Хромой учил, да только не помогало это, рана краснела и краснела, стала как ягоды. Тут уже ничем не поможешь: укусил заяц — дней десять надо, а то и двадцать, чтобы зажило. И отлежаться хорошо. Меня прошлой весной укусили — я неделю как жидкий ходил, заяц зверь на редкость дрянной и безнравственный, ему палец в зоб не клади.

Заяц укусил, Волк заболел. Стал вялым и медленным, из-за этого все и получилось. Да, если бы его тогда заяц не укусил, все по-другому случилось бы, я в этом просто уверен. Я думал, что удастся перетерпеть, но не удалось. Надо было поворачивать сразу, как только мертвый лес пошел, но я решил, что это ненадолго. День, два, и живность появится...

Но она не появилась даже через пять дней. Зверье куда-то откочевало, даже белки и те не трещали. Волк вообще стал уже толщиной с собственный хвост, лапами так еле-еле перебирал, даже загремели они у него, и слюна густая пошла, желтоватая. Мы шагали по лесу, в лесу все не так было — деревья с иголками, а я люблю, когда с листьями, березы-

осины, а не елки-палки, мох под ногами, а мне нравится, когда травка, и дальше тоже. Мы шагали-шагали, и вдруг Волк остановился. Надо было понять, что что-то не так, но не понял я... Отупоумел с голодухи, дисфункция мозга, экстракция. Волк зашевелил носом, в глазах у него закрутилась желтизна, и он сделал шаг.

— Спокойно, Волк, — сказал я, — стоять...

Волк остановился. Пригнул голову, и нюхал воздух над землей, и уши положил на спину.

— Спокойно, Волк...

Нос у Волка задержался вполне особым образом, так он дергался только на диких.

Диких мне только не хватало!

Я присел, положил руку на его хребет, почувствовал, как он дрожит, пополз пальцами к ошейнику.

Но Волк не утерпел, сорвался, побежал.

— Стоять! — прошипел я.

Но было уже, конечно, поздно.

Волк скрылся между можжевельовыми кустами, исчез совсем. Волки — они всегда исчезают, вот есть — и тут же нет, такая порода у них.

Волк ушел.

Я кинулся за ним, но остановился почти сразу, башка заработала все-таки. Я чувствовал — не все тут в порядке... Дикие, дикие, зачем мне дикие, мне сейчас с дикими встречаться совсем ненужно...

Тявкнул Волк. Коротко, сразу же замолчал, будто пасть ему заткнули, сломали челюсти. Понятно.

Понятно. Так, понятно все...

Я опустил на мох. Некстати как все это, почему не потом, почему не через месяц... Вытащил из-за спины арбалет, вложил стрелу. И сразу же стал целиться. Только целиться было некуда — впереди один низенький можжевельник, ягодки так блестят синими боками, скушать хочется.

Волк тявкнул еще раз.

Волк попался, точно. Но еще жив, жив, поэтому я поднялся и пошел к нему. Медленно, тут нельзя было спешить. Потому что впереди была опасность. Настоящая. Смертельная.

Других ведь и не бывает.

Я смотрел. Смотрел вперед — и сразу по сторонам, как учил Хромой. Чтобы видеть все, каждый листок, каждую паутинку.

Я дышал носом. Как можно глубже. Чтобы слышать.

И ртом дышал, чтобы воздух проходил через язык — это тоже хороший способ.

Слушал. Мог бы и не слушать: дикие — они бесшумные, бесшумнее волков даже. Ничего не слышно, ничего не видно, только деревья, и все. Птичка чирикнула бы, что ли, птички не любят диких, дикий проходит, а птичка обязательно квакнет, не удержится, птичка друг...

Кровь. Я услышал. Это была кровь, кровь ни с чем не спутать. Сладкий, сладкий запах. Я сместился вправо, прижался плечом к дереву. Лиственница. Из нее раньше строили корабли или бани, что-то строили. Ждал, считал удары сердца.

Сердце работало не так. Через запин. У меня с детства сердце запинатое, это нестрашно, я читал в книжке про сердечные болезни, экстрасистола называется, в пятьдесят лет меня начнет мучить легкая одышка...

Лучше бы оно все-таки не запинаясь, я так со счета сбиваюсь, а до пятидесяти ведь еще дожить.

Дикие. Скорее всего, это все-таки дикие. Устроили на меня засаду. Я их немного поубивал в начале лета, с тех пор они на меня обижаются. Мне кажется, они месть задумали. Тогда понятно, почему в этом лесу никого, всех разогнали, ни одно животное, даже енот вонючий, не станет жить рядом с дикими...

Я их не боюсь. Дикие, я вас не боюсь. Я человек, я не боюсь. Страха нет.

Страха нет. Все страшное уже случилось, впереди не может быть ничего страшного. Страха нет. Сердце, сердце мое успокоится.

Я достал еще одну стрелу, зажал ее зубами, поднялся, вышагнул из-за дерева. Никого. Дикие поодиночке не нападают, сразу стаей. Если стаей, то убежать тяжело.

Диких не было. Прячутся, отлично прячутся, они сами цвета такой лесной грязи, косматые еще, а в космах такие веточки застревают, листья прелые, шишки, мох прорастает, можешь стоять вблизи, а ничего не замечать. Ну, только по вони его можно определить, воняют они ужасно...

— Волк! — позвал я.

Можжевельники шевельнулись. Я прицелился.

Страха... нет, книга «Домашние настойки», там такой способ можжевеловой: возьмите чистую бутылку, на треть насыпьте ее можжевельновыми ягодами, доверху залейте подготовленной водкой...

Вот что такое водка, кто бы знал, где ее взять...

Волк. Показался Волк. Как только я увидел его, так сразу понял, что все кончено. Он катился. Полз. У Волка не было передней правой лапы, а другая лапа была сломана и вывернута. Волк не выживет. Если бы они были только сломаны... Я бы смог его выходить. Волк уже ломал лапу, мы тогда выжили, с трудом, но мы выжили. Сейчас нет, все, кончено...

Волк подполз ко мне. Проскулил.

— Все в порядке, — сказал я. — Все хорошо. Жди здесь.

Волк пискнул. Здоровый зверь, а пищит. Понимает, наверное, что все...

— Я скоро вернусь.

По следу шагать легко, на сером мхе кровь хорошо видна. И запах. Запах становился сильнее. Тоже кровь. Я начал считать шаги.

— Страха нет. Страха нет. Страха нет.

Древнее заклинание, каждое «страха нет» равно одному мгновению, а мгновение — это полторы полновесных секунды...

Тридцать шагов. Лес вокруг. Лес, только лес. Дикие могут прыгнуть, они как звери ведь...

Я остановился. Дальше нет смысла, я ничего не вижу, только лес, можжевельник, можжевельник.

Я почувствовал: букашки побежали по спине. Такие вообще букашки, по спине, по рукам, по шее, бегом, бегом, бегом...

Кто-то есть тут. В лесу передо мной кто-то был. Был, это точно, букашки перебрались внутрь организма. Все дикие. У меня на диких всегда такие букашки.

Сейчас.

Никто не показывался. Только лес кругом... И дикие. Они оторвали лапу Волку. Только они, дикие, так могут. Они ненавидят волков, убивают их при любой возможности. Да и волки тоже жрут диких, как кабаргу. За обе щеки, как сказал бы Хромой. В сыром виде, безо всякой тепловой обработки, какие у волков щеки — непонятно... Если сейчас выпрыгнут двое — я успею выстрелить только раз. Дикие — быстрые, надо приготовить огнестрел...

Огнестрел не пойдет, я же разрядил его, дурак, берег пружину, дурак...

Сейчас они выскочат.

Деревья. Тишина, ветер поверху. Видел каждую иголочку, каждую синюю ягоду, все увидел, все как-то натянулось...

Справа движение, я повернулся, куст с ягодами шевельнулся, я выстрелил. Стрела растворилась в зелени.

Ничего. Ветер.

Ничего.

Не попал. А может, наоборот, может, наоборот — я его прикончил, удачно так, в печень угодил. Или в горло. Не в голову, головы у диких крепкие, если попадешь в голову, только отскочит... А если в горло, то сразу...

Я стал отступать. Левой рукой достал нож. Если дикий сейчас выскочит, никакой нож, конечно, не поможет... Саблю я потерял.

Надо найти новую саблю. И нового волка, теперь мне понадобится новый волк...

Медленно, шаг за шагом, стараясь слушать. Стараясь нюхать. Кровь. И иголки...

Запах. Вернее, вонь. Так и есть, дикие, теперь уж точно. Дикие воняют страшно, хуже всякого зверья. Вонючие твари. Наверное, одиночка тут. Дикий на прогулке. И я его уложил. Удачно так, с первого раза. В горло. Если бы я в пузо ему вlepил, ну, или еще неудачно как, то он бы вопил, как крыса... Мертвый дикий воняет в два раза хуже дикого живого, это мне еще Хромой говорил...

Хорошо бы посмотреть все-таки. Скальп ему ободрать. Хромой всегда, когда убивал дикого, снимал скальп. А потом вешал в лесу, возле нашего дома. Он считал, что скальпы отпугивают других диких. По мне, так это было совсем не так, мне самому казалось, что эти скальпы их только злят... Но с Хромым спорить было бесполезно, твердый был человек, ни сантиметра не уступал.

Нет, скальп подождет. Их все-таки может быть много...

Я вернулся к Волку.

Волк лежал под деревом. Крови уже не было, у волков быстро сворачивается, это одно из волчьих достоинств. Кому нужен волк без лапы? Волк без лапы самому себе не нужен.

Я спрятал арбалет за спину, наклонился, поднял Волка, завалил его на плечи. Тяжелый. Остались одни кости, а тяжелый. У волков вся сила в костях и в жилах. И в ногах. Поэтому даже если волк худеет, он все равно остается тяжелый.

Волк снова заскулил, ему было больно. Я набрал воздуха и побежал.

Иногда переходил на шаг, потом снова бежал. Шагал по ручьям, тут их много, ручьев, путал след. Дикие пойдут за мной, я в этом не сомневался. Почему-то они не напали в лесу, не знаю, испугались чего-то. Не напали — и хорошо. Но по следу пойдут.

Ручьи слились в небольшую речку, речка вывела меня к мосту. К эстакаде. Повезло, дорога. Твердая, резиновый асфальт — это тоже хорошо, на твердой дороге след держится слабо, и тут много старых запахов, это собьёт диких. Жаль, что долго по дороге бежать нельзя, испортишь ноги и спину, сорвешь сухожилия. Поэтому через некоторое время я свернул. И опять бежал по лесу. Потом остановился, опустил Волка на землю. Надо было отдохнуть, проветрить кровь, я устал.

Волк дышал. Тяжело, но ровно, без пузырей. Внутренности в порядке. Позапрошлый Волк совсем не так умирал, хуже. Он был старый, его еще Хромой воспитал, до меня, того Волка тоже дикие убили. И его Хромой тоже домой принес. Они тогда пошли за рыбой, но вместо рыбы Хромой принес сломанного Волка. Тот хрипел, изо рта у него текло красное и зеленое, а лапы дергались не переставая — дерг-дерг-дерг, как у эпилептиков. И это дерганье почти целый день продолжалось, без перерыва. Хромой смотрел на это, а потом взял длинную стальную иглу и быстро воткнул Волку в сердце.

А я вот своего Волка домой не смог принести, у нас дома нет.

Я отдыхал до тех пор, пока не почувствовал, что ноги перестали дрожать. Диких не было. Я их не слышал. И Волк не слышал, хотя их не услышишь, я говорил...

Хотелось еще посидеть, я ослаб все-таки на рыжиках, рыжики только желудок заполняют, а силы никакой не дают, не энергетическая пища. Вроде есть после них не хочется, сытый, а мышцы разжижаются, а сухожилия... Для сухожилий нужно есть мясо. И много спать, вот сейчас бы поспать...

Хватит отдыхать.

Я взвалил Волка на плечи. Брюхо теплое, пока жив. Колени опять задрожали. Плохо. Вообще мы вдвоем могли долго идти, целый день, от рассвета до темноты. А так...

Ладно, нечего. Я выдохнул и побежал. На этот раз меня надолго не хватило, солнце

начало краснеть, а я уже не бежал, я уже шагал. Я устал. Очень.

Не знаю, зачем я бежал, Волк все равно должен был умереть.

Без Волка я бы оторвался от диких, с ним это вряд ли получится. Я не знаю, зачем я его тащил.

Тащил.

К сумеркам я добрался до города. В этом городе я не был еще, я вообще не люблю города и не очень хорошо их запоминаю, но сейчас город был кстати — дикие не любят город еще больше, чем я. Не переносят его просто.

Сил у меня уже совсем не осталось, я выбрал высокий дом на окраине и забрался в него. Надо было карабкаться вверх. Чем выше, тем лучше, по лестнице. Я очень не люблю лестницы, у меня от них кружится голова. Но делать нечего, безопасно более-менее только на последних этажах.

Ступени уходили в темноту, следовало поспешить, скоро станет совсем темно.

Волк заволновался. Стал смотреть вверх, рычать, и шерсть у него зашевелилась. Не знаю, может, лемуры... Кто еще там будет жить? Лемуры — это ничего, они пугливые, я их разгоню... Главное, чтобы не много их там было...

Я положил Волка на бетон.

— Я скоро, — сказал. — Посмотрю. Там лемуры, ты же знаешь, они это... Если накинута... Я их сейчас разгоню и быстро вернусь. Не бойся.

Я снял арбалет и пошлепал вверх. Огнестрел по пути заряжал.

Дом был очень высокий, я сначала считал ступени, потом, конечно, сбился и начал считать заново. Хромой меня всегда учил, что надо считать. Это очень помогает сосредоточиться. Я считал, считал, потом добрался до конца лестницы и почувствовал запах. Звериный. Но не лемурий. Другой.

Я огляделся. Дверей не было. Одна, которая ведет на крышу. И...

Оно выскочило, я даже не заметил откуда, точно просочилось сквозь стены, через вентиляцию. Большое, я таких раньше не видел. Не напало, мягко плюхнулось черной каплей, остановилось передо мной, забурчало и выставило желтоватые зубы. Морда круглая, пушистая. Усы большие, даже очень большие.

Мы смотрели друг на друга, я знал, что надо смотреть в глаза, ни одно животное не может выдержать взгляд — ни кабан, ни волк. Даже дикий и тот не может выдержать мой взгляд. Потому что я человек. Но этот кругломордый попался упорный, смотрел и смотрел, глаза пульсировали, он не отворачивался, но и прыгать тоже не торопился. Наверное, у него там детеныши прятались, поэтому он так себя и вел. А может, просто умный был.

Я тоже умный. Думал, что лемуры, но теперь вижу, что не лемуры. Леопард. Не ягуар, леопард, ягуары, как поленья, такие приземистые, косолапые, тяжелые, как из железа — это сразу видно. Я бы лучше с двумя леопардами бы схватился, чем с одним ягуаром. Хорошо, что не ягуар. Еще лучше, что не лигр — это вообще смерть с хвостом, а иногда без хвоста, какой попадет, лучше бы вообще не попадался...

Леопард. Всего лишь.

Не знаю, сколько бы мы так стояли, но вдруг этот леопард будто сплюснулся как-то и в размерах уменьшился, уши прижались к голове, как тогда у Волка, и вообще шерсть вся опустилась и заблестела. Глаза были круглые раньше, а тут сошлись в щелочки. Я даже подумал, что он меня испугался, как вдруг понял, что это не так.

Волк завизжал. И я кинулся вниз. Уже не считал ступени. Бежал, перепрыгивал, бежал. Волк визжал все сильнее, сильнее, потом замолчал. Я слетел на первый этаж, но там Волка уже не было, только лужа растекалась. И голова его возле стены валялась. Зрачки еще суживались. А больше ничего, кроме головы. Ничего.

Букашки. Те же букашки, я почувствовал их снова. И запах. Тот же, что и в лесу. Дикие. Вонь их эта поганая, ядовитая, все уже этой вонью было заполнено, я увяз в ней, как в болоте.

Один дикий так не мог вонять. Значит, их тут много. Если по-умному, то надо было

просто бежать. Бежать. Если много диких — надо бежать, так мне всегда говорил Хромой. Бежать быстро и далеко.

Я не побежал. Достал нож. Достал бутылку с горючим. Последнюю, кстати. И зажигалку. И сделал несколько шагов.

Что за вонь, нет, почему они так все время воняют, не могут не вонять, что ли...

— Вонючки! — позвал я. — Вонючки, вы где?

Вонь колыхнулась, там, в конце коридора, кто-то шевельнулся.

— Вонючки, я вас убью, — сказал я.

Не сказал, а сообщил. Спокойно. Ровным голосом. Я вообще не чувствовал ярости. В книжках пишут, что в такие минуты надо испытывать ярость. А я не испытывал. Они убили Волка, теперь я убью их. Вот и все. Просто. Ненависть еще говорят... пишут то есть. Я тоже не знаю, что это такое. Вот когда так сильно воняет — это да, тяжело, это, наверное, похоже на ненависть. Или когда тебя пытаются сожрать — тоже похоже. И то... Ни ярости, ни ненависти я не знаю.

Страшно еще вот бывает.

— Я вас убью, — сообщил я.

Не видно их, но они тут, я знаю. И не поняли они ничего, но мне все равно, я человек.

Взболтнул бутылку, щелкнул зажигалкой, поджег. Швырнул в коридор, так, чтобы ударилась с силой об пол. Пух! По бетону пополз голубой огонь, вспыхнуло, стало светло на мгновение, в разные стороны метнулись темные фигуры. Дикие. Привет.

Это их задержит, подпалит им шерсть. Я поднял голову Волка, она была еще теплой. Спрятал голову в рюкзак.

— Не ходите за мной, вонючки, — сказал я. — Поубиваю совсем.

После чего поспешил обратно, наверх.

От леопарда остался только запах, он убрался, животные не переносят, когда поблизости люди, они нас боятся, меня то есть, я человек.

— Вонючки! — крикнул я в лестничный пролет. — Вонючки, я тут! Сюда давайте!

Внизу был огонь. Но они проберутся как-нибудь через огонь, дикие пронырливы.

Дверь на крышу. Я толкнул ее плечом, не закрыто, выскочил на воздух.

Крыша была пуста. Оглянулся. Дверь крепкая. Тяжелая. Засов есть. Привалил дверь обратно, задвинул засов. Подбежал к краю крыши. Поглядел вниз. Высоко, не спуститься никак. Осмотрел остальное вокруг. Там. На противоположной стороне. Дом. Такой же. Почти впритык. Рядом. Можно перепрыгнуть.

Бух. В запертую дверь ударили.

Дикие.

Я набрал воздух, выдохнул. На счет «десять».

На десять. Раз, два, три, четыре, пять...

Глава 2

Минус пять

Скоро.

Скоро рейд.

Уже почти месяц, как мы перешли на рацион «В». Вместо пяти капсул все получают четыре. Четыре капсулы — это тоже ничего, жить можно. Вот если три, то с жизнью возникают сложности — голова кружится и руки дрожат. А если голова начинает кружиться и руки начинают дрожать, на драге работать уже нельзя, не допустят по технике безопасности — под гусеницы затянет, потом по отвалам кусочков не собрать. А если не будешь работать, переведут вообще на три капсулы как иждивенца. С трех капсул уже не руки, уже под коленками дрожит и не очень весело. Посиди-ка четыре месяца на трех капсулах, станешь как смерть! От трех месяцев на трех капсулах даже загар начинает рассасываться.

И депрессия. Невесело, одним словом.

Вообще, четыре капсулы означают только одно — скоро рейд. Очень скоро, возможно через месяц, а может, даже через две недели — если повезет.

Рейд. Я уже взрослый человек, мне уже пятьдесят два локальных, я уже могу участвовать. Вполне. Я подхожу. По всем параметрам. Здоровье у меня нормальное, сердце мощное, я невысокий. Это тоже очень важно, рост то есть. Рослых ребят в рейд не берут, только низеньких. Низким легче адаптироваться. Мне вот повезло, я низкий, в отца, в деда. И могу ходить в рейды.

Рейд — это самое лучшее. Люди годами сидят по норам, а это нелегко очень. Особенно для старых. Если тебе двести лет, тяжело ощущать сорок метров железа над головой, тяжело находиться в помещении, в котором можно только стоять или лежать, а ходить уже нельзя, сразу в стены упрешься. А я вот, наоборот, как раз только такие помещения и люблю, чтобы места поменьше, чтобы шевелиться негде было, чтобы тепло. А многие мучаются. А я не мучаюсь: мне что мало места, что много — все равно.

Внизу плохо, на поверхности тоже несладко. Неделя на поверхности — это наказание сущее, я-то знаю, чуть зазевался, и все — и солнечная болезнь, янтарный поцелуй. А ее лечить — одна мука, у меня два раза была. Уколы в глаза, пот, тошнит все время, и в зрачках все время солнце, солнце, солнце, и в голове солнце. А чешутся глаза как — руки приходится за спиной связывать. А один парень вообще себе глаз по глупости вычесал. Так что поверхность — это для суровых ребят с толстой шкурой и крепкими нервами.

Да и вообще жить у нас тяжело. Привыкаешь, но тяжело.

Так что рейда ждут все. А я особенно жду, я ведь никогда еще не ходил. Никуда не ходил, ни по горизонтали, ни по вертикали. Я вообще дальше чем на пять километров от базы не удалялся. Да дальше и некуда тут удаляться, вокруг распадки, ущелья и каньоны и трещины, гиблые места, столько людей там полегло. А Лабиринт? Чтобы пройти через него, надо экспедицию организовывать настоящую! С танками. С генераторами. Железную дорогу тянуть надо. Так что горизонтали закрыты, у нас никто по горизонталям особо и не ходит, если не считать Постоянную Экспедицию, но это особая тема.

Ну а вниз иногда еще можно прогуляться, по вертикали, по старым пещерам, — это да. Но туда особо далеко не продвинешься, там совершенно жарко и радиация неконтролируемая и вообще как-то страшно... Говорят, там духи есть. Вернее, дух. Каменная Мать. Человек идет, прислоняется к стене, прилипает, а стена эта потом начинает впитывать его прямо через комбинезон. Потом идут искать, находят комбинезон, а человека в нем нет. Взял будто и ушел. Страшная вещь. Тогда говорят, что Каменная Мать взяла человека в свое войско. А еще говорят, что можно Каменную Мать задобрить, надо просто знать особые слова или стихи, и если тебе повезет и скажешь ты нужные слова, Мать покажет тебе Родник.

Это, конечно, легенда. Ну, не про Мать, в Мать я еще могу как-то поверить, такое вполне может случиться, в Родник вот не могу. Не могу.

Хотя слухи возникают — то тут, то там вроде бы кто-то что-то видел, вроде бы кто-то шагнул по заброшенной пещере, подцепил ногой камень, и из-под него побежала водичка. Или нашли мертвого человека в одной из дальних пещер, а в кармане комбинезона у него была карта, и эта якобы карта указывала на Родник.

Нет никакого Родника, не может этого быть. Какой Родник здесь, у нас?

Ерунда. Но люди верят.

А есть еще черные молнии. Некоторые считают, что они тоже духи, но это предрассудки — никакие это не духи, просто шаровые молнии, но почему-то черного цвета. После молний от человека даже комбинезона не остается, одни расплавленные клапаны.

А есть...

Я могу много порассказать, раньше со мной на драге старый Ризз работал, так он эти истории выдавал без перерыва. Стоило ему только чуть зацепиться, как он начинал болтать и не останавливался, пока не засыпал. Про рейды тоже много рассказывал, он знатный рейдер

был в свое время. Как они с моим отцом вместе ходили, как интересно было, как он своей дочке привез мультфильмов целую коробку... Я, кстати, эти мультфильмы видел — очень хорошие, красивые, не царапанные, картинка отличная, все бегают.

Еще Ризз все время жалел, что его больше в рейд не возьмут, он уже немолодой дядечка, ему, наверное, уже под триста, из него уже порода толченая сыплется. Но в глазах огонь такой, энтузиазм бурлит, как плазма на солнце, интересный старик. Больше Ризза мне только отец про рейды рассказывал, правда, несколько не так, как Ризз. Ризз все в таких восторженных красках передавал, а отец, наоборот, про всякие лишения, про опасности, про героизм. Я стал мечтать о рейде тогда, когда научился ходить. Мечтал, как пойду в рейд, как там все будет, как я прославлюсь, как потом мне поручат командовать четверкой, а потом, может быть, и самим рейдом, но это не скоро, а скоро я стану охотником...

Мечтал, как любой нормальный мальчишка у нас мечтает. И поэтому, когда урезали паек до четырех капсул, я понял, что надо готовиться.

Я представлял момент, когда мне сообщат, что я имею право отправиться в рейд. Отец подойдет и будет долго говорить о вещах, совсем к рейду не относящихся. О выработке, о проблемах на обогатительной фабрике, о том, что солнечная активность медленно, но растет и надо увеличивать толщину купола, о трубах, об опреснителях и конденсаторах, еще о тысяче разных вещей, которые надо починить, наладить, перемотировать и о которых можно беседовать бесконечно. Я буду слушать с озабоченным видом, кивать в нужных местах, что-то советовать...

А потом отец как бы между делом скажет, что через пять дней рейд и я в списках. И тут важно не уронить себя. Не завопить от радости, не подпрыгнуть, важно принять это спокойно и с достоинством.

Я постараюсь. Кивну тоже как бы между делом, а потом изложу отцу свои идеи по усовершенствованию работы опреснителя. Мы поговорим и разойдемся.

И я продолжу подготовку.

Хотя готовиться особенно нечего, я готов уже давно, как всякий нормальный парень. Я могу проснуться среди ночи, погрузиться в корабль и отправиться в рейд. Хоть сейчас. Я смогу...

Я разволновался. Я стал представлять. Я видел переход, видел рейд, видел все в мельчайших подробностях, видел себя и своих товарищей, видел возвращение и как нас будут встречать, как засияют гордостью глаза матери, как Эн улыбнется, а я подарю ей...

Что подарить? Что? Вообще надо приподнести что-то очень интересное, это считается хорошим тоном. Обычно все стараются привезти драгоценности, то есть украшения разные. Отец когда-то привез матери браслет из настоящего золота. Я думаю тоже что-нибудь такое подарить. Браслет. Или цепочку с камнями. А еще неплохо шкатулку. В шкатулку можно много интересных вещей положить. Да, шкатулка — это неплохо. И мультфильмы привезти. А вдруг мы все-таки с Эн поженимся? Конечно, не сейчас, лет через двадцать, тогда нам мультфильмы пригодятся...

Я вдруг подумал, что к тому моменту я успею уже в несколько рейдов сходить. Ну, еще в один точно. И смогу привезти еще что-нибудь из украшений, ну, если повезет. И смогу подарить Эн не только шкатулку, но еще и цепочку...

Да, и книжки! У нас ведь наверняка будут дети. И Эн будет показывать им мультфильмы, мультфильмами нужно запастись. После Большого Пожара у нас анимации почти не осталось, очень много сгорело, почти вся коллекция. Так что теперь из рейдов почти все тянут мультфильмы. Ну, если язык подходит — некоторые мультфильмы ведь на таких языках сделаны, что у нас даже самый умный — Ванделер — не может перевести, а он уж человек знающий.

Эн любит мульты смотреть. Я тоже люблю. Отец нет, мультфильмы он не одобряет, а чтение наоборот, он у нас редкий. А Эн вообще кружок мультфильмолюбителей ведет, девчонки собираются по вечерам, обмениваются носителями, разговаривают, обсуждают, просматривают совместно. Я как-то пошел, но после драги было тяжело понимать, я уснул,

захрапел. Эн на меня обиделась и с тех пор на заседания мультфильмолюбов не приглашала.

Тогда я со зла записался в кружок книголюбов. Я книги тоже люблю, но по-своему, не такие, где читать надо, а где лучше смотреть, иллюстрированные. Но в кружке мне нравилось, туда ходили люди уже постарше, и многие тоже засыпали, не я один был такой. Там в конце комнаты были даже такие кресла предусмотрены для тех, кто засыпает. Мне там нравилось. И полезно, и атмосфера такая спокойная, сначала про книги слушаешь, потом спишь, и все интеллигентно — никто тебя не будит, можешь спать хоть до следующего утра.

Я вспомнил про книги, включил светильничек, достал из-под койки свою любимую. Толстая, на хорошей бумаге, отец давно ее еще привез. Раньше на книге были толстые блестящие обложки, но их из-за экономии веса отец оторвал еще в рейде. Книга была иллюстрированным путеводителем, в нем рассказывалось и показывалось про разные земли. Места были такие красивые и такие необычные, что в это даже верилось с трудом, трудно было представить, что может существовать столько простора, столько пространства, заполненного воздухом, столько всего.

Особенно мне нравились водопады. Там имелся целый раздел про водопады, с цветными фотографиями. Были представлены самые красивые и самые большие водопады. Что-то фантастическое! Наверное, одна минута жизни даже самого маленького из этих водопадов могла обеспечить нас водой на целый год. Когда я глядел на это ужасающее изобилие, у меня начинала кружиться голова, мне хотелось почему-то петь, хотелось прыгать, какая-то невесомость на меня наваливалась... Вот после таких книг и в Родник начнешь верить.

Вообще, книги — редкость. Отец рассказывал, что когда на планете начались неприятности, кто-то выпустил в воздух особые бактерии, питающиеся бумагой, и бактерии съели большую часть книг. Так что книг мало осталось, но они еще встречаются. И ценятся. Я очень хотел в рейд. Вот Ризз, он говорил, что видел водопады вживую. А отец мой не видел, он в другие места ходил.

Очень часто за просмотром путеводителя я засыпал, и мне снились сны про воду. У нас многие такие сны видят. Про воду, про еду. Некоторых они мучают чуть ли не до потери рассудка, приходится выписывать специальные уколы. Генетическая память — молодые ни дикой воды, ни нормальной еды не видели, а во снах этого много. Только потрогать ничего нельзя, не дается. Но у меня сны редкие и приятные, так что не хочется даже просыпаться. В этот раз мне водопады не снились, мне снился космос, утомительный сон, из моих нелюбимых.

Утром было все как обычно. Проснулся. Пошевелился.

Первым делом капсулы. Это правило. Капсулы надо принимать регулярно, если не делать так, то желудок начинает работать плохо, капсулы не усваиваются и идет омерзительная отрыжка, живот пучит... Я не люблю капсулы, у нас их вообще мало кто любит, однако альтернативы капсулам нет.

Вообще, есть секрет, ну, как питаться капсулами. С помощью пуговицы. Средство надежное, надо просто привыкнуть.

Я достал из-под ворота шнурок с круглой серебряной пуговицей. Пуговицу подарил мне отец, уже давно подарил, и пользоваться научил. Надо забросить пуговицу на язык и пососать ее минуты три. Во-первых, микробы перемрут, во-вторых, рот очень скоро наполнится слюной. Она смягчит глотку, и капсулы проскочат легко.

Это на самом деле так. Я пожевал пуговицу, выделил надлежащее количество слюны, после чего проглотил капсулы. Запил глоточком воды, подождал. Сделал пятнадцать приседаний для того, чтобы капсулы начали усваиваться. Выпил еще. Вода воняла железом и была кисловата на вкус, я этого не замечал, но знал, что она такая. Когда люди возвращаются из рейдов, они нашу воду не могут пить, с некоторыми даже дегидратация происходит. Потом, конечно, привыкают.

Отец говорит, что настоящая вода совершенно безвкусная. Он привозил мне и матери ее попробовать в бутылке, но я так и не понял, в чем ее преимущества — после перехода

вода пахла пластиком и была похожа на нашу обычную.

До выхода оставалось двадцать минут, я лег на койку и поставил носитель. Мультфильмы. Про бобров. Бобры были какими-то дурацкими, суетились, дрались и бегали туда-сюда, вряд ли настоящие бобры себя так ведут. Я этот носитель уже четыре раза смотрел, и все равно мне нравилось. Обменяю сегодня у Бугера, у него есть мультфильмы про медведей, про них я еще не видел. Хотя я заметил, что многие мультфильмы придуманы по одним и тем же схемам — все куда-то несутся и лупят друг друга по головам, наверное, это такие мультфильмовые традиции.

Конечно, вместо мультфильмов надо бы зарядку сделать, но лень мне сегодня было. Я вообще от родителей недавно отсоединился, четыре месяца только, живу теперь в одиночестве, а поэтому немножечко расслабился. Когда я с родителями обитал, отец каждый день заставлял меня зарядку исполнять, зарядка полезна — это во-первых, а во-вторых, зарядка просто необходимая вещь в процессе подготовки к рейду. Конечно, мы не голыми туда полезем, в комбинезонах, но все равно сердце должно адаптироваться, укрепиться как следует. Потому что если сердце слабое, оно взорвется в первые же минуты по прибытии, такие случаи бывали.

У меня сердце крепкое, отец следил за этим, проверял меня чуть ли не каждый год, так что со здоровьем у меня все как нарочно.

Со здоровьем в порядке, и я немного ленюсь. Зарядку делаю через раз. Смотрю мультфильмы. Особенно...

Под потолком замигала лампочка. Желтая. Пора. Я рывком выскочил из койки, влез в комбинезон, пожелал сам себе удачи и уже через час шагал по узкому железному коридору к ангару, в котором стояли драги. Навстречу вяло спешила ночная смена, от нее пахло маслом и кислым потом, люди пошатывались и меня то и дело цепляли, так что пока я добрался до своего ангара, у меня ребра разболелись от их толчков, а голова разболелась от их усталости.

В ангаре меня уже поджидал жизнерадостный Бугер.

Бугер работал на соседней драге, он мне вроде как приятель. Младше на полтора года, а такой рослый, крепкий. Умный тоже. И активный. Мне изо всех наших Бугер больше всего нравится, ничего Бугер парень, ну, во время отдыха поговорить там или после работы на верхние уровни сбегать... Ну, или даже на нижние. Бугер отлично пещерные грибы ищет. Правда, их можно только совсем молодые есть, если они пару дней простоят, то уже набираются активности, и лучше к ним даже не подходить, а молодые ничего, вкусные, особенно если их солью еще натереть и на секунду под настоящее солнце выставить.

Бугер увидел, что я вошел, и поспешил ко мне.

— Говорят, скоро уходим! — прошептал он. — Скоро! Совсем скоро рейд! Может даже в этом месяце! Ты представляешь? Рейд!

Я поглядел на Бугера равнодушно и спросил:

— Тебя что, опять сновидения мучили? Ты бы с этим поосторожнее, Бугер, со сновидениями. Знаешь, они до добра не доводят...

— Какие сновидения? Никаких сновидений, все верно, все на самом деле. Морозильники пусты, мне говорил Капалидис...

— Молчал бы ты, Бугер, — перебил я. — Ты же знаешь, что бывает за распространение сплетен. Запрут на два года в Постоянную Экспедицию, вернешься домой без кожи. И без рожи!

— А это не сплетни никакие! — тут же ответил Бугер. — Какие сплетни, это же понятно каждому здравомыслящему человеку! Последний рейд когда был? Почти десять лет прошло...

— И откуда Капалидис знает про морозильники, он же сейсмолог? — опять перебил я.

— Сейсмолог, — подтверждающее кивнул Бугер. — Горный удар помнишь? Около месяца назад?

— Ну, помню, и что?

— В морозильниках трещина появилась, Капалидиса вызывали оценить — пойдет

трещина дальше или нет. Ну, трещина неопасная, бетоном можно залить, а вот стеллажи почти пусты... Нет ничего.

Появился Ризз. Бугер замолчал. Ризз был человек надежный вообще-то, не стукач, но кто его знает? Он мог нам завидовать вполне — его-то самого в рейд больше никогда не возьмут, а у нас все рейды впереди. Мог из вредности донести... И вообще, перед рейдом надо вести себя осторожно. Все напряжены, озлоблены как-то, так и рады подраться. Подерешься — и на месяц в Постоянную Экспедицию, разведывать полезные ископаемые. И никакого рейда тогда точно не увидишь. И придется еще десять лет ждать.

— Есть такие мультфильмы, которые не короткие, — громко сказал Бугер. — Они длинные, и в них рассказываются настоящие большие истории.

— Ерунда, — так же громко возразил я. — Нет никаких больших мультфильмов, это все сказочки.

Слыхивал я такие истории. Про большие мультфильмы. Говорили, что таких даже много есть, и все про разное там рассказывается. Про животных есть, про игрушки ожившие, даже про каких-то доисторических ящеров, которые скакали, когда еще никаких людей не было. Но никто пока почему-то таких мультфильмов не находил.

— Ризз, как ты думаешь, есть длинные мультфильмы? — спросил я.

Ризз угрюмо помотал головой, почесал башку, с презрительным видом прошествовал к драгам.

— Дурак ты, Бугер, — вздохнул я. — Мелешь всякую чушь. Вообще, история про длинные мультфильмы в списке опасных сплетен. Ты в курсе?

Бугер промолчал.

— Ты бы еще про фильмы рассказал!

— Я видел один такой, — вдруг выдал Бугер. — Фильм. Не мультфильм, а именно фильм.

Я огляделся. Вот за истории про фильмы точно можно угодить в Постоянную Экспедицию. История про фильмы не в списке опасных сплетен, она в списке запрещенных сплетен. А этот дурачок Бугер мелет разное... Нет, совсем мозгов нет у парня, а умный вроде бы... Хотя это можно понять, его одна мать воспитывала, а без отца расти сложно.

— Ты чего городишь?! — прошептал я. — Совсем свихнулся, что ли?

— Я видел такой, — повторил Бугер.

— Заткнись, Бугер! Заткнись немедленно!

Бугер кивнул.

— Может, за грибами сходим, а? — предложил он. — После работы?

— Нет уж, — отказался я, — лучше потом, когда вернемся. Не хочется по пещерам лазить, можно ногу сломать, а я сейчас не хочу.

— Верно, — согласился Бугер. — Со сломанной ногой в рейд не возьмут. Я лучше тогда отосплюсь. Если возьмут, там ведь не поспишь...

— Я, если меня возьмут, буду мульты искать, — сообщил мне Бугер. — Мульты, книжки и конфеты. Знаешь, Ризз рассказывал, что там есть такие места, где конфеты лежат целыми кучами и по-много. Найдешь и можешь конфетами хоть обожраться.

— Конфеты надо сдавать, — напомнил я.

— Нет, это понятно, что их надо сдавать, я буду их сдавать. Но ведь и самому их тоже можно есть. Все едят. И привозить немного можно...

— Можно, — согласился я. — Но если у корабля будет перегруз, как ты думаешь, что выкинут — тебя или конфеты? Я думаю, что не конфеты...

Выкинут не конфеты, конечно. И не Бугера, конечно. Выкинут мультфильмы. Мне совсем не хотелось, чтобы выкинули мультфильмы.

— Выкинут не конфеты, — сказал я. — Совсем не конфеты.

Но Бугер предпочел не услышать это мое замечание, продолжил мечтать:

— А есть такие места, в которых конфеты в расплавленном виде. В таких чанах, вроде больших кастрюль. Ты можешь представить огромный чан с конфетами?! Плохо только, что

эти чаны встречаются ужасно редко. На пять рейдов один чан. Но все-таки встречаются. Вот что я буду искать! Конфетные чаны...

— Будешь искать то, что прикажут искать, — разочаровал его я. — Например, гвозди.

— Гвозди? Зачем нам гвозди? Куда ты собираешься эти гвозди заколачивать?

Я хотел сказать, что собираюсь заколачивать гвозди в его деревянную башку, но не стал. Побоялся накаркать. Скажешь, что гвозди придется собирать, — и тебя на самом деле на гвозди пошлют. Вот в прошлый рейд была группа, которая заготавливала дерево. А в этот рейд возьмут и отправят собирать гвозди. Чтобы вбивать их в дерево. Делать табуретки.

Нет, гвозди — это не то, что мечтаешь искать в первом рейде, совсем не то.

— И вообще, Бугер, тебя вряд ли возьмут, — сказал я.

— Почему это?

— Ты дылда. Слишком высокий. Высоких в рейды не берут, в рейд идут только коротышки.

— Я не высокий совсем, — возразил Бугер. — Я тебя всего на чуть повыше.

Он встал со мной рядом. Выше меня почти на голову. Нет, конечно, по большому счету Бугер тоже невысокий. Но надо же его позлить. Испортить настроение.

— Вот видишь, — сказал я, — а ты говоришь невысокий. На две головы меня выше. В прошлый раз Межакса не взяли, а он тебя пониже.

— У него сердце больное. А я здоровый.

— Здоровый... Вообще, хватит болтать, Бугер, — сказал я. — Давай работать.

— Давай, — закивал Бугер. — Работать должен каждый, кто не работает, тот не получает пищевые капсулы.

— Это точно, — сказал я.

И мы стали работать. И в этом не было ничего интересного. А вечером того дня мать подарила мне свитер! Тогда-то я окончательно понял, что рейд состоится. И что меня возьмут. Возьмут! Всем, кто первый раз идет в рейд, дарят свитер. Такая традиция. И вещь полезная, в рейде бывает холодно. Вообще-то, там всегда холодно, гораздо холоднее, чем у нас. Поэтому одеваться следует тепло, а свитер самая лучшая одежда. Настоящий, шерстяной, из горных коз планеты.

Мать молча подарила свитер и, так ничего и не сказав, ушла. Она вообще не любит разговаривать, в этом они с отцом похожи. А может, мать просто волновалась. Когда отец уходил в рейды, она всегда волновалась. Я знаю, она даже просилась как-то вместе с ним в рейд, но ее, конечно, не пустили. Потому что рейд — это не прогулка, это занятие для мужчин. Да даже и мужчины рейд переносят плохо. Насколько я знаю, женщины ходили в рейд всего лишь один раз, и ничем хорошим это не закончилось. Из пятерых не вернулась ни одна. Необъяснимо стремительный остеопороз, переломы костей, переломы позвоночника, кровоизлияния, прогрессирующий тромбофлебит...

Рейд — это рейд, опасное дело, не место для женщин.

Мать ушла, а я сидел на койке в свитере. Жарко.

А потом заглянул отец. Настроен серьезно, по очкам видно. Когда отец намечает серьезную беседу, он всегда надевает очки. Чтобы не было заметно, как он волнуется, очки у него плохо проницаемые. У нас тут у всех очки солнцезащитные, но у отца очки тройные, по особому заказу сделанные, а между линзами залита горная смола.

Отец уселся на раскладушку и сказал сразу, безо всяких предисловий:

— Через пять дней уходим. Плюс минус.

Жаль. Жаль, что все получилось не так, как я придумывал. Не очень торжественно.

— Через пять каких дней? — спросил я. — Локальных или...

— Или. Сегодня объявили о рейде. Значит, все, кто идут в рейд, переходят на время рейда, так что привыкай. Помнишь, как надо?

— Умножать на четыре, — тут же ответил я. — Наш день — четыре рейдовых.

В рейде время идет дольше. Потому что планета обращается вокруг Солнца в четыре раза дольше, чем наш мир. Если бы я жил на планете, мне бы было тринадцать тамошних

лет, смешно даже...

— Твой приятель тоже идет, кстати, — сказал отец.

— Бугер?

Отец кивнул.

— Постараюсь, чтобы вы попали в один экипаж, — сказал он.

Спасибо. Я хотел поблагодарить отца, но удержался — отец не любил такого. Поэтому я просто кивнул.

— А почему...

Я хотел спросить, почему не предупредили как обычно, за месяц, а еще лучше за два, чтобы все успели как следует подготовиться и настроиться, чтобы все было правильно.

— Активность, — отец указал пальцем в потолок. — Активность повысилась, пятна на Солнце дрейфуют. К тому же скоро осень, а осень — это самый удачный период...

Осень. Там осень.

— Решено идти сейчас, — сказал отец. — Благоприятное расположение, сэкономим топливо...

— Да у нас гелия — под ногами валяется! Полно!

Это точно. После Лучистого Озера нам даже обогащать ничего не надо — просто собирай, прессуй в брикеты да на склады складывай. Гелия хватит на тысячи лет — сокровища солнечного ветра, дармовая энергия. Чего экономить? Лучше бы вместо гелия была вода...

Родник.

— Так и раньше думали, — сказал отец, — что всего полно... Ошибались. Да и неважно это, разговоры все. Решено, что идем сейчас. Без вопросов.

— Да мне только и лучше, — сказал я.

Мне на самом деле лучше. От драги я уже устал, не просто устал, смотреть на нее не могу. И руки болят, и все болит.

— Сейчас расстояние гораздо меньше. — Отец показал пальцами. — Почти в два раза. Так что мы сможем пробыть чуть дольше, сделать больше запасов... Чем больше запасов, тем лучше, сам знаешь. Да и воды надо взять...

— Да, — кивнул я. — Вода — это хорошо...

Отец стал еще серьезнее, чем обычно, затем торжественно произнес:

— Ты готов. Ты сможешь выдержать. Пойдешь в семнадцатой группе, там Хитч главный.

Хитч. Известная личность. Отличный поисковик, удачливый. Отец, наверное, постарался.

— Я смогу что-нибудь привезти? — негромко спросил я.

— Ты имеешь в виду вещь? — так же негромко спросил в ответ отец.

Я кивнул.

— Сможешь, — ответил отец. — Каждый может взять одну небольшую вещь. Только ознакомься со списком запрещенных предметов. Предварительно.

— Да я и так...

— Ознакомься. Сам знаешь, если притащишь что лишнее, в следующий рейд могут и не выпустить. В этом мало приятного, торчать тут безвылазно. Поверь мне...

Я верил. Когда-то давно, когда отец был еще молодым, он привез запрещенную вещь и был отлучен на три рейда. Он даже вызвался с горя в Постоянную Поверхностную Экспедицию и целый год не вылезал из танка, тогда как раз проверяли идею насчет воды, один ученый предположил, что на планете есть вода. Не Родник. Вроде как серьезные поиски... Сейчас мы, конечно, знаем, что это бред, как и Родник, но тогда многие верили. Постоянная Экспедиция буравила поверхность в тридцатикилометровом секторе, каждый второй то и дело валялся с солнечной болезнью, мой отец тоже. С матерью моей познакомился как раз в госпитале, там ему сплавляли сетчатку. Романтическая история.

Отец продолжал:

— Быть отставленным от рейдов... Ничего хорошего. Те, кто не ходит в рейды, они лишены... они многого лишены. В конце концов, увидеть мир можно лишь со стороны, ты сам знаешь.

— И через очки, — добавил я.

— Через очки — и то хорошо. Увидеть мир... Да многие из города никогда не выходят, не то что в рейд!

Это точно, многие не выходят, особенно совсем молодые. Они даже на поверхность не могут выйти — сразу в обморок. Это потому, что агарофобы все, боятся открытых пространств, какой им рейд...

А я не боюсь, потому что я в отца. Мой отец пилот, один из Восьмерки, между прочим, а я в него. Правда, самому пилотом мне не стать, я с вычислениями плохо разбираюсь, но наследственность есть. Может быть, стану техническим инженером, когда-нибудь потом.

Я не боюсь открытых пространств, нет, не боюсь.

Глава 3

Ждать людей

«В две тысячи двести двадцать третьем году международная арктическая экспедиция, действующая в районе базы „Руаль“, достигла линзы подледного озера „Восток 18“. В пробах воды был обнаружен ретровирус, относящийся к периоду раннего палеолита. При случайном контакте с атмосферой вирус перешел в активное состояние, несмотря на принятые меры, сдержать распространение не удалось. В течение года пандемия скоротечного рака, начавшаяся среди людей и высших обезьян, уничтожила более девяноста пяти процентов популяции. Вакцину найти не удалось.

Вирус стремительно распространился по континентам, проник на орбитальные станции и планетарные колонии. Поселения на Марсе, Луне и Нептуне погибли. Меркурианская база ввела строгий карантин и объявила, что будет сбивать все приближающиеся корабли. Политика жесткой изоляции принесла плоды — на Меркурий вирус не проник, колонию удалось сохранить.

В две тысячи двести тридцать пятом году база Меркурий направила на Землю исследовательский корабль с экипажем из четырех человек. Экипаж обнаружил, что настоящее население Земли составляет менее сотой доли процента. Вируса и его носителей обнаружено не было.

При старте корабль потерпел крушение. Из экипажа выжил один человек.

Алекс У.

Алекс У воспитал Красного, Красный воспитал Лося, Лось воспитал Ушастого, Ушастый воспитал Козявку, Козявка воспитал Крючка, Крючок воспитал Хромого, Хромой воспитал Алекса, Алекс воспитает Ягуара».

И заставит его выучить все это наизусть.

Обязательно заставляю. Хромой заставил меня это выучить, почти целый месяц я потратил на это. Каждый вечер сидел и бубнил: «Козявка воспитал Крючка, Крючок воспитал Хромого, Хромой воспитал Алекса...»

Алекс — это я, и я еще никого не воспитал. Ягуара еще нет. Я должен найти Ягуара и воспитать его как себя. Как меня в свое время Хромой, ну, и как все остальные до него. Научить говорить на правильном языке, научить думать, ходить в одежде и в башмаках, стрелять из оружия, разводить огонь, читать.

Кстати, при чем тут экспедиция — никак не могу понять до сих пор, да еще и арктическая, экспедиция — это же совсем другое...

Научить ждать. Я должен буду научить Ягуара ждать. Ну и татуировку, конечно, сделать, без татуировки никак. Буква «М» на правом плече, а за этой буквой косматое солнце. А у меня этих букв вообще много, особенно на спине. Хромой татуировки не умел делать и сначала долго тренировался, всю спину мне издырявил. А пока он там возился, я

должен был повторять все это — про пандемию, про базу «Руаль». Чтобы лучше запомнилось. А сам Хромой говорил, что когда он это учил, то Крючок его лупил ежовым ремнем, ну, ремнем то есть из ежиной шкуры...

Сам Хромой хранил весь рассказ в блокноте. То есть в блокнотах. У него их много было, потому что он их очень много терял. Потеряет и тут же новый берет и пишет, на память свою не надеется. А я в конце человечков дорисовывал, тоже тренировался. Так у нас и получалось — половина книжки каракули Хромого, половина — мои человечки.

Козьявка воспитал Крючка... Я, когда заучивал, половину слов вообще не понимал. Потом несколько книжек прочитал, словари разные, тогда уже понимал. Что такое «пандемия», «вирус», «базы». Что такое «изоляция». Хромой говорил, что это просто должно запомнить, понимать-то неважно, помнить — главное. Помнить, что придет время и настоящие люди вернутся на планету. И тогда они примут меня как равного. Потому что я прямой наследник самого Алекса У.

— Твоя задача — ждать, — говорил Хромой. — Ждать, пока не прилетят люди. Ждать людей.

— С Луны?

Я специально спрашивал, просто я любил поговорить и поспорить, приятно слушать было человеческий голос.

— Ты что, не понимаешь? — сердился Хромой. — Мы же заучивали! Ты же повторял много раз, ты что, совсем не понимаешь, что заучиваешь?! Базы на Луне все погибли! И на Нептуне погибли! Только на Меркурии люди остались! И здесь только ты да я...

— Но там нет никакого Меркурия, — возражал я. — В небе. Луна есть — она желтая, тут все понятно, я ее вижу. А где Меркурий?

Я прекрасно знаю, что есть и Меркурий, и другие планеты, и что эти планеты вертятся где-то там наверху в строгом порядке, про это во многих книжках пишется. Но если честно, я в это не очень до конца верю, трудно верить в то, что не видишь глазами. А в книжках ведь могут и врать вполне, вот сказки взять — они тоже в книжках пишутся, а между тем сказки — сплошное ведь вранье. В сказках все животные разговаривают, драконы какие-то, кони летающие, экзема разная. А этого ведь нет на самом деле. На самом деле все молчат. Вокруг тишина просто нечеловеческая, даже Волк глазами разговаривает, а хоть слово сказать не может. В книжках же они разговаривают с утра до вечера.

А вдруг в книжках врут и про Меркурий?

— Он просто далеко, — объяснял Хромой. — И он с другой стороны Земли. Поэтому его и не видно. Но он тоже есть. Там живут люди. И они прилетят. И все пойдет по-старому, как раньше.

— Как это? — не понимал я. — Как это по-старому? Как раньше?

— Так, по-старому. По-хорошему. По-правильному. Вот ты шоколадки пробовал?

— Пробовал.

— Вкусные?

— Вкусные.

Шоколадки на самом деле вкусные. Только твердые, зубы все поломаешь. А так даже меда лучше, мед — он всегда мед, ну, один горчее другого, а шоколадки разные. В некоторых орехи. В некоторых ягоды. Или вообще штуки непонятные, гуаровая камедь. Там, где эта камедь, шоколадки самые вкусные.

— Вот когда все станет по-старому, шоколадок будет много, — обещает Хромой. — Ты их сможешь каждый день есть. Да вообще ты сможешь есть только шоколадки...

Ну, не знаю. Шоколадки, конечно, дело хорошее, я бы их, наверное, мог съесть сколько дашь. Но все уж совсем менять в мире мне не хочется. И так все нормально. Ну, не очень, конечно, хорошо, но в целом ничего. Если бы диких не было еще...

— А дикие? — спрашивал я.

— Что — дикие?

— Шоколадки — это хорошо, но с дикими что делать? Их очень много развелось. Вот

если бы люди их всех перебили...

— Перебьют, — уверял меня Хромой. — Обязательно перебьют. Только прилетят, так сразу и перебьют. Первым же делом. Ты что же думаешь, что они будут с этими вонючками жить? Да никогда! Люди обожают чистоту! Ты же книжки читал, они даже руки перед едой всегда обеззараживали...

— Это хорошо... — говорил я. — Очень хорошо...

Хорошо, конечно. Тяжело жить, когда кругом одни дикие. Да волки, да пантеры, да зайцы, да руки не обеззараживаются...

Я представлял мир, где будут обеззараживаться перед едой руки. В общем, ничего, но, судя по книгам, в том мире все друг друга заставляли что-то делать, а некоторых заставлять даже не надо было, они все добровольно делали то, что им не нравилось. А я бы так не хотел, я всегда делаю то, что хочу, иду туда, куда хочу, в этом, по-моему, главная человечность заключается. Я человек, а человек должен быть свободен...

— Алекс, — вздыхал Хромой, — ты еще пока не понимаешь до конца. Но ты поймешь. Это наша планета, мы на ней жили, тут было все налажено, и нам тут было хорошо. А потом все разладилось в разные стороны...

— Как разладилось? — злился Хромой, хотелось мне с ним поговорить.

— Ну, как-как, ты же знаешь, как... — Хромой трепал Волка за ухо. — Болезнь. Она распространилась, и от этой болезни все на земле почти умерли. А некоторые изменились нехорошо...

— Как зайцы?

— Как зайцы. Зайцы раньше от всех бегали. А теперь увидишь зайца — беги подальше сам, загрызет. Но это ничего, люди и зайцев этих тоже перебьют. Всех опасных они истребят. И вообще жить станет проще, дом у нас будет как раньше, еда всегда...

— А как люди живут на этом Меркурии? — спрашивал я. — Тоже в лесу?

Нет на Меркурии никаких лесов. Камень там только и солнце светит всегда.

— Не знаю, — подыгрывал мне Хромой. — Наверное. Вот прилетят и скажут. И ты им скажешь...

Хромой зевал с хрустом.

— А если они не прилетят?

— Прилетят, — ежился Хромой. — При тебе еще прилетят, обязательно прилетят. Но ты должен на всякий случай еще одного человека воспитать. А то прилетят люди, а тут нет никого, только дикие...

— Я назову его Ягуаром, — сказал тогда я.

— Почему?

— Ну как в сказке. Помнишь, когда там ягуар хотел выцарапать черепаху. Ягуар смешной, большая кошка.

— Да. Но у нас ягуары не водятся...

— Водятся, — возразил я.

— Нет, у нас ягуары не водятся...

Я не стал спорить, перехотелось вдруг. К тому же я-то точно знал, что ягуары у нас водятся. Правда, их совсем мало, я раза три всего видел, возле реки они рыбу ловили.

Ягуаров даже меньше, чем лигров.

— А что такое выцарапать? — спросил я. — Это как?

— Думай сам, — отвернулся Хромой.

Тогда я еще не знал, что такое выцарапать. И стал думать.

Когда Хромой еще не умер, было много времени, чтобы думать. Хромой ходил на охоту, а меня заставлял думать. Притащит какую-нибудь книжку несъеденную, заставляет читать. Читать-то я читаю, только ничего не понимаю, слова всегда незнакомые, трудно вникается. Хромой говорил, что только так можно воспитать человека — человек должен думать, а не по лесу с арбалетом носиться.

Читать и рассуждать. Прямо у себя в голове. Это очень полезно. Потому что мозг — он,

как яблоко, гладкий. А когда ты много рассуждаешь, в этой гладкости появляются бороздки. И чем больше бороздок, тем человек умнее. Рассуждай у себя в голове. Постоянно. А когда у тебя будет Ягуар — рассуждай с ним, чтобы у него тоже в мозгах бороздки образовывались.

И кушать надо хорошо. Для питания мозга чрезвычайно важна хорошая еда, от этого в мозгу экология хорошая. Когда я жил с Хромым, всегда еда наличествовала. Хромой был очень запасливым человеком, и кладовки ломились, большие и богатые. Осенью, когда рыба и олени становились жирные и мясистые, мы отправлялись на добычу. Далеко не надо и ходить даже, оленей в лесу, как клюквы на болоте, а не хочешь оленей, бей кабаргу.

И рыбы в реке тоже полно, шагай с острогой вдоль берега, можно и днем, тюкай себе помаленьку. Прямо на месте коптили. И мясо, и рыбу. Потом тащили все домой, устраивали в лабазе на длинных жердях, потом опять в лес...

Хорошо жилось.

Но лабаз — это еще не все. Каждую весну мы устраивали глубокий ледник, где и мясо, и рыба могли вполне успешно храниться в свежем виде. Так что в некоторые зимы мы даже из дома не выставлялись, лежали, накапливали силы для лета. Ледник — очень удобная вещь, хотя я не очень любил в него ходить: опускаешься туда — темно, тихо и со всех сторон торчат ободранные туши. Мерзлые.

Запасы.

Неприятное ощущение. Всегда мне там не по себе было...

С другой стороны, мы ни разу не голодали. И я вырос крепкий и быстрый. Хромой молодец все-таки, настоящий человек, жалко его. Я вот не умею запасы делать. Поэтому я всегда либо обжирюсь так, что пузо до колен, или позвоночник от голода через живот просвечивает.

Это, наверное, потому, что я еще молодой. Я не знаю своих лет, но сколько себя помню, Хромой был всегда рядом. Сначала мы жили в доме, в нем раньше и Хромой, и Крючок, и Колючка жили. Очень хороший дом с крепкими стенами и потолком, можно сказать, что семейный. И местность тоже хорошая — рядом река, еды много. Пескарей можно бить чуть ли не из окна, и олени на водопой приходили. Это было лучшее время. Потом отчего-то появились дикие.

Раньше они редко встречались, бродили в своих дальних лесах. А тут вдруг полезли. Точно их выгнал кто, так и стали вокруг дома шастать. Сначала в темноте было нельзя выйти, потом уже и днем. Волк с утра до вечера беспокоился, шерсть на загривке так и шевелилась. А потом они меня чуть не сожрали вообще.

Я тогда маленький еще был, не мог себя оборонить, а Хромой отправился с Волком за солью, мы на зиму хотели мяса побольше завялить, вот он и пошел. А я дома остался. Составлял из букв новые слова, это интересно.

Потом слышу — возле дома кто-то бродит. Туда-сюда, туда-сюда. И вздыхает так протяжно. Сначала я испугался, думал лигр, они такие вот вздыхатели как раз. В щель в двери выглянул осторожно, лигра нет, смотрю — только груша на земле лежит. Груша — вообще дерево ценное, мало сейчас встречается. И сладкое очень. Шоколадки редко попадают, а сладкого всегда хочется, от него сил здорово прибавляется, а груши — они почти как шоколадки...

И так мне этой груши захотелось, что я не вытерпел, откинул засов, дверь сразу же распахнулась, на меня налетело что-то большое и лохматое, я даже завизжать не успел. Но по вони понял. Меня подхватили под мышку как какого-то поросенка и потащили в лес. Я закричал, но дикий меня стукнул по затылку, и я сразу потерял сознание.

Очнулся и увидел зелень. Зелень скакала перед глазами, меня тащили сквозь кусты. Я извернулся и попробовал укусить сжимавшую меня руку, но рука была крепкая, а шкура толстая, даже не прокусилась. А дикий ничего, кажется, и не почувствовал, не остановился, тащил и тащил, я как полено укусил, как дерево. Недаром Хромой мне рассказывал, что дикие в старости не умирают, а ведут себя совсем по-другому, дожидаются весны, откапывают ямку, становятся в нее ногами и закапываются обратно, примерно по пояс. А

потом начинаются дожди, живые весенние дожди, и из ног дикого начинают расти корешки, к лету он покрывается сочными зелеными листочками, а к осени становится вообще деревом.

Вранье, конечно, но в молодости я сильно в это верил. К тому же Хромой показывал мне невысокие кряжистые деревья неопределенной породы, которые, по его утверждению, были раньше дикими и живыми. Они ими вроде как и оставались, Хромой предлагал мне попробовать — взять и как следует поковырять кору, и если углубиться хорошо, то пойдет кровь. Поковырять я так и не решился, а потом, когда Хромого уже не было, я видел такое дерево, его смерчем выворотило. И никакой крови внутри, дерево как дерево.

Так вот, тот дикий меня долго тащил, потом остановился все-таки, не машина, не экскаватор. В каком-то сыром глубоком овраге, черные корневища со всех сторон, камни острые, ручей булькает. Бросил меня на землю рядом с водой. И давай подвывать. Как волк какой-нибудь. Повыл немного — у-у, у-у-у — и сразу из кустов выскочили другие дикие, целая команда. Штук, наверное, восемь, я не успел сосчитать. Окружили меня и уставились, как на шоколадку. Стояли молча, это было страшно. Я так испугался, что даже сказать ничего не мог. Да и бесполезно говорить — дикие ничего не понимают все равно, они хуже зверей. Волк — и тот понимает в тысячу раз больше, чем дикий.

Все, думал я. Все. Вряд ли я теперь Ягуара воспитаю. Хромой всегда говорил, что к диким лучше не попадаться. А еще Хромой иногда, совсем иногда говорил, что до меня у него уже был Алекс. Они его утащили, и он пропал, они его, наверное, замучили...

И сейчас вокруг меня они стояли. Пялились, пялились... А потом один потрогал меня за ободранное ухо твердыми пальцами, а другой облизнулся.

Нет, Хромой мне говорил, что дикие людей не жрут, что они только растительность жрут, грибы-ягоды, но откуда он это знает? Людей вообще ведь нет, только я да он. Так что знать — жрут они людей или нет — никто не может. Это можно проверить только экспериментальным путем...

Вот я сейчас и проверю.

Испугался я тогда, испугался. Ну, то ли от страха, то ли оттого, что я одурел изрядно, я вдруг сказал:

— Лучше меня отпустите. Не отпустите — за мной прилетят. С самого Меркурия. Тогда вам всем смерть приключится.

Дикие переглянулись. А тот, что уже облизывался, еще раз облизнулся. У меня от этого мороз по хребту пробежал. Нет, может, все остальные дикие и питаются кореньями и всякими там орехами да щавелем, а этот явно мясо уважает. Вон как ко мне приглядывается, тоже мне Робин-Бобин, гастороном-самоучка...

Нет, мне совсем не хотелось умирать в лапах диких, такая смерть вообще мне не нравилась. Чего в ней хорошего? Как-то позорно даже...

Хотя дикие не спешили меня жрать. Лето, чего им спешить? Летом жратвы много, они не очень голодные. Вона какие жирные, у каждого брюхо, и сами все сальные такие. Зверье. Зимой они бы меня уже небось пять раз слопали, даже не раздумывая. А сейчас не спешили. Может, они по частям меня решили? Или утащат в глубь леса, в свое стадо, чтобы каждому по кусочку досталось. Будут откусывать и передавать, откусывать и передавать, укреплять дикую дружбу...

А может, они правда увести меня хотят? Но если они не едят мяса вообще, если им мяса не надо, зачем я им тогда? Только на увод. А зачем меня уводить?

Точно! Точно! Я прямо похолодел весь. Они меня похитили для того, чтобы я женился на какой-нибудь дикой! Для улучшения ихнего экстерьера!

Нет уж, ребята! Жить в берлоге с какой-то там волосатой вонючкой! Ни за что!

И тут, будто в подтверждение моих страхов, самый упитанный дикий вдруг шагнул ко мне, присел и как-то чуть ли не по отечески потыкал меня пальцем в плечо. А затем опять потрогал за ухо. Этого мне только не хватало!

Нет уж! Не дамся!

Я рывком вскочил на ноги, отпрыгнул в сторону, схватил камень и запустил в этого

самого жирного дикого. Прямо в лоб ему попал. Только от такого лба не то что камень, пуля отскочит безо всякого урона. Но рассвирепеть дикий рассвирепел, прыгнул на меня, схватил, пасть свою, как крокодил, растопырил да как заорет! Потом швырнул меня на землю, кулачище свой надо мной занес...

И тут из кустов как полыхнуло! Я не понял, что это было, испугался огня еще больше, чем диких! Огонь! Огонь как выплонулся! И прямо на диких! А дикие волосатые все, мусорные, сразу как загорятся! Как факелы просто! Как загорятся, как замечутся по берегу! Мясом горелым запахло — жуть! Ну, дикие немного побегали, поорали, потом додумались — попрыгали в ручей, потушились. В яму забились, сидят кучкой, головы высунули — дымятся.

А я сижу на берегу.

Вслед за огнем показался Хромой. Он молча поднял меня на ноги, и так же молча мы пошли домой. Потом, километра через два, я немножко очухался и стал уговаривать Хромого вернуться и разобраться с этими ручьевидными дикими. Чтобы им неповадно было меня дальше похищать...

Но Хромой молчал. Так мы домой и вернулись. С тех пор я вообще на груши смотреть не могу: как увижу грушу, так вот все эти коллизии и вспоминаю. С дрожью.

И еще. Без арбалета я больше никуда, даже спать не ложусь, арбалет всегда рядом — только руку протянуть.

И без огнестрела.

А этих диких вообще не терплю. При каждом удобном случае стреляю. Жалко, что огнемёт очень тяжелый, я не могу его с собой таскать. И дома не могу хранить. Потому что у меня нет больше дома. После того как не стало Хромого, не стало и дома.

И огнемёта не стало.

Вообще, огнемёт — лучшее оружие против диких. Да и вообще против всех, жалко, что огнемёт не может быть поменьше. Если бы он был размером с огнестрел, ну или хотя бы, может, чуть больше...

А так не могу я его с собой таскать.

Хромой тогда мне жизнь спас. В который раз уже. Он меня всегда спасал, ну это и понятно, так и положено. Я тоже Ягуара буду спасать. А он своего воспитанника станет спасать. Хотя Хромой говорил, что к тому времени спасать никого не придется, — люди с Меркурия прилетят и все будет нормально. Обезьян, медведей, лигров перебьют и загонят в зоопарки, диких просто перебьют, лишние леса все повыврубят, вместо них проложат дороги и сделают поля с овощами. А леса посадят новые, очень хорошие. И сады.

— Хромой, а как я их узнаю?

— Просто. Они такие же, как мы. И татуировки. У всех людей с базы на Меркурии есть татуировки. Как у нас. Они сами тебя узнают, ты наследник Алекса У!

Говорил Хромой, и меня переполняла гордость. Оттого, что я наследник самого Алекса У, первого человека!

— Алекс У был великим, — рассказывал Хромой. — Он мог бежать два дня без передыха! Когда на него набросились две пантеры, он убил их голыми руками! Он мог в один раз съесть жареного барана! Из своего пистолета он мог попасть в подброшенную монету! И еще Алекс У много читал! Он читал очень быстро — за день он мог прочитать целую книгу, а иногда даже и две! Только тот, кто много читает, — настоящий человек! Запомни, Алекс, только тот, кто много читает, — человек! Человек много читает, человек быстро бегает, человек метко стреляет, человек помнит прошлое!

Хромой рассказывал и рассказывал про Алекса У, точно он его лично знал. Да мне самому вообще после этих рассказов начинало казаться, что я прекрасно знаю Алекса У, что он стоит в углу нашего жилища, в темноте, там, куда не пробивается свет от очага, стоит и смотрит. Точно между нами не было ста с лишним лет. Иногда мне даже чудилось, что я вижу, как блестят пряжки на его португее, как отливают золотом накладки на его револьвере.

Хромой рассказывал про Алекса У, а я закрывал глаза и потихоньку начинал дремать. И тогда, чтобы меня разбудить, Хромой переходил на сказки. Сказок он знал очень много и мог каждый раз рассказывать новую.

— ... И тогда этот мальчик обнаружил, что превратился в собаку. И жить собакой было не очень хорошо, раньше, когда он был мальчиком, его кормили, а когда он стал собакой, то пришлось ему добывать себе пропитание самостоятельно...

Я открывал глаза и слушал. Сказка была интересная, мальчик все никак не мог превратиться обратно в человека, с ним приключилось очень много разных приключений, но Хромой никогда не заканчивал истории до конца. Про мальчика он тоже тогда не дорассказал, замолчал, подумал и отправился спать в свой гамак.

Вообще у нас дом был очень хороший. Такой глиняный, двухэтажный, печка, очаг и даже чердак, я любил на чердаке спать. Там в крыше была щель в досках, в нее проглядывались небо и Луна. Я смотрел на Луну и думал, что Хромой все-таки ошибается. Люди, если они есть в небе, то они ни на каком не на Меркурии, которого вообще, может быть, и нет, люди на Луне. На Луне гораздо удобнее — все видно хорошо, и спускаться удобнее — вниз.

Я бы сам на Луне поселился, если бы мне выбор предложили. Луна еще желтая, там нет лесов. А если там нет лесов, то там нет и диких. И зайцев, и рысей, и енотов. Только желтая пустыня.

Я бы хотел на Луне жить.

Я лунатик, наверное. Сомнамбулист, это так называется. Тот, кто любит Луну. И я должен дожидаться людей, в две тысячи двести двадцать третьем году международная арктическая экспедиция, действующая в районе базы «Руаль», достигла линзы подледного озера «Восток 18»...

Глава 4

Минус два

Сразу после работы отец заглянул ко мне и вручил список запрещенных предметов. Я только что принял вечернюю порцию капсул и пребывал в сонном настроении — после белкового вброса всегда так хочется полежать и подумать, отрывка мучает, внутри что-то бурчит и подташнивает еще. Но отцу этого ведь не объяснишь, он человек старых правил, сейчас таких людей больше не делают. Минитмен — человек, в течение минуты готовый ко всему. К разгерметизации, к вспышке на солнце, к приступу мобильного бешенства в детском питомнике, к прорыву из шахт метанового облака, ко всему. Сирена еще только начинает выть, я еще только глаза продираю ото сна, а отец, уже обряженный в защитный комбинезон, выходит в дверь. Сейчас таких нет, сейчас все прагматики. Все знают, что в случае тревоги ты должен прибыть на свое место по штатному расписанию за пять минут, все и прибывают за пять. А вот так, чтобы за минуту... Нет, это только старые так могут.

Отец упрям, пришел с толстенькой книжечкой, тряс ею над моим ухом. Хотя я на самом деле знаю перечень запрещенных вещей. Да его все знают почти наизусть, даже самые молодые. Но спорить с отцом не хотелось, так что я книжку взял. Выслушал еще множество напутствий, множество рекомендаций, выслушал уже неоднократно выслушанную лирическую историю про трепет отца перед первым рейдом, дал нужное количество заверений и обещаний, все как полагается.

Отец непривычно волновался, не знал, куда руки деть. Вообще-то, я понимал, из-за чего он волнуется, рейд — довольно опасное мероприятие, многие вообще не возвращаются, я уже говорил. А я у него первый. Ну, в смысле, первый нормальный.

И пока единственный.

Так что отец волнуется. Опасается, что я его подведу. Не оправдаю возлагаемых надежд.

И мать волнуется. Ну, она всегда волнуется, когда я от них отделялся, так она места

себе не находила. А тут рейд! Все может случиться...

Поэтому она на отца и давит, а отец давит на меня.

На всякий случай я еще раз заверил отца, что буду осторожен. Не буду никуда соваться, не буду никуда лезть, буду тих и спокоен, что скажет начальник, то и стану выполнять. И пять раз все это повторил.

Отец покивал и ушел, а я на всякий случай принялся изучать список запрещенных вещей.

Как оказалось, не зря. Список обновился и довольно расширился, и это испортило мне настроение. Так, немного, испортить серьезно настроение мне было довольно сложно — рейд впереди. К обычному перечню: игрушки, кинофильмы, оружие, статуэтки, картины, некоторые книги — добавились еще и мульты. Отныне их разрешалось провозить только через цензурный комитет, как раньше книги. И еще добавили почему-то часы наручные, мебель, маленькие рации — ну, это понятно почему, колокольчики, одежду, раньше одежду можно было провозить, а теперь запретили. Кому помешала одежда?

И колокольчики. Кому мешают колокольчики? Какой дурак потащит мебель?

И еще много чего они там написали, запретители.

Ну, да им видней. Одежда так одежда. Хотя какой от одежды вред? А может, мать не случайно мне свитер связала? Если теперь одежду нельзя провозить, то придется ее самим делать. Интересно, Эн умеет вязать? Или шить? Надо спросить. Сегодня я как раз собирался с ней встретиться...

Извиняюсь, игрушки в новом списке разрешили, ошибся.

Я поглядел на часы. Так, уже пора. Я выскочил из своего бокса и поспешил к саду. По пути толкнул какую-то тетку, она умудрилась огреть меня по спине, хорошо все. Лифты почему-то не работали, и пришлось бежать по лестнице, что было не очень удобно — люди, занятые на строительстве верхних ярусов, возвращались в жилые боксы, я пробирался против течения.

Опоздал.

Эн сидела на скамейке. Выглядела довольно бледно. Она работает на обогатительной фабрике, и, когда мы переходим на четыре капсулы, они переходят на три. А про три капсулы я уже говорил — ноги протянешь. Да и здоровья обогащение не добавляет — поди целый день в маске поработай. А без маски нельзя — гелий-3 адсорбируют коллоидной кислотой — одна капля прожигает от макушки до ступней.

Жаль ее, тяжелая работа.

Эн ждала меня. Наши пятнадцать минут. Каждый месяц человек может посидеть пятнадцать минут в саду. Сад небольшой, комната десять на десять, потолок три. Есть небольшой фонтан с соленой — чтобы не пили — водой, и дерево растет, и трава. Под деревом скамейка.

На скамейке меня ждала Эн, а я опоздал на две минуты. Чем Эн была весьма недовольна. Я бы сам был недоволен, а у Эн еще характер вообще кусачий.

— Если тебя берут в рейд, это тебе еще не дает права опаздывать, — сказала она.

Я поглядел на нее с усталым пренебрежением. Мужчина отправляется в рейд, женщина ждет у камина. Вяжет носки. Кстати, если мы помолвимся, то я смогу провезти две крупные вещи. Официально. Я поглядел на Эн.

— Думаешь про вещи? — догадалась она. — Зря думаешь, я за тебя не собираюсь.

— А я и не думаю.

— Думаешь, по лицу вижу. Думаешь, что я побегу за тебя замуж. Не побегу!

— Да и не надо, — я равнодушно зевнул, — нужна ты мне очень... Знаешь, и без тебя желающих много будет. Вот Ната, она просто мечтает...

— Да что ты говоришь? — перебила меня Эн. — Ната просто мечтает? Просто жить не может?!

Я еще более равнодушно пожал плечами.

— Я ей все глаза выдеру, — так же равнодушно сказала Эн.

Ну, дальше мы помирились и начали придумывать, что я привезу Эн из рейда. Можно взять две вещи. Но это официально, как я уже говорил. А неофициально можно провезти больше. Так многие делают, если стартовая масса не превышает норму, то контроль не проводится и легко прихватить кое-что с собой. Ну, разумеется, что-нибудь небольшое, что можно спрятать под комбинезоном.

— Я хотела тебя кое о чем попросить, — сказала Эн негромко.

— Ну конечно, — великодушно кивнул я. — Попроси.

Сейчас она попросит меня привезти ей украшений.

Все девчонки мечтают о драгоценностях. Даже моя мать их любит, отец из предыдущих рейдов их пригоршнями таскал. Странно это даже — смысла в этих драгоценностях нет никакого, их даже на капсулы никто обменять не захочет, а все женщины их просто обожают.

Золото, серебро, бриллианты. Жемчуг особо. Если его толочь и принимать с водой, то желудок регенерируется, снимается токсическое воздействие капсул.

— Это, конечно, неправильно. — Эн даже, кажется, покраснела. — Но я хочу, чтобы ты привез мне...

— Ты хочешь фильм, — теперь уже я ее перебил. — Ты хочешь, чтобы я привез тебе фильм?

Эн помотала головой.

Интересно, подумал я. Если не фильм, то что тогда? Я стал вспоминать, что тайком протаскивали на корабль участники рейдов. Редко что-то оригинальное протаскивали, вообще-то. Чаще всего обычную контрабанду. Конфеты, спиртное, иногда книги с запрещенными репродукциями, иногда фильмы. Очень редко. Я слышал про один такой фильм вот. Ну, и Бугер тоже вот сбrehанул.

Баян. Один дурачок умудрился пронести баян. Любил музыку, хотел выучиться играть. Как ни странно, баян ему оставили. До сих пор на нем играет, можно иногда пойти в музыкальный клуб, послушать.

Неужели Эн хочет баян? Нет, баян для нее слишком мелко, так, несерьезно даже. Эн о баян не будет даже мараться. Ей подавай что-нибудь масштабное, грандиозное. Рояль. Точно, Эн мечтает о рояле! Она хочет, чтобы я ей протащил рояль!

Я представил, как Эн сидит за роялем, и хихикнул.

А может, контрабас.

Я представил, как Эн обнимает контрабас, и хихикнул.

— Что смешного? — прищурилась Эн.

— А? Нет, ничего смешного. Так чего тебе притащить? Рояль?

— Почему рояль? Нет, не рояль. Я хочу, чтобы ты привез мне котенка.

Мне показалось, что я ослышался.

— Что?! — спросил я как можно тише.

Нет, вокруг никого не было, никто этот бред не мог услышать. Повезло.

— Повтори, — попросил я, — я не ослышался?

— Ты не ослышался. Я хочу, чтобы ты привез мне котенка. Ты знаешь, что такое котенок?

Я знал, что такое котенок. Видел в мультфильме. Котенок — это маленькая кошка. Такая совсем маленькая — если его посадить на ладонь и сжать кулак, котенок как раз в нем укроется. Маленькая кошка. Котенок ловит мышей и ими питается. Во всяком случае, в мультиках так всегда происходит. И сыром котенок питается. И молоком. Интересно, какой сыр на вкус? Ризз рассказывал, что в первых рейдах еще встречался сыр, только очень засохший. Но даже засохший сыр очень вкусен...

Лучше бы она хотела рояль.

— Что молчишь? — Эн громко щелкнула пальцами. — Я тебя спрашиваю, ты знаешь, что такое котенок?

— Зачем тебе котенок? — оторопело спросил я.

— Хочу попробовать, — ответила Эн.

— Он, наверное, невкусный...

Эн хихикнула.

— Дурак ты, — сказала она. — В рейд тебя берут уже, а ты все такой же дурак. Непроходимый просто. Мне мама говорила, что те, кто на драгах работают, они все немного того... От вибраций у них мозг разрушается постепенно. Ты что, ничего совсем не понимаешь?

— Понимаю...

— Зачем может быть нужен котенок? Для того чтобы вырастить из него кошку. У меня у матери спина болит сильно. Как ночь — так спина начинает давить. Ты можешь представить, что такое, когда всю ночь болит спина?

Представить я мог. Ночи у нас длинные. Очень.

— А она прочитала, что кошки хорошо радикулит лечат. Если к спине прикладывать кошку...

— Мертвую? — глупо спросил я.

— Не, все-таки ты дурак, парень с драги. — Эн покачала головой. — Какой смысл прикладывать к радикулиту мертвую кошку? Конечно же, нужно прикладывать живую! Живая кошка теплом исцеляет, она все лечит. Мама очень хочет кошку.

— А как же биокарантин? — спросил я.

Эн фыркнула.

— Нет, существует же биокарантин...

— Так и скажи, что не можешь, — улыбнулась она.

У нее самая красивая улыбка. Определенно самая красивая улыбка, какую я только видел...

— Все парни — хвастуны, — сказала Эн. — Болтают все время — мы все можем, мы все можем, а как приходит время привезти что-нибудь из рейда, они начинают ныть — нет, я не могу, у нас же биокарантин...

Я не дурак, у меня от вибрации мозг еще не совсем расслоился, Эн зря говорит, с мозгом у меня все в порядке, я понимал, что вот сейчас она меня просто провоцирует самым обычным и зауряднейшим способом. Я все это прекрасно понимал и тем не менее сказал:

— Как я его провезу? Нас же будут после проверять...

Наверное, все-таки я на самом деле дурак. Но у Эн такие красивые глаза...

— Котенок — он же маленький. — Эн показала пальцами, какой именно бывает котенок. — Его можно легко упаковать... Где-нибудь спрячешь в кармане и провезешь. Вам же выдают фризеры. Ты котеночка возьмешь, заморозишь, а потом, уже здесь, разморозишь. И он вырастет...

— Но ведь...

Это уже не нарушение правил, это — преступление. «Умышленное нарушение биокарантина и провоз представителей экзо-фауны», кажется так. За это можно лет двадцать в Постоянной Экспедиции получить. Без права на свидания. Без выходных.

— Да никто не узнает, — заверила меня Эн. — Это будет нашей маленькой тайной. Нашей первой тайной.

И она улыбнулась обворожительно и загадочно, так что у меня тяжело потянуло в солнечном сплетении.

— А если кто-нибудь узнает, ты скажешь, что он сам пролез.

— Как?

— Так. Котенки — они же жутко пронырливые, это же всем известно. Вот он и пронырнул. А твоей вины в этом нет, ты ни при чем.

— Ну да, у меня в кармане найдут мороженого котенка, а я не виноват!

Эн отвернулась.

— Давай я тебе привезу цепочку, — предложил я. — Или еще лучше — жемчуга. Ты видела жемчужину? Это очень красиво...

— Я сказала, котенка. — Эн даже топнула ножкой.

Она очень упрямая. Самая упрямая девчонка, какую я знаю. Если что-то ей взбредет в голову — обязательно добьется. Это хорошее качество... В умеренных дозах. А у Эн доза этого качества просто огромная. Подавай ей котенка! Но ведь это ненормально, почему я должен искать на планете какого-то котенка? Может быть, там никаких котят уже давно нет? Вымерли. Или редко встречаются, я попробовал было переубедить Эн, что от котенка следует отказаться.

— Послушай...

Конечно, она не переубедилась.

— У меня мама каждую ночь разогнуться не может, ей нужна кошка, — строго сказала Эн, — так что мне ничего про карантины рассказывать не надо. И про жемчуг слушать не хочу. Привези мне котеночка. А не хочешь, так я с кем-нибудь другим поговорю, вас в рейд много идет.

— Ну да, — усмехнулся я, — поговори. Поговори с Бугером.

— А хоть бы и с Бугером! Бугер — парень смелый!

Зря я про Бугера сказал. Бугер — человек, склонный к авантюризму, он может и согласиться на котеночка. Если уж он говорит, что видел настоящий фильм... Если Бугер согласится, мои шансы на Эн несколько уменьшатся. Мне не нужен Бугер в конкурентах. Мне вообще конкуренты не нужны: в ситуации, когда на одну родившуюся девочку приходится два с половиной родившихся мальчика, о конкуренции думать не хочется.

Хочется не хочется, а думаешь.

— Ладно, — я поднялся со скамейки. — Ладно. Я попробую.

Эн тут же благодарно схватила меня за руку.

— Я попробую. Но ничего не обещаю, неизвестно, куда еще меня направят. А вдруг в охотники определяют? Если в охотники определяют, мне не до котеночков будет...

— Тебя не отправят в охотники. Молодых всех в поисковые партии определяют, ты же сам знаешь. А поисковые партии бродят везде. Вот вы будете бродить и, конечно же, набредете на кошек. Ты же видел мультфильмы, кошки и собаки, они в планетарных городах в изобилии...

Я хотел сказать, что это несколько не так, но Эн уже мечтала:

— Ты его аккуратненько так подманишь, поймаешь, заморозишь и привезешь сюда. А тут я его отморожу. Сама отморожу, чтобы правильно отморозился, не потрескался. Я его разморожу, а он вырастет и станет большим-пребольшим, станет настоящей пушистой кошкой и будет лечить спину не только моей матери, но еще и тебе — у операторов драги все время то руки болят, то спина, то еще что. Мы станем все лечиться этой кошкой, а потом все увидят, что от кошки нет никакого вреда. И тогда этот дурацкий карантин отменят, и все, кто захочет, начнут привозить кошек и других зверей. Ты представь, как у нас тут станет весело!

Я представил. То, что я представил, мне не очень понравилось. Если верить мультфильмам, то котенки и кошки все очень беспокойные существа, они все время скачут, устраивают разные безобразия и вредят направо и налево. Одна кошка — это еще куда ни шло, а вот целый кошачий выводок... На самом деле станет весело.

— Я попробую, — снова сказал я. — Но при одном условии. Мы объявим о нашем обручении.

— Только об обручении, — уточнила Эн. — А поженимся уже потом. Лет через двадцать?

— Хорошо. Через двадцать локальных.

— Локальных, разумеется. Двадцать лет пройдут — не заметишь. Жених.

Эн хихикнула, подмигнула мне, вскочила со скамейки и упорхнула. Я поглядел на часы. Две минуты. Можно было еще две минуты сидеть. Хорошо. Я вытянул ноги и стал слушать, как журчит вода.

Хотелось пить. Я подавил жажду и стал ждать.

Через две минуты над головой мигнула неприятная красная лампочка, и я удалился из сада.

Я спускался к себе. Настроение у меня было неважное. Кроме того, мне все время казалось, что все на меня с подозрением смотрят. Будто что-то такое про меня знают, такое, компрометирующее. Мне было стыдно. Очень стыдно. Непонятно толком из-за чего, и поэтому я злился еще больше, и растопыривал локти, чтобы цеплять встречных — а что, они-то меня с утра цепляют безжалостно! Никто со мной ругаться не стал, наверное, у меня лицо все-таки было слишком злобное.

Ну и ладно.

Я вернулся в бокс, кинулся в койку и стал думать. Ну, про свое преступление. Конечно, оно еще не свершилось, но я на него уже вроде как согласился, а значит, это все равно что свершилось.

Стыдно. Мне казалось, что, согласившись на провоз котенка, я как бы замарал честь нашей семьи. Своего отца, деда, предков, всех тех, кто с гордостью нес наше имя через трудности и лишения. Наверняка мои доблестные родственники не опускались до столь низких преступлений, они были честными и достойными людьми, никогда не провозили *настолько* запрещенных вещей!

В отличие от меня.

Но, с другой стороны, были и плюсы. Я притащу этого дурацкого котенка, и потом, со временем, Эн выйдет за меня замуж. Если измерять нашими планетарными, то всего через пять лет. Нормально. Пять лет — это не так уж и долго, быстро даже. И в самом деле, заморожу его тихонечко и спрячу куда-нибудь в сапог, кто будет сапоги проверять?

Потом я стал думать о том, где именно найти котенка. Честно говоря, о повадках котенков я имел самые отдаленные представления. Я знал, что они любят молоко и сыр, я об этом уже говорил. А вот где они обитают, я предположить не мог. Значит, мне придется выследить большую кошку, и уже из ее гнезда добыть котенка. Да... Надо потихоньку разведать у Риза что-нибудь про кошачьих, он, наверное, знает, он человек опытный. Хотя... Нет, лучше молчать, лучше на всякий случай молчать.

А вообще здорово. Два дня до рейда!

Два дня!

Глава 5

Рыжий на столбе

Раз, два, три четыре, пять, вышел заяц покусать...

Да уж, мама-эвтаназия, получилось, получилось у меня перепрыгнуть!

Жил был Волк. И очень этот Волк любил рыбу. Но Волк ведь не ягуар, рыбу ловить не умеет. Вот однажды зимой так Волку захотелось рыбки да и вообще пожрать, что пошел он к полынье и хвост туда засунул. Думал: суну хвост в воду, буду им трясти, может, какая безмозглая рыба прицепится, зимой рыбе тоже жрать хочется. Сунул и стал трясти.

Трясет-трясет, трясет-трясет, а рыбы все нет. Ну, Волк подумал, что будет сидеть до упора, пока чего-нибудь да не поймает. Подумал и стал сидеть. Целый день просидел, к вечеру мороз ударил, полынью затянуло, Волк и застрял. Застрял, вырваться не может. Тут как раз мимо шла Лиса. Смотрит — Волк примерз. Ну, она не дура ведь, подкралась со спины и давай у Волка из хребта выкусывать мясо. А Волк ее не видит, и ему кажется, что это мороз его щиплет так. Лиса наелась волчатины и отправилась по своим делам.

А Волк так и сидел как дурак, пока совсем не околел, до смерти. Стал как дерево.

А Лиса отравилась и сдохла, так ей, думаю, и надо.

Всегда эту сказку не мог понять. В чем тут мораль? В каждой сказке есть мораль, какая сказка без морали? А Хромой говорил, что мораль тут проста — если ты дурак, то тебя сожрут. И если ты не можешь терпеть голод, тебя тоже сожрут.

И вообще, тебя сожрут в любом случае, так природа устроена. Никто вечно не живет,

это точно. Если со смертью от старости не повезло, то сожрут тебя какие-нибудь лисицы, или хорьки, или еще какая дичь, ну, пусть те же зайцы. Хотя зайцы как дикие — мяса не едят, что странно, питаются заячьей капустой, клевером и корой. А если вдруг ты в своей постели помрешь как какой-нибудь ранешний человек, то все равно тебя потом закопают, и кроты, и черви до тебя очень скоро доберутся, растащат по кусочкам, косточки отполируют. Не надо на это обижаться — за свою жизнь ты сам целую кучу всякого зверья и рыба съел, что заслужил — то получай, круговорот всего в природе.

Чтобы тебя не сожрали раньше времени, ты должен воспитать ученика, и, когда придет время, он кинет тебя в асфальтовый стакан, и ты убережешься. В асфальтовом стакане тебя не сожрут. Ни лисы, ни черви. Ты там мумифицируешься и будешь лежать вечно, тысячу лет, как фараон. Быть похороненным в асфальтовом стакане — это по-человечески, это значит возвыситься над природой, взять ее за мокрый мягкий нос и потрясти хорошенько, дуру. Человек всегда выше природы, потому что он человек. Вершина всего. Когда-то люди были такими могучими, что могли не только все живое уничтожить, но и вообще саму планету взорвать в мелкую пыль. И использовать это не успели, все это никуда не делось, в тайных убежищах хранится еще оружие, мощь, которая со временем расставит все на свои места, и будет все правильно — человек наверху, а всякие там трилобиты внизу.

А диких вообще не будет.

Люди только. Люди.

Асфальтовый стакан для похорон найти тяжело, они только рядом с городами встречаются, да и то не со всеми, да и то только с большими. Рядом с нашим домом был стакан... Хотя я не о том опять.

В этот раз я ушел.

Чем отличаются дикие от людей? От человека, то есть от меня? Я умный. Я могу предвидеть. А дикие живут так, одним своим временем, настоящим.

Раз, два, три, четыре, пять, вышел заяц покусать, сказал я себе, как следует разбежался и прыгнул. Другого выбора не было. Или я прыгну, или мне смерть.

Я был спокоен. Лучше разбиться, чем достаться диким, выбора и нет.

Не знаю, до соседней крыши метров пять, если на глазок.

Я допрыгнул. Упал, перекатился. Секунду лежал, пытаюсь понять — не переломался, не растянулся, не ободрался.

Ободрался. Локти, правое колено, в остальном цел. Вскочил на ноги. Приготовил арбалет.

Дверь на соседней крыше выгнулась. Мощный удар изнутри. Правильно сделал, что дверь закрыл, несколько секунд выиграл, их хватило на то, чтобы зарядить арбалет и прицелиться.

Еще один удар. Петли не выдержали. Дверь вылетела, и на крышу вывалили дикие. Четверо. Наконец-то встреча. Лицом к лицу. И чего они за мной увязались, чего им от меня нужно?

Может, Волк там у них кого-то тяпнул, начальника ихнего, за ляжку. А может, они за мной. Следили, а Волк им подвернулся. Меня они не любят, я их тут недавно много штук перебил, я уже говорил, загеноцидил дичар, клочки по закоулочкам полетели.

Хорошее слово — загеноцидил, в одной книжке читал такое слово.

Здоровенные дичары попались. И вожак с ними, его сразу видно. Такой приземистый, с длинными руками, с длинными пальцами, похож на паука ходячего. Рыжий... Нет, не помню, рыжего не помню. Может, я его брата пристрелил? Или тетю? Или любимого дедушку, какой-то седой, мерзкий, вонючий, грязный, слизистый, замшелый дичара, помню, тогда был, я его...

Дедушка.

Да какая, в общем-то, разница...

Я умный, я сделал все как надо. Выстрелил. Стрела попала рыжему в ляжку, жаль, не в пузо. Дичара заорал и упал, лбом так громко о крышу стукнулся. А остальные дикие на

несколько секунд замерли в обалдении. Этого мне хватило, чтобы перезарядить арбалет.

— Лучше не надо, — посоветовал я им негромко.

Но они, конечно, не послушались. Рыжий заорал уже понукательно. Дикие разбежались и прыгнули гроздью.

Одного я встретил прямо в воздухе. Стрелой.

Дикий не долетел. Хлопнулся о стену дома — и вниз. Брякнул чем-то громко, наверное, тоже лбом. Сам виноват.

Двое оставшихся долетели. Ну, тут уж я ничего совсем не успел, пришлось арбалет отбросить и выхватить из-за спины огнестрел. Эти двое покатались как резиновые шары, затем, не теряя времени, кинулись ко мне. Я поднял огнестрел.

Что такое огнестрел, эти дичары не знали, поэтому не испугались совершенно, наверное, решили, что это палка.

Так вот, неслись они на меня. А я даже не целился — чего тут целиться, — стрелял почти в упор. Вообще, я из огнестрела по диким никогда не стрелял еще. Не люблю я огнестрел, шумное оружие, стрельнешь — и все вокруг знают, что ты тут. А лучше, когда никто про тебя не знает, так спокойнее.

Приберегал я огнестрел на крайний случай. И вот этот крайний случай и подоспел, видно.

Здорово получилось.

Дикие неслись на меня, я пальнул сначала в левого. Он будто лопнул — такое красное облако возникло вокруг, его отшвырнуло к краю крыши, он не удержался и посвистел к своему товарищу, к тому, что уже расплющился. Правда, как бумкнул он, я не услышал.

Второй не остановился, так и летел на меня, дичара. Ну, я и его. Все то же самое получилось — этот тоже лопнул, отлетел, подкатился к краю крыши, но вниз не свалился, остался лежать.

Не шевелился.

Так им. Нечего было Волка убивать. Теперь мне придется нового Волка искать, воспитывать, выкармливать, учить, это долго и мучительно...

Остался рыжий. Вожак. Он уже поднялся на ноги и теперь в ярости носился по крыше, а зубами скрипел так, что даже мне слышно было, просто парадонтист какой-то. Я преспокойно зарядил арбалет. Рыжий увидел это и рванул прочь, к двери. Хромая, вернее, прыгая на одной ноге.

Я выстрелил ему вдогонку. Царапнул плечо стрелой — вжильк. Рыжий даже не заметил, скрылся, исчез.

Все. Прошло два года с того, как умер Хромой. И теперь у меня ничего не осталось. Даже Волка теперь у меня нет.

Я проверил снаряжение. Стрелы. Пять штук. А патронов десять. Плохо.

Солнце опустилось до крыш далеких домов.

Надо добить этого рыжего. Если не добить, начнет за мной охотиться. Эти дикие мстительные, покоя мне не дадут. Я зарядил в огнестрел три патрона и отправился с ними разбираться.

Вспомнил. Если уж я оказался на крыше, то эту возможность надо использовать, когда еще занесет. А крыша тут удобная, хорошо ее сверху видать.

Снял рюкзак, распустил ворот. Достал краску. Белая, искал ее чуть ли не полгода, потом переваривать пришлось, потом, чтобы не загустевала, еще придумывать. Получилось хорошо, в общем-то. Здоровенный такой человек, даже не человек, человечище настоящий, в три моих роста. Раскинул руки, улыбается, ну чтобы видно было, что это существо дружелюбное, а не дичара какой.

Человечков рисовать это я сам придумал. Сначала просто их рисовал, потом понял, что это ведь очень удобно и правильно. Прилетят люди, и что? Как они будут нас искать? Вряд ли они со своего Меркурия прямо на меня попадут, особенно сейчас, когда я бродяжу. А обозначить себя как-то надо. Поэтому я и стал рисовать везде, особенно в удобных для

обозрения местах. Да и на стенах тоже, люди с Меркурия обязательно опустятся в города, станут бродить по улицам и увидят моих человечков, тогда они поймут, что здесь кто-то есть.

Я два года рисовал этих человечков. На крышах, стенах, мостах, везде, где только мог, иногда, если было настроение, я их даже на деревьях вырезал. И только потом понял, что надо было вырезать знак меркурианской базы. Тогда бы они лучше поняли. Это даже меня расстроило немного, однако, поразмыслив получше, я понял, что на самом деле человечек лучше.

Человечка рисовать проще. Пока ты все это нарисуешь — букву, солнце, полчаса пройдет, а человечек — раз-два, и готово несколько палочек, кружочек, улыбка. Их можно много нарисовать. Так что я бросил мучиться и дальше рисовал только человечков. Всегда. В конце концов, я человек, я могу рисовать все, что хочу.

Человечков тоже.

В этот раз получилось неплохо, как всегда, у меня уже опыт большой появился, я уже почти эксперт.

— Блеск-дизайн, — сказал я сам себе.

На самом деле хорошо получилось, ровно. В первый раз, пожалуй, ровно получилось, ну, если честно уж говорить. Как полетят со своего Меркурия, так и увидят, я читал, что у людей были такие специальные приборы, они прямо из космоса могли книжки читать. Полетят, увидят мой знак и поймут, что здесь кто-то есть, что не просто так все...

Я закрутил банку с краской, спрятал в пакет кисточку. Пора было заняться рыжим. Он, конечно, хромой теперь, но дикие даже в хромом положении весьма шустрые, бегают, скачут.

Отправился домой... то есть отсюда, спустился вниз как человек, спокойно, по лестнице.

На первом этаже дома, в котором вонючки добились моего Волка, разворачивался пожар. Горело хорошо, стекла трескались, над асфальтом ощутимо тянуло жаром. Ничего, погорит и перестанет. А если не перестанет, тоже ничего. Пусть тут вообще все сгорит, в память о моем Волке. Большой такой костер, индейцы, я читал, всех своих мертвых сжигали. И эти... викинги. Но о них я потом подумаю, сейчас надо диким заняться.

Я почти сразу нашел его следы. Во-первых, воздух сильно пах паленой шерстью и по этому запаху можно было двигаться как по ленте. Во-вторых, следы по асфальту. Отчетливые и заметные, я легко прошел по ним почти километр. А дальше и не понадобилось.

Дикий оказался совсем диким. А может, это у него сознание помутилось. От вида гибели диких соплеменников, вот как. Ошалел. А может, просто ходить он не мог — в ногу я ему все-таки хорошо попал. По всем правилам этот дикий должен был всю драпать в сторону леса, а там замаскироваться под какой-нибудь куст, или муравейник, или под кучу мусора, маскироваться они умеют, я бы его вообще не нашел тогда. А этот нет, в лес не побежал. Полез на столб.

Высоченный, метров, наверное, в тридцать, не знаю, для чего такие столбы нужны, нигде про них ничего не читал. Я так думаю, они погоду как-то регулировали, я их во многих городах замечал. Тучи разгоняли или, наоборот, притягивали, а может, когда надо разгоняли, а когда надо, притягивали. Сам столб гладкий, металлический, в два обхвата. А наверху кругляшка такая решетчатая, вроде как площадка зачем-то. Решето, вот как это называется, лапшу раньше через него делали.

Дикий сидел на земле и отдыхал, шупал простреленную ногу, дурак косматый. А как завидел меня, так подскочил к этому столбу, обнял его как маму дорогую и пополз вверх. Нога ему здорово мешала, он даже стрелу не догадался выдернуть, дубина. Но все равно лез. Силы много, много корней в этом году сожрал, дичара, лез почти на одних руках, акробат какой-то.

Я наблюдал. Дикий лез и лез, никак не мог свалиться. В одном месте, уже выше

середины, оборвался было, задрыгал лапами в холодеющем вечернем воздухе, как лягушка-путешественница, но не упал. К сожалению, не упал, не сделал мне приятного, не сообщил сюрприза, собрался со своими дикими силами и докарабкался доверху. Перевалил свою рыжую тушу на эту решетчатую кругляшку, расплылся неопрятной бурой копной, сквозь решетку космы выставились. Задышал громко, как кабан-секач, обожравшийся желудей.

А я внизу стоял. Мне его прибить надо было, нечего после себя мстителей всяких оставлять. Может, там, на крыше, я его братиков прикончил любимых? Раньше вонючего дедушку, теперь вонючих братиков, и эта рыжая макака поклялась меня уничтожать всегда и везде.

Не, дикого надо пристреливать.

Я снял с плеча арбалет. Конечно, он высоко забрался, просто так не снять, придется кое-что придумать...

Достал ключ, подтянул лук помощнее. Теперь стрела пойдет метров на двадцать дальше. Натянул тетиву, положил стрелу в желоб.

— Эй, вонючка! — я задрал вверх голову. — Сейчас убивать тебя немножечко буду! Ай-ай-ай!

Но этот дикий никак на мои слова не прореагировал. Дикий, ничего не поделаешь.

Я сбросил рюкзак, лег на асфальт и стал целиться. Лежа стрелять вверх — самое что надо. Опора хорошая под спиной, руки не дрожат, дыхание спокойное. Целился в эту грязную тушу, куда конкретно, не видно было, в пятно грязное. Раньше у меня на арбалете оптический прицел стоял, сейчас нет, разбился. А найти не удастся никак, редкое устройство. Нет, жить стало тяжелее.

Подумал я и нажал на курок.

Стрела ударила по решетке и застряла. В дикого не попала. Сам дикий не пошевелился, никак вообще не пошевелился, только сопел громко.

Я снова зарядил арбалет. Снова приспособился. Выстрелил. Вторая стрела тоже застряла.

Так...

Плохо. Осталось три стрелы и десять патронов. Стрелять по дикому из огнестрела бесполезно, дробь разлетится веером, и в лучшем случае по этой гадине она только щелкнет, припечет, прижжет. А патроны — вообще редкая вещь.

Я поднялся на ноги.

— Вонючка! — крикнул я. — Не расстраивайся, я сейчас! Подожди пару минуток....

Я быстренько избавился от ненужной амуниции, оставил только нож. Поплевал на руки, протер их о штаны. Подпрыгнул, обхватил столб руками, обхватил его ногами, пополз, стараясь пристать к нему брюхом, как слизняк какой гигантский.

Лезть по столбу оказалось нелегко. Столб был толстый и необъятный, но кое-как я все-таки карабкался, пузо помогало, препятствовало скольжению. Жаль, что я сейчас ребрист, мне бы пузо потолще...

Так я поднялся метров на пять. После чего посмотрел в небо, посмотрел в землю и понял, что если я и доберусь до решетчатой площадки, то устану настолько, что шансов справиться с рыжим диким у меня совсем не останется. Возьмет он меня, развертит и запустит вниз с ускорением. Победит меня, а этого я допустить не мог, не мог допустить, чтобы дикий восторжествовал над человеком!

Поэтому, оценив свои силы, я вернулся на асфальт.

Дикий лежал на решетке, не шевелился. Все равно его ножом не прирезать, подумал я. Он меня в два раза больше весит и быстрый, как змея, вряд ли я с ним справлюсь...

Надо придумывать что-то...

А между тем стало уже темнеть не потихонечку. Совсем уже вечер, ночь скоро. Ночью на улице лучше не оставаться. Но и уходить тоже нельзя — этот красавец удерет. Значит, придется ночевать под столбом. Значит, надо готовиться. Ну, я и стал готовиться.

Снял с пояса топорик. Деревьев вокруг не росло, а дома каменные, двухэтажные. С

деревянными дверями. Я обошел четыре дома, вырубил двери, расщепил их. Немного. Хватит часа на три. За четвертым домом обнаружилась яблоня.

Древняя-предревняя, наверное, ровесница самого дома. Вся корявая, страшная, угловатая и засохшая совсем, наверное, частично даже в уголь превратившаяся. Хотя для угля, кажется, нужны миллионы лет, через миллионы лет не будет вообще людей, это грустно сознавать — эволюция. В одном месте, правда, была кое-какая зелень, и даже парочка яблоч раскачивалась, я попробовал, оказались горькие и одновременно сладкие. Есть не стал, расстройства желудка мне не требовалось.

Вообще, рубить приходилось с перерывами — два раза тюкну по стволу — из-за угла выгляну, чтобы дичара не улизнул. Но он то ли спать решил, то ли сознание потерял, валялся, не шевелясь. Сопел, ф-ф-ф, как гадюка в жару.

Яблоню я срубил, вытащил на асфальт и принялся разделять на дрова. Получилось, в общем-то, много, достаточное количество, на ночь хватит. И хорошо. Яблоня горит с приятным запахом, от него в горле приятно. Но надо было запастись еще на всякий случай. Я оглядел улицу. Улица как улица, не проросла совсем, как и весь этот город. Не пророс. В самом конце дом, он был непохож на все остальные дома здесь, построен из настоящего дерева и обшит настоящим деревом, издалика видно. Во всяком случае, похоже на настоящее дерево. Но до него далековато, до этого деревянного дома, рыжий может и удрать, пока я до дома буду ковылять...

Ладно, другого топлива все равно нет. Я вложил в арбалет драгоценную стрелу и отправился с топориком к этому дому. Оглядывался через каждые десять шагов. Рыжий валялся на столбе. Тоже мне, столбовой, лежит пухтит...

Добрался. Постучал зачем-то в дверь, дурак какой... Не открыли. И я открывать не стал, открою, а там какой-нибудь стегозавр гребенчатый стоит, смотрит, если верить книжкам, такое случилось...

Что-то я раздумался, слишком уж раздумался, нельзя так, пожалуй, слишком много двигать головой тоже не очень надо, особенно в полевых условиях, потому что мозг — самый энергоемкий орган во всем человеке — чем сильнее думаешь, тем больше устаешь, кровь к мозгу литрами просто приливает. А от мышц соответственно отливает. А сейчас мне мышцы нужны.

Поэтому я перехватил топорик посильнее и отколол от косяка толстую доску. Расщепил ее пополам, затем еще пополам, получилось четыре пластины, я разрубил их на части. Отлупил от косяка другую доску, нащепал полешек. Оглянулся. Рыжий сидел на столбе.

Я принялся крушить дом. Крушил его страстно, бешено, злобно, отламывая куски, запасаясь дровами, никакой стегозавр не выскочил, сдох давно от скуки...

Когда солнце совсем спылилось за горизонт, у меня была уже целая маленькая поленница, я переправил ее к столбу и стал собираться к ночи. Хорошо было бы устроить рогатки, однако не было ни длинных палок, ни сколько-нибудь пригодных для устройства заграждений древесин. Поэтому я поступил наоборот — запас гору дров и расчистил вокруг нее пустынное пространство, мертвую зону. И тут мне пришла идея — обложить столб дровами и просто эту сволочь вонючую поджарить... но я почти сразу от этой мысли отказался — столб железный и толстый, мне его два дня разогревать придется, и дров понадобится неизвестно сколько. Придется как-нибудь по-другому.

Лагерь был готов. Да и какой там лагерь, вещей у меня всего ничего. Рюкзак. И все.

Рюкзак пропах кровью — она вытекала из головы Волка. И хотя большая часть попала в пластиковый пакет, все равно много осталось. Это плохо было, хищники к крови чувствительны на редкость. Вполне, может быть, придется отбиваться...

Я слил кровь, а голову Волка положил на асфальт — пусть немного подвялится.

Глаза Волка не были закрыты и продолжали смотреть на меня, посверкивая в темноте живым красноватым блеском. Это меня как-то успокаивало, что ли. Я вытащил из рюкзака одеяло, устроился возле костерка, достал книжку. Почитать перед сном — что может быть

лучше? Почитаю, вспомню дом... «Комментарии к конституционному праву», нашел на прошлой неделе и прочитал уже на две трети. Ничего особо интересного в этой книжке не было, и все повторялось одно и то же, будто сочинял ее какой-нибудь умственно отсталый писатель. Хотя ее не писатели сочиняли, а юристы, люди, которые разбираются в законах. Законы — это такие порядки. Раньше, когда были люди, везде был порядок, тогда дикие по столбам не лазили. Да вообще тогда диких не было. Или были, но мало совсем. И в джунглях, а не везде...

Хорошо было.

Я вздохнул, открыл книгу на загнутой странице и стал читать.

«Комментарии к конституционному праву» были поразительно скучной книгой. А я еще давно заметил — чем книжка скучней и неинтересней, тем ее неохотнее поедают. Хорошие и веселые книжки, напротив, съедаются просто и быстро, ам — и нету, микробы как будто знают, что есть. Может, у них мозгов и нет, зато есть природное чутье ко всякому вкускому...

Да, «Комментарии» были скучнейшей книгой, но некоторые преимущества у нее все-таки имелись. Там было много новых слов, а человек должен знать много слов, он должен уметь их использовать. И еще по каким-то непонятным мне причинам «Комментарии» начисто отбивали всякий сон. Обычно наоборот — скучные книжки сон вызывают, но с этой было не так что-то. Я начинал ее читать, как-то странно возбуждался и потом как ни старался уснуть уже не мог до самого утра, в голове так и вертелись все эти «парламентаризмы», «федерализмы» и «права иностранных граждан». Много разных слов непонятных, я пытался понять их значение и от этого как-то взбадривался.

Так что для подкарауливания дикого на столбе «Комментарии» подходили как нельзя лучше. И ночь прошла, в общем-то, неплохо. Лежал я с комфортом. Одеяло у меня мягкое, под голову я подоткнул рюкзак, под правую руку дрова — чтобы подбрасывать в костер, слева на меня успокаивающе смотрела голова Волка, рядом — настороженный арбалет, ну и огнестрел заряженный тоже. Кроме этого, я запасся самодельными факелами, чтобы в случае чего отбиваться от зверей.

Когда стемнело до метра, совсем уже окончательно, вокруг, как у нас полагается, завывли. На много голосов. Я лежал, пытаюсь вникнуть в основные принципы конституционного права, конечно же, не вникал, но каждый голос, звучащий в сползающей ко мне тьме, я определить мог. Шакал, пантера, волки, случайный заяц, которого то ли задрали по ошибке, то ли который сам кого-то задрал, тысяча ночных звуков, они окружили меня, едва опустилось солнце. Эти звуки были знакомы и привычны, они не удивили меня, зверье, которого было повсюду много, тысячи, зверье разговаривало.

А я читал. Спать все равно не придется — на открытых местах все-таки лучше не спать, легко не проснуться. Или проснешься в животе какого-нибудь медведя...

Глубокой ночью завелся рыжий. Завыл тоже. Ни с того ни с сего. То ли по братикам своим загоревал, то ли по дедушке, то ли по доле своей незавидной, то ли блоха его укусила. Заголосил, как баба из какого-нибудь там Лукоморья, я читал про это в книгах. Я даже хотел выстрелить в эту гадину из огнестрела, но патрона пожалел.

Рыжий выл мерзко, у меня даже настроение пропало читать. Так что вторую, самую тоскливую часть ночи я провел беспокойно. Когда на востоке стало потихоньку светлеть, среди домов зарывало что-то уж совсем жестокое, я раньше никогда такого не слышал, даже вскочил. Думал, лигр, но лигр не рывкает...

Да мало ли у нас чего может быть? Все у нас может быть, все, что захочешь.

Глава 6

Старт

Последний день работы. Вернее, полдня. Можно было бы уже и отдых устроить, но все равно на работу погнажи, у нас начальство твердокаменных принципов.

Работал. Работать не хотелось. Но все равно я старался. Боялся в последний момент все испортить. Проявлял рвение, даже норму перевыполнил. День прошел никак, ничего интересного, все по плану. Драга врезалась клином в мягкую породу, порода падала на конвейер, отправлялась в дробилку, затем в сепаратор. Моя задача проста — раз в старый час выскакивай наружу и откидывай лопатой крупные камни из дренажных канав. Ну а в промежутках смотри, чтобы драга от горизонтов не отклонялась.

Я остановил машину за час до обеда, проверил, как идет отгрузка. Конвейер работал, все было в порядке, порода текла по ленте на обоганительную фабрику, база пополняла запасы гелия.

Спустился вниз, прошел дегазацию и дезактивацию, разделся, повторил дезактивацию, вымылся, проследовал в зал для собраний. Там уже было много народа, наверное, человек пятьдесят. Все участники рейда. Молодых много, больше половины. Старые специалисты выбывают, новые подрастают...

Сначала мы, новые специалисты, выслушали лекцию. Все, как обычно. Я был на инструктаже перед предыдущим рейдом, отец тогда меня позвал с воспитательными целями. В этот раз говорили точно то же, что и в прошлый.

Цели полета. Цели групп. Техника безопасности. Оглашение списка запрещенных вещей.

Потом нас поделили. Я попал в семнадцатую. Группу Хитча.

Самого Хитча я знал, мы с ним уже года три работаем, он наладчик, когда у нас пробивает гидравлическую систему, он приходит, ругается и все починяет. А в рейдах он молодец...

Еще одного парня звали Джи, про него я даже не мог ничего сказать толком. Я его видел пару раз, но знаком не был, он из четырнадцатого сектора, и ногти у него фиолетового цвета, наверное, он много работал на поверхности. У всех, кто работает на поверхности, ногти синеют. А глаза золотеют до оранжевого.

Третьим был Бугер, отец сдержал обещание.

На Джи болталась вязаная жилетка, на Хитче свитер, почти такой же, как у меня, он мне не брат, а свитер одинаковый. Наверное, свитеры все одинаковые.

Ну, кроме свитера Бугера. Этот отличился. На груди зеленый кактус, на спине буква «А» красного цвета. И то и другое явно что-то символизировало, однако понять что я даже не пытался, Бугер увлекался всякими тайнами, скрытыми знаниями и другой полулегальной экзотикой. Интересно, кто это Бугеру такой диковинный свитер связал? Наверное, мать, она у него тоже какая-то с осложнениями, на пол-лица маска, а что под маской — неизвестно, скорее всего, уродство. Ничего, конечно, необычного, но все равно человек без уродства лучше, чем с уродством.

Зато вяжет хорошо.

Собрание продолжалось долго. Инженеры, командоры, руководители экспедиций и другое начальство рейда зачитывало бесконечные нудные инструкции и говорило о какой-то ерунде, отец мой тоже был среди этих начальников, тоже зачитывал со значительным видом разную чушь и рассказывал давно известные анекдоты, имевшие место во время предыдущих рейдов.

И края этому всему видно не было, так что я едва не уснул даже.

Зато в самом конце нам раздали витаминные капсулы, их надо было разжевывать вместе с пищевыми. Витамины в рейде нужны. А главное — в витаминных капсулах быстрый кальций. Если не принимать кальций — кости поломаются, такое уже случалось.

После капсул нас распустили до вечера, свободное время, делай что хочешь. Многие отправились по клубам на коротенькие вечеринки, а мне на танцы идти не хотелось, и я отправился к себе в бокс, посидеть в тишине.

Конечно же, не получилось. Едва я прилег на койку и закрыл глаза, как в дверь позвонили.

Эн, это она была. Вся серьезная, сосредоточенная и знающая — с порога стала сыпать

советами. Как обыскивать дома и на какие обращать особое внимание. Как держать ноги в тепле с помощью особого точечного массажа. Как правильно дышать первое время. Как...

Она вывалила на меня тысячу советов, и я почти ничего не запомнил. Она говорила и говорила про рейд и только про рейд, не знаю, но мне показалось, что Эн не очень интересовалась моей персоной, показалось мне, что ее занимает обещанный мною замороженный котенок. Нет, она про него ни разу не упомянула, но и в глаза смотреть не отваживалась, болтала о разной ерунде.

Потом Эн замолчала, присела ко мне на койку, чмокнула в щеку, вскочила и убежала.

И почти сразу заглянула мать. И вела разговоры на тему «Как хорошо мы будем жить дальше», и «Я уже давно хочу нянчить внуков», и что «Пора тебе определиться»...

Не знаю, кто занудливее — мать или Эн? Обе занудливее. Женщины. Похожи. И после «пора тебе определиться» мать тоже приступила к советам. К точно таким же. И, как всегда, стала совать мне капсулы. Капсулы нельзя долго хранить, два дня от силы, поэтому у матери сэкономлено немного. Сама, значит, она глотает по две, а мне выдает четыре — за вчера две и за сегодня. И самое плохое — отказаться нельзя.

Расплатится. Она ведь на самом деле волнуется. Хотя отец уже двенадцать раз ходил в рейд, она все равно переживает. Пришлось мне ее успокаивать, говорить, что переживать совершенно не из-за чего. Корабль надежен. Переход ерундовый, что такое девяносто миллионов для такого крейсера, как наш? Его строили для разведки внешних рубежей, девяносто миллионов для него пустяк, на один глаз.

Сама планета... Планета, конечно, небезопасна. Но если сравнивать, допустим, с Постоянной Экспедицией, то планета — милейшее место. Спокойное, тихое, чистое. Да мать и так все знает. У нас все знают про планету. Там хорошо. Но мать все равно не переубедить. Она теребила меня и теребила: будь осторожен, почаще смотри под ноги, почаще оглядывайся... И под конец чуть не заплакала, хорошо, что пришел отец и сказал, что все.

Пора.

Мать убежала. Отец посидел немного, я думал, что и он сейчас пустится мне мыть мозги, но он не стал. Крякнул неопределенно, топнул каблуком по полу, высек искру, затем мы стали натягивать комбинезоны.

У нас отличные комбинезоны, универсальные. Держат вакуум, температуру, предусмотрены амортизационные карманы — гасить скручивания. Потом, перед высадкой на планету, комбинезоны снабдят экзоскелетами, пока же мы влезаем в них без посторонней помощи. Вообще, комбинезоны в рейде почти не снимают, почти весь день в них живут, спят. Комбинезон и маска. Маска это тоже не просто резина — это целый комплекс. Подогрев есть, стекла... это, собственно, даже не стекла, а особая сверхвязкая смола, ее невозможно разбить, разрезать, расплавить, в обычных, разумеется, условиях, микрокомпьютер. А еще есть перчатки, спецботинки, Знак...

Знак, кстати, каждый должен сделать сам, нельзя ни матери, ни подружке доверить, я почти целых восемь месяцев маялся, вышивая его на спине. Получилось неплохо, даже хорошо, мне потом потихоньку многие предлагали, чтобы я им тоже вышел. Иногда я соглашался, ну, так за пару капсул. Вообще, в этом вышивании есть смысл. Эмблема на драге изнашивается быстро, приходится часто переделывать, наверное, раз в четыре наших, не планетарных, года, потом так шить научаешься, что можешь себе сам даже одежду готовить. Это и полезно, и выгодно.

Я облачился в комбинезон, затем вспомнил про мамкин свитер, пришлось мне снова раздеваться, обрядаться в свитер и снова влезать в комбинезон. Отец терпеливо ждал.

Я оделся. И снова отец не сказал ничего, мы немного посидели, затем направились к танкам. В коридорах не было никого, в день отправления в рейд всем лишним в коридор выходить запрещено. Непривычно и странно, наши шаги гремели по железному полу, и мне казалось, что на всей базе только мы с отцом. И больше никого.

Танки ждали в ангаре. Стояли неровными рядами, жужжали. Людей не видно. Я отыскал семнадцатый номер, он был нарисован на борту белой краской, довольно неровно

нарисован, без души.

Мой танк.

— Удачного рейда, — сказал отец, подтолкнул меня к машине и ушел.

Так просто.

Моя группа уже ждала внутри. Хитч сидел за штурвалом, остальные лежали на койках. Я занял свое место, Хитч велел пристегнуться, и едва я замкнул ремни, рванул к кораблю.

До корабля далеко. Корабль хранится в кратере, переоборудованном под стартовый стол, кратер глубокий, похожий на воронку, а крейсер на самом дне, в тени и прохладе. Спускаться вниз надо по спирали, долго и осторожно. Зато корабль в безопасности. Ни корона по-настоящему лизнуть не может, ни метеорит ударить. И от базы приличное расстояние, если корабль взорвется при старте или при посадке, поселение не пострадает. Но добираться трудно, мы ехали почти тридцать четыре часа, каждые восемь часов менялись. Я был третьим и не видел корабля, но я знаю, что он похож на скалу. Огромная острая пирамида с узкими гранями, так удобнее проходить сквозь атмосферу.

Непосредственно к кораблю рулил опять Хитч. Молчал. И мы молчали. Еще толком не познакомились. И трясло. Сильно так, при такой тряске особо разговаривать не хочется.

Потом танк загрохотал по железу, и я понял, что мы въехали в трюм корабля. Хитч долго пристраивал танк в замки, проверял надежность креплений, прыгал на зажимах, бормотал, затем постучал по броне, и мы выбрались.

Я успел оценить размеры трюма, я никогда не видел таких, потолок, правда, низкий, но вширь... Ангар был огромен. Я попробовал представить, каких тогда размеров сам корабль... Это можно увидеть только на планете. Говорят, он поразительный. Самое великое зрелище — корабль, лучшее, что создал человек, корабль подчеркивает силу человеческого духа и разума. Да даже один этот ангар подчеркивает силу человеческого разума...

Хитч потрогал меня за руку, я очнулся.

К нам подошел один из пилотов, выслушал чеканное донесение Хитча, проверил комбинезоны, остался доволен, проводил нас до кубрика. Дверь закрыл.

Хитч велел ложиться, мы разобрались по койкам и стали ждать.

Мы пролежали восемь часов в тишине, а потом через интерком сказали, что мы уже на орбите. Все это меня очень разочаровало. Я думал, что рейд начнется как-нибудь по-другому. Масштабнее. С громом, тряской, стиснутыми зубами. А все было буднично, очень буднично, проще простого, проще, чем драгу завести.

— Так всегда делается, — с бывалым видом заявил Хитч.

— Зачем? — спросил Джи.

— Затем, чтобы всякие идиоты не настраивались на героизм, — ответил Хитч. — Все должно быть обычно и даже скучно, а то всякие едва прилетают на планету, так сразу начинают. Активность проявлять! А другим потом расхлебывать приходится... И вообще, всем спать.

— Но... — попытался было возразить Бугер.

— Спать! — велел Хитч.

Мы стали спать.

Я был разочарован еще сильнее.

Проснулся от голоса. Мой новый начальник Хитч рассказывал:

— Мы стояли на планете, и у нас было полно всего. Воды столько, сколько нужно каждому. Нужно тебе воды двести литров — пожалуйста. А нужно тысячу — получай. И воды полно, и еды. Можно идти куда хочешь, можно путешествовать где хочешь. Вы знаете, что такое путешествовать? Не знаете. А это вот что. Сесть в лодку, спустить лодку на воду и плыть по воде куда увидится. Целый месяц плыть — и вокруг все равно одна вода! Или сесть на самолет — и лететь! Самолеты умели висеть в воздухе и летали очень быстро, за один день на самолете можно было облететь вокруг земного шара. И всего было полным-полно у нас. Но нашлись люди, которым хотелось еще. Ученые. Они любили все узнавать, любили открывать новое, придумывать разное. И вот на самом юге планеты эти люди стали бурить

во льду скважины, ну, вроде тех, какие бурит наш Бурито, только гораздо глубже. На самом юге было очень холодно, там скапливались целые километры льда...

Хитч замолк. Километры замороженной пресной воды даже ему трудно представить. Я вот не могу. Водопад еще могу, но километр льда... Представляешь себя — как ты стоишь, маленький, возле огромной, теряющейся где-то в неимоверной высоте отвесной белой стены...

Хитч потряс головой и продолжил.

— Километры льда, а под этим озером было найдено озеро с древней водой, которая существовала еще тогда, когда на планете не водились люди. И ученым очень хотелось поглядеть, что есть в этой воде. И однажды они добрались до этой воды. В ней спали древние микробы. А так как у всего населения уже не было против них иммунитета, то эти микробы быстренько всех перебили. На всей планете. Зараза была настолько мощной, что охватила всю Солнечную систему. Базы, которые стояли на других планетах и лунах, были уничтожены. Даже база на Европе, спрятанная в глубине льдов, и то оказалась заражена. Только Меркурий остался. На Меркурии были гелиевые копи, шахты и соляная станция, небольшой подземный поселок и филиал Института Солнца. Когда на планете началась эпидемия, все жители Меркурия собрались на сходку и ввели режим изоляции. Меркурианская база объявила, что будет сбивать все приближающиеся корабли. Так мы все и спаслись. И стали жить в шахтных выработках...

Хитч рассказывал не так, как положено рассказывать, а со своими переделками. Он вообще любитель вольностей. Ему это прощают — он парень талантливый, у него чутье особое. Ну, например, ему говорят: надо найти спирт — и он находит спирт. Ему говорят: надо найти компьютеры — и он находит компьютеры. Как-то объяснить это не могут, но талант сам по себе весьма ценный. Поэтому и Хитч на особом положении.

— Связь с Землей и остальными колониями скоро прекратилась. По последним полученным данным, эпидемия уничтожила все население планеты...

— Все-все? — спросил Бугер.

— Бугер, ты идиот, — спокойно сказал Хитч. — Конечно, все. Никого не осталось, только животные.

— А почему животные не умерли? — продолжал приставать Бугер, ему нравилось злить Хитча.

— Потому, — ответил Хитч. — Потому, что животные этим вирусом не заражались, только люди.

— А вдруг он еще там? — Бугер указал на палубу. — Может, вирус еще на планете?

— Нет там никакого вируса, — строго и раздельно произнес Хитч. — Никакого вируса нет. Было уже много рейдов, и ни один из них не нашел никакого вируса. Он мутировал и вымер, это доказано. На планете безопасно...

Хитч выдержал паузу.

— Безопасно...

Так что сразу стало ясно, что лично он, Хитч, очень сомневается в том, что на планете безопасно. Даже больше — у него есть неопровержимые сведения, что это не так.

— Вируса на планете нет, — повторил Хитч. — И не надо затевать глупых споров. И вообще, Бугер, не мешай мне проводить просветительскую работу. А то после рейда я тебя законопачу в Экспедицию на пару месяцев. За нарушение субординации. Уяснил?

— Уяснил.

— Тогда я продолжаю. Прошло много лет, и люди на Меркурии решили навестить планету, чтобы посмотреть, как там да что. А вдруг все наладилось? Вдруг эпидемия ушла? Меркурианская база имела два больших системных корабля, и один исследовательский катер, который, впрочем, тоже мог ходить между планетами. Была снаряжена экспедиция во главе с командором флота, навигатором Алексом У. Дождавшись, когда Меркурий и планета сблизилась на минимальное расстояние, катер «Гея» ушел с орбиты и успешно ускорился. Что произошло дальше, неизвестно, по всем понятным причинам — электромагнитное поле,

солнечный ветер и т. д., связи с Меркурием быть не может. Есть три предположения. Первое. «Гея» не сумела затормозить и проскочила мимо планеты в открытый космос. Второе. «Гея» погибла при посадке или, напротив, при старте. Третье. Командор Алекс У успешно посадил корабль, однако эпидемия не свернулась, как полагали раньше, а вполне себе спокойненько продолжалась. И экипаж «Геи» благополучно погиб от скоротечного рака. Так или иначе, выяснить, что произошло с планетой, в ближайшее время возможным не представлялось. Было решено наложить на планету карантин. К тому же идти было все равно не на чем, рисковать большими кораблями опасались. И сто лет планету никто не видел...

— А почему ее не нашли во время предыдущих рейдов? — спросил Джи.

— Кого?

— Ну, этот катер, «Гею»?

— Ты что, Джипер, меня не слушаешь? — нахмурился Хитч. — Я же говорил — «Гея» могла улететь в космос. Вот и не нашли. Или она могла упасть в океан — и тогда ее тоже не нашли. Все просто. Да даже если корабль разбился на суше — его не найти. Ты представь только, какие там просторы! Это все равно что выкинуть гайку над Темной долиной и потом ее искать. И то проще было бы. Так что Алекса У мы не найдем никогда! И вообще, у рейдеров других забот полно... Джипер, ты меня сбил. Ты что, не можешь просто послушать своего начальника?

— Могу...

— Вот и моги. А я пока расскажу про первые рейды. И вообще, слушайте все, никому не спать!

И Хитч рассказывал дальше, но дальше я его не слушал. Да я мог бы и с начала истории его не слушать. Потому что историю эту я знаю наизусть. Более того, я к этой истории имею самое что ни на есть прямое отношение. Ну, во всяком случае, в какой-то мере. Алекс У — мой родственник. Прапра ну и еще несколько раз прадедушка. У меня в семейном альбоме есть его фотография. И его, и всей команды «Геи». Такие здоровенные дядьки в антиперегрузочных костюмах, мужественные, суровые лица. И если уж на то пошло, то я и сам...

— А вдруг там все-таки есть люди? — снова спросил Джи.

— Нет, — ответил Хитч с авторитетом опытного космопроходца. — Там нет людей.

Мы сидим в кубрике. То есть лежим. Выходить нельзя. Каждая группа — четыре человека — в своем кубрике. На койках. Кроме коек, есть малюсенькая туалетная, и все. Кран с водой. Под потолком интерком.

Дверь есть, но она закрыта. За ней узенький коридор, он тянется до кают-компания и рубки. Но выйти мы не можем. Считается, что группы не должны общаться во время рейда. Чтобы не передрались еще до высадки. Наверное, оно правильно — мне все время хочется передрались, Хитч постоянно что-то рассказывает, от его голоса у меня настроение только ухудшается. Все-таки я привык жить в одиночку, я тут почти в таком же объеме пространства еще с тремя.

И Хитч все время болтает.

— Самое-самое — это вода, — болтает Хитч. — Можно найти ванну...

— Чего? — не понимает Джи.

— Ванну. Это большой сосуд, его можно заполнить водой и в нем лежать.

— Зачем? — не понимает Джи. — Зачем лежать в воде?

— Затем, дубина, — отвечает Хитч. — Это лучшее. Горячая вода — целая ванна горячей воды.

— Это глупо — лежать в воде... — сомневается Джи.

— Там целая планета воды. Целая планета воды, целая планета дерева...

Хитч рассказывает, чего еще полно на планете. А потом показывает всем кусок зеленого камня, нанизанный на цепочку.

— Это изумруд, — сообщает Хитч.

— Зачем он? — спрашивает Локк.

— Зачем... Это койка зачем, это кружка зачем, это ты зачем, а изумруд просто так. В этом его высшая ценность — он просто так.

Хитч вешает изумруд на шею, оглядывает нас с превосходством.

— К тому же это отличный слюногон, — говорит Хитч. — Изумруд способствует выделению слюны лучше, чем все пуговицы, а это очень полезно в наших условиях. Суешь изумруд в рот, слюна выделяется в два раза сильнее, гидробаланс остается положительным. То есть ты не сохнешь.

Хитч засунул изумруд в свою пасть и принялся чмокать, выделять слюну.

— А есть рубины, — рассказывает Хитч. — Некоторым везет, и они находят рубины, они еще большие слюногоны. Или даже алмазы...

Я засыпаю. Под воспаленные рассказы Хитча. Уже в очередной раз за длинный-предлинный день. Мне снится вода. Ее много, почти до горизонта...

— Просыпайся! — дергает меня Хитч. — Скоро пойдем в рубку.

— Зачем?

— Затем, чтобы увидеть мир. Ты же хочешь увидеть мир?

Я хочу. Очень хочу, никогда не видел мира...

Мир я увидел. Через очки. Вернее, через светофильтры.

Крейсер висел на орбите. Разворачивал антенны, сканеры и телескопы, проверял готовность, перепроверял состояние обшивки, и, пока корабль готовился к переходу, нам разрешили посмотреть. Каждая четверка получила по полчаса. В рубке были экраны, во всю стену, как и рассказывали. Справа висело Солнце. Отсюда оно выглядело гораздо ярче и злобнее, а корона сияла просто невыносимо, даже через очки и фильтры.

Мир был прямо под нами. Только разглядеть все равно ничего не получилось — на фоне Солнца мир выглядел черным блином. Чернота, и все, даже страшно. Я лично долго смотреть не стал, от всего этого черно-золотого сияния заболела голова, и я вернулся в кубрик. Я хотел поговорить с отцом, но в рубке его не оказалось.

Больше в этот день ничего интересного не произошло. Мы приняли по пять капсул — во время рейда полагается усиленное питание — и легли спать. И я снова хорошо уснул, как всегда. Я всегда хорошо сплю. Да и шторы здесь, в кубрике, отличные, опустишь — и тихо. Тихо, уютно, прохладно, только музыка в ушах играет, вернее, шорох дождя. Это так полагается.

Глава 7 Один дома

Я не чувствую одиночества. Знаю, что оно есть, однако я его совсем не чувствую. Когда мне нечего делать, я сплю или читаю книжку. Волк погиб, а я могу спокойно читать. Не привязываться. На нашей земле ни к чему нельзя привязываться, надо просто жить и ждать, и случится все, что надо.

Волк умер, значит, так надо было. А живые должны жить. И спать. Я спал и проспал. Наверное, от конституционного права — сначала оно уснуть мешает, зато потом сон наваливается в три спины, засыпаешь просто на ходу. Проспал я дикого, одним словом. Рыжую собаку. Вонючку лесную. Тину болотную. Плавунца поганого.

Лежал я, спал, что-то мне снилось такое, самолеты, кажется. Самолеты летали по небу, дымили, а между ними еще и вертолеты летали. Все летало в большом количестве, а некоторые люди даже прыгали с парашютами. Небо было заполнено всевозможной техникой, а потом эта техника стала вся вдруг вниз валиться, валиться, с таким грохотом, и небо быстро опустело.

Я проснулся, побежал пальцами до огнестрела, подтянул его к себе, открыл глаза и сразу посмотрел на столб. Рыжего не было.

Я посмотрел повнимательнее. Рыжего действительно не было. Свалился, наверное, во сне, дичара. Свалился, расшиб свою пустую голову, так я подумал...

Я сел. На асфальте рыжего тоже не просматривалось. Свалился, но насмерть, однако, не ушибся, отполз в сторону, помирать под кустом элеутерококка.

Поднявшись на ноги, я осмотрел окрестности уже поподробнее. Рыжего не видно. Уполз-таки, зараза!

Тут я увидел, что Волка тоже нет. То есть его головы. Упер! Дичара рыжий, уволок голову! Сбежал! Сбежал, гадина! А я проспал... Ну не могу же я его всю ночь сторожить, у меня организм растущий, требует сна. Как солнце встало, как вой этот поганский утих, так я сразу и уснул, видимо. И проспал долго. А пока я спал, дикий сполз со столба и удрал.

Украл голову. А ко мне побоялся подойти! Еще бы! Я бы его и во сне почуял! Его вонючую вонь. И даже во сне я ему бы в пузо всадил из огнестрела! Чтобы мало не показалось!

— Вонючка! — крикнул я. — Вонючка!

Дальше я очень глупо поступил — стрельнул из огнестрела в небо, бестолковый поступок, совершенно бестолковый, только патрон растратил, только в ушах зазвенело. После выстрела посидел, подумал, успокоился хорошенько.

Надо выручать Волка. Волк меня много раз выручал. Жизнь мне спасал. Не бросать же мне его теперь... Эти дикие, они ведь что-нибудь паскудное организуют. Возьмут голову, насадят ее на кол и выставят рядом со своим поселением. И будут его голову объедать мухи и клевать вороны, так что через месяц на ней не останется совсем мяса, только кость. Череп.

Так рыжий решил мне отомстить. А может, и не отомстить даже, может, это они меня заманивают так. В свои чащобы. Знают ведь, что я не брошу Волка. Этот рыжий почуял, что одному ему со мной не справиться, и решил заманить меня к себе. Чтобы расправиться со мной с помощью своих диких дружков. Они уже попробовали — не получилось, но этот рыжий упертый, хочет довести дело до конца, точно я его дедушку заскорузлого прибил, бабушку его саблезубую...

Ну что ж, посмотрим.

Так или иначе, но голову надо добывать.

Я поглядел в небо.

В книжках часто пишут про разных богов. Или богов, не знаю, как точно произносится. Что они помогают. Или с неба спускаются и помогают, или просто помогают, без спуска. Стоит только по-хорошему их попросить. Хромой говорил, что все это ерунда, нет никаких богов. Никто ему в жизни ни разу не помогал. Да и при смерти ему никто не помог, не получилось у него со смертью. Я согласен с Хромым. Нет никаких богов. Есть только я, нечего в небо смотреть.

Вот куда этот рыжий зверь уволок голову? Не знаю. И никто мне не поможет. Вот на небе нарисовалась бы стрелка, куда идти, я бы и пошел...

Ничего не нарисовалось.

Делать нечего. Я поругался и стал искать следы. Рыжий хромал, значит, далеко уйти не мог, значит, рано или поздно его я найду. Времени у меня много, до зимы еще далеко, буду искать. Тот, кто не помнит добра, долго не живет. Волк мне много добра сделал, очень много. А у меня с жизнью и так одни загогулины получаются, новых мне не надо... Голову надо искать. Строго-настрога искать, кровь из носу брызнет — искать...

Я стал искать. Потратил на поиски почти полдня, смотрел по асфальту, следы выглядывал. Тут хорошо бы лупу взять и проверить по кругу. Но лупа последняя разбилась уже давно, а на глаза я не шибко острый, чернику надо есть...

Пришлось навязать на колени тряпок в два слоя, после я на эти самые колени опустился и ползал на них туда-сюда, выставив перед собой нос, как какая-нибудь гончая из книжек.

И нашел. Нашел, никуда от меня не денется этот гад, похититель голов. Он оказался хитрее, чем я сначала о нем думал. Ему бы к лесу идти, а он поступил по-другому — удирал от меня через город. Хитро. Хотя и понятно. Понятно — нога одна у него сейчас, наверное, распухла и разболелась, наступать сильно на нее он не может. Значит, приходится на другой скакать. А как будет он на другой скакать, так отпечатки по мягкой земле пойдут заметные,

по ним даже слепой найдет, на ощупь. Поэтому он и решил идти по асфальту. Нет, если бы я не знал, что дикие такие дикие, сказал бы, что этот рыжий умный, собака, головой поворачивает.

Город оказался большой. Вообще-то, это был даже не город, а несколько городов, объединенных как бы в один, в длинный. Заканчивался один город, и тут же начинался другой. Рыжий шагал через них, я шагал за ним. На каждом перекрестке исправно на колени опускался, искал направление. Так что к вечеру ноги у меня болели уже, даже войлок не помогал.

Но и одноногому было не лучше, к вечеру он стал часто останавливаться, в одном месте даже упал — сухая трава рядом с дорогой оказалась смята. Ослабел. То ли от голода, то ли от кровопотери. Это плохо, что он слабел. Нет, мне его совершенно не жалко, ничуть, просто, если он ослабеет уже совсем, то может в злобном припадке что-нибудь с головой сделать. Например, зашвырнет ее куда подальше, тогда не найду вообще.

По обеим сторонам дороги закончились дома и начались краснокаменные заборы. Высокие.

Заборы тянулись с полкилометра, затем резко оборвались, и я вышел к мосту.

Обрушен. Причем обрушился явно недавно — слом на бетоне был свежим. В последнее время много чего-то всего стало рассыпаться. Хотя ничего необычного в этом нет, я читал, что раньше дома надолго не строили, считалось, что дольше пятидесяти лет ни один дом стоять не должен, после пятидесяти их должны были сносить и на их месте ставить новые. А все эти дома, и мосты, и другие строения, они стоят уже гораздо дольше, чем пятьдесят лет. Поэтому они потихоньку разрушаются. Разваливаются. Почему-то это происходит по ночам, спишь в каком-нибудь городе, и слышишь — повалилось.

Дом без человека долго не стоит.

Помню один город, мы в нем были давно, когда я маленький еще совсем был, даже зубы не все проявились еще, так вот, город тот был совсем разрушен, все дома повалились, даже мосты полопались, из-за чего это случилось непонятно. Но вот что особенно — в том городе стояла железная башня. Такая интересная, похожая на бабочку с черными крыльями, так вот эта башня даже не погнулась! Такая башня не триста лет простоит, она тысячу лет простоит! Нас уже много раз забудут, ну, может, только Алекса У будут помнить, а эта крылатая башня сохранится!

Человек велик.

А еще я вот думаю, что все это окончательно не разваливается еще и потому, что есть я. Я — последний человек, я — хозяин, и дом уж совсем не пустует.

В доме есть я, и города еще живут под небом.

А записки Лося пропали. Жалко это, там много интересного было. Они были в такой толстой тетради, я не мог ее таскать, слишком тяжелая. Поэтому я спрятал ее и другие интересные несъеденные книги в одном доме. Дом я очень хорошо помнил, такой, из красного кирпича, маленький и крепкий, а город из памяти выскочил совершенно. Не помню. Так что дневник тот потерял, а жаль, это история человечества была. Может, потом я тоже напишу такой дневник.

Люди, которые прилетят, должны знать, как все тут было, пока они там отсиживались.

Интересно, вот они прилетят, а кем стану я при них? Я ведь должен буду найти свое место... Меня должны уважать вообще-то, я ведь пронес через столетия человеческий огонь, я сохранил его. Не преумножил, но сохранил. Не исключено, что меня назначат главным. Я буду спокойно жить, в доме, заведу себе трех Волков, а еду мне будут приносить. Очень скоро люди наладят все, заселят города, и я буду пребывать в почете и достатке...

Мост.

Мост был точно откушен, и на самом краю скупа лежала голова. Волка. И никакого дикого поблизости. Дикий устал и оставил голову на самом краю моста. Зачем-то.

Я сел на дорогу.

Зачем-то...

Понятно, зачем. Это была ловушка, я в этом не сомневался ничуть. Рыжий утомился и решил устроить мне ловушку. Он думает, что я такой дурак. Думает, что я побегу сейчас к голове, а он запустит в меня камнем, они мастера камнями пуляться. Или еще что сделает. Ну... Не знаю, что может придумать дикий, может, там на мосту трещины в бетоне, и как только я туда шагну, так мост обвалится совсем. Или еще тридцать диких выскочат, схватят меня, раскачают и бросят вниз, в реку...

Я остановился.

Какой я придурок.

Нет, я просто самый большой придурок за последние сто лет! Это же с самого начала была ловушка! Он меня заманивал! Мы наткнулись в лесу на засаду, а потом все развивалось так, как хотел этот рыжий!

Почему он ко мне привязался?

Почему я его не пристрелил? Попал в ногу, а надо было попасть между глаз!

Нет, не так, не могут они так надолго загадывать...

В моей голове пролетело еще несколько мыслей, и в каждой из них имелся изъян. Это могла быть ловушка, а могла быть не ловушка.

Я не знал. Что мне делать дальше.

Нет, у меня было несколько вариантов. Хотя вообще только два, конечно.

Пойти.

Не пойти.

И я не представлял, что выбрать. А все потому, что я уже знал про все это. Про ловушку на мосту. Я уже читал целых две книги, в которых случалось подобное — я имею в виду ловушки на мосту. Одна называлась «Смерть в левом ухе» и рассказывала про... короче, про людей, которым хотелось слишком многого. А другую не помню, но из этих ловушек никто не выбирался. Я-то знал про эти ловушки из книг, а откуда про это знал дикий?

Или он просто выкинул ее, голову, просто так...

Я смотрел на голову Волка. Находиться на открытой местности было опасно, впрочем, как и находиться на закрытой местности. Находиться на планете Земля вообще опасно.

Человеку.

Голова смотрела в сторону реки. Хорошо, что сейчас осень, мух нет, если бы стояло лето, то вся его голова была бы сейчас в мухах — вот об этом я думал.

И еще думал. Я думал быстро, старался просчитать, что мне делать. И ни один вариант мне не нравился до конца.

Когда от вариантов у меня заболела голова, я сорвался. Повернулся и пошагал прочь. Но далеко не ушел, вернулся. Стоял на мосту, злился и старался сделать первый шаг, не мог, потом разозлился уже по-сильному, наступил на левую ногу правой ногой и все-таки двинулся. И голова тут же покатила ко мне. Подпрыгивая и гулко стучая по асфальту, цепляя зубами. Подкатилась к самым моим ногам. Я поднял ее и спрятал в пакет, а затем в рюкзак.

Рыжего не было. Убрался. Решил, что лучше со мной не связываться. Теперь я вряд ли его встречу. Мир слишком большой, чтобы встретиться в нем второй раз.

Непонятно, как все кончилось. Как-то никак. Я думал, что будет схватка, что или я, или рыжий, но ничего такого не случилось. Я был даже разочарован. И разозлен. Вдруг представил, что рыжий меня не оставил в покое, что решил он за мной проследить. Это все меня сильно напугало, и я решил оторваться. Принялся кружить по городу, стараясь выяснить: есть ли «хвост»? В некоторых книжках пишут, что надо обязательно проверять наличие «хвоста», а то жизнь плохо закончится...

Рыжего хвоста видно не было, как я ни старался его заметить. Но это ничего не значило — он мог пройти потом, через сутки, и учуять меня. Можно было его дожидаться и подстеречь, но я начал уже уставать от всей этой истории и решил отдохнуть.

Выбрал дом. Высокий, девять этажей. Пятый этаж — и снизу не залезть, и сверху не

спуститься. Во всяком случае, тяжело. А чтобы рыжий не прокрался по коридору, я набил в нем бутылок и другого стекла, вредоносного для диких пятюк, будет ему иллюминация.

Устроился я в квартире «17», мне почему-то нравится это число, и сразу понял, что попал в жилище умного человека — одна комната от пола до потолка была забита книгами. То ли писатель это был, то ли читатель, короче, много литературы. Но с потолка вот только что-то протекло зеленое, и большая часть книг испортились, а меньшую микробы поели, и осталось совсем немного. Все, что убереглось, собрал, развел костер, ну и начал это добро просматривать. Читаю название, если не нравится, в огонь кидаю. Книжки, конечно, жгутся бестолково совсем — быстро слишком, и жара никакого, только пепел за шиворот падает. Но зато горят они интересно. Огонь сначала их облизывает, не прикасается к самому вкусному, и в этот момент книгу можно еще спасти, ну а потом, когда в огне просыпается настоящий аппетит, уже ничего не спасти, огонь не отпустит.

Я не всегда, конечно, но книжки жгу. Их немного, их надо хранить вроде как, но почему-то иногда возникает настроение пожечь. От этого какой-то уют создается...

Вот и в этот раз захотелось немножечко. Я лежал на диване и изучал обложки.

Судя по всему, бывший хозяин был учителем или даже ученым, все книжки по математике да по физике — одним словом, ничего интересного и понятного, — читать все эти формулы и цифры нет никакого удовольствия. Поэтому я только обложки прочитывал, а потом в сторону откладывал сразу. Ну, и по мере прогорания в огонь.

Так я перебрал штук двадцать из несъеденных книжек, потом вдруг наткнулся на книгу без цифр и формул. Я ее почти уже выкинул, потому что название у нее было тоже какое-то математическое, однако потом заметил, что внутри нет никаких формул. Ну, и стал читать.

Книжка оказалась интересная, мне повезло. Сказка, как раз как я люблю. И очень похожа на мою настоящую жизнь. Там тоже про то, как все люди на Земле вымерли, но не от пандемии, а от замораживания. То ли Земля с орбиты сошла, то ли еще что, но все замерзли и уже не разморзлись. Осталось три человека — один парень и его отец с матерью. Они жили в шахте, и холод дотуда не добрался. Ну, потом, как водится, папаню с маманей завалило породой, после чего этот парень остался один и стал здорово скучать. Он скучал, скучал и уже собрался с горя просто выйти наружу, лечь в снег и уснуть, но тут по радио он услышал сигналы. Передачу. И в этой передаче говорилось, что не только он один выжил, но и еще остались люди вроде как, и они собирают всех, кто выжил, для того, чтобы плыть на корабле в Антарктиду, где совсем тепло оказалось и где теперь помещается все человечество.

И вот этот парень здорово обрадовался и отправился через ледяную пустыню в поход. Поход у него получился довольно интересный, много приключений разных было, несколько раз он даже едва не погиб. Но добрался до того места, откуда велась передача. Пришел, а там давно уже никого нет. Все то ли вымерли, то ли отправились уже на своем корабле в Антарктиду. Остался парень один...

Тут этот писатель, по-моему, неправильно написал. Он написал, что парень, добравшись до своей цели, сильно разволновался и решил опять замерзнуть...

Дальше я читать не стал, мне вдруг стало неинтересно.

Получалось, что в книжке в двух местах один и тот же человек пробовал покончить с собой, и каждый раз путем замерзания. Мне казалось, что так не бывает. Нет, в жизни оно бывает, я сам два раза вылавливал трехглазую рыбу, и она на меня глупо смотрела, но в книжке, наверное, так быть не должно. Я расстроился и не стал читать дальше. Но и кидать книжку в огонь не стал, все-таки человек старался, сочинял, это не формулы с цифрами корябать. Я отложил книжку на подоконник, завтра решу, что там с нею делать.

Три часа потратил на книжки, неплохо, не заметил, как стало темнеть. Огонь побледнел, и я не стал его подкармливать. Я заставил дверь шкафом и забрался под кровать. Не из-за того, что страшно, от страха под кроватью не укроешься. Просто мне было холодно. Меня трясло, наверное, заболел. Или нет, устал. Устал, надо отдохнуть, от усталости тоже трясет.

Хорошенько.

И я проспал до полудня, солнце всползло высоко, никак не меньше полудня. Не спал так уже давно. Сто лет. Если честно, то подниматься мне не хотелось. Так я подумал и снова уснул и проснулся уже следующей ночью. В окно страшно светила луна, на улице выли, и мне вдруг сделалось худо, и я прижался к стенке, закрыл глаза и не открывал их до утра.

Как стало светлеть, сразу поднялся и нашел мелки, рядом с кроватью прямо. Не знаю, откуда, сверху свалились, наверное, с книжной полки. Пять цветов. Я выбрал черный, его лучше видно.

Уходил из города и никак не мог уйти — город не кончался, люди любили раньше строить большие, просто бесконечные города. Вернее, они строили дороги, а вдоль дорог вырастали уже города, а потом города начинали расти возле поперечных дорог, и если попадешь в такой город, выбраться из него нелегко. Уходил и рисовал на стенах. Человечков. Человечков. Пока мелок не кончился, последнего человечка я нарисовал уже перепачканным пальцем.

Потом я шагал и шагал, пока не заметил, что солнце спряталось в тучи. Я огляделся и обнаружил, что нахожусь в непонятном пространстве. Тут тоже когда-то был город, но теперь он почему-то провалился в землю, и остались одни только крыши. Кругом одни крыши. Асфальт растрескался и стерся в пыль, шагать стало легче, но место это мне совсем не нравилось, я вдруг стал думать, что здесь плавун. Илиzybун, или еще какие подземные пустоты, куда легко провалиться, а выбраться уже нельзя. Может, там уголь горит или торф...

Я вдруг понял, что заблудился. Солнца не видно, крыши все одинаковые, и вообще все вокруг одинаковое, справа в мутной подозрительной дымке виднелся город, высокие далекие здания, слева, так же далеко и в такой же дымке, угадывался завод — переплетение ферм, трубы, какие-то антенны, высокие железные агрегаты со вспоротыми боками. Вообще к большим заводам лучше никогда не подходить — заводы опасны...

Но почему-то я решил идти именно к этому заводу. В небе над далеким городом было что-то не так. Как-то оно клубилось, вполне может быть, там зарождалась сухая гроза. В такую грозу получается множество шаровых молний, а от них ведь не убежишь, это тебе не олимпиада.

И я двинул к заводу.

Завод был гигантский, просто энциклопедический, и ввысь и в ширину, умели раньше строить. Кажется, тут раньше бумагу варили, пахло бумагой здорово, бумажный запах перебивал даже железный. Хорошо, что много заводов сохранилось. Прилетят люди, заново много строить не придется, немножечко подремонтируют — и все.

Я брел через завод, как верблюд через Гваделупу. К вечеру снова почувствовал тяжесть, как вчера, под кроватью. Но только как-то резко, точно кто-то запустил в меня стрелой с наконечником из усталости и попал в самое сердце. На плечи навалился неудобный груз, и я тут же заметил, что голова Волка стала гораздо тяжелее, чем раньше.

Надо отдохнуть. С одной стороны от меня тянулась стена, невысокая, выщербленная, за стеной заросли, и железом из них пахнет ржавым, туда лезть явно не стоило, я помнил, что с Хромым случилось.

А с другой — были металлические элементы всякие, что-то тут такое... не поймешь, сейчас все это выглядело как настоящий колючий лабиринт. А мне надо было лечь. Отдохнуть, немедленно, прямо сейчас...

Впереди будка. Метров через двести. Тоже железная, не знаю, для чего эта будка предназначалась, я побежал к ней. Если бы не побежал, уснул бы, наверное, прямо так, на земле, под забором.

Закинул рюкзак на крышу, влез сам. И тут же отключился, накрыло меня тяжелым теплым одеялом, которое когда-то у меня было, в самом далеком детстве, на нем еще птички такие вышиты, с глазками.

Потом я увидел звезды, сразу, без перерыва. Они висели надо мной серебряными искорками, такие звезды заводятся только осенью и никогда больше. А вокруг тявкали

волки.

Я осторожно свесился с крыши.

Волков было много, в темноте поблескивали глаза и пахло знакомо. Волки не прыгали, не пытались добраться до меня, стояли, скулили, перебирали лапами.

И непонятно, зачем они пришли — за мной или за головой. Стояли и стояли, а под утро я начал подозревать, что волки явились не просто так, я стал думать, что их наслал рыжий. Специально оставил мне голову и натравил хищников — глупая мысль, — чтобы они меня сожрали...

А может, волки просто приходили попрощаться со своим товарищем. Но мой Волк происходил из других мест, хотя, может быть, все волки братья, может, у них такой обычай — грустить о друзьях, пусть даже и незнакомых, они чувствительные животные...

А вообще это была не самая приятная ночь в моей жизни, хотя и хуже случалось, тогда вон в болоте пришлось...

Под утро волки исчезли, но пока солнце не взобралось высоко, я не слезал с этой железной будки.

В этот же день я отыскал асфальтовый стакан и кинул туда голову Волка.

В тот день я остался один на целой планете.

Окончательно.

Глава 8

Переход

Переход получился скучный. Очень. Первое время мы еще были заняты, монтировали экзоскелеты на комбинезоны, настраивали их, подгоняли под рост. Потом делать стало нечего, и наступила скука. Не происходило почти ничего. Да и что может произойти в замкнутом пространстве?

Ну, разве что Джи. У него стала болеть голова, во время перехода такое случается. И Джи все время тряся, это чувствовалось даже через шторку. Хитч был этой его болезнью недоволен. Во-первых, за все болезни экипажа, то есть за наши болезни, взыскивали с начальника партии, то есть с него. А во-вторых, эта болезнь не позволяла устроить прописку. Дело в том, что из всей команды в пространстве и на планете бывал только Хитч, остальные нет. Что позволяло Хитчу, как настоящему космо и планетопроходцу, провести церемонию посвящения нас в рейдеры. Официально церемония проводилась уже после возвращения домой, неофициально же посвящение, или прописка, обычно проходило во время перехода. От скуки.

Придумывали разное. Те, у кого с фантазией было туго, придумывали пожирания. Обычно старые ботинки пожирали. Хорошо, если новичков было трое — тогда сжевать ботинок можно, особенно после наших капсул. Тяжело, но можно. А вот если новичок один... Тут уже сложности. По слухам, некоторые поедали ботинок весь переход и к моменту высадки на планету получали настоящий заворот кишок.

Если у начальника экспедиции фантазия работала хорошо, то он придумывал испытание поизощреннее. Например, «вырви-язык». Двум участникам забавы завязывались глаза, на язык цеплялось по крепкой прищепке, к прищепке привязывалась бечевка, концы бечевки вручались противникам. По сигналу они должны были начинать тянуть за веревочку. Конечно же, весь фокус заключался в том, что веревочка пропусклась через ножку стола и каждый дергал себя за язык сам. Это было смешно.

Кроме «вырвизыка», были еще «бейбашка», «зубломай» и еще несколько веселых игр. Судя по лицу Хитча, он как раз собирался провести прописку в форме «зубломай», однако вмешалась судьба, и Джи заболел.

Хитч немного позлился, потом бросил, все равно с этим было нельзя ничего сделать. Честно говоря, я против прописки ничего не имел, прописка — это традиция, а на традициях держится мир. Да и развеселило бы это нас. Но нет так нет. Утешение подоспело вечером —

всем выдали по большому помидору. В честь начала рейда. Помидор выдают вообще два раза в год — на Новый год и на именины, третий помидор получить было приятно. Мне очень помидор нравился, сочный — даже в глаз шибанул, соленный, вкусный, голова чуть не закружилась. Отец рассказывал, что на планете можно до сих пор встретить помидоры, только редко очень. Но можно. Это здорово. Здорово найти помидоров и наестся, чтобы в каждом глазу было по красному.

Хитч валялся на своей полке, чавкал помидором, пребывал от этого в хорошем настроении и рассказывал. Он почти как старый Ризз оказался — очень много разных историй знал, так он сам сразу нам и сообщил. Хотя они, кажется, рядом живут, наверное, мама приглашала Ризза нянчиться, когда Хитч был совсем маленький, у него начинали резаться зубки, и он орал по вечерам. Вот и набрался от старика мудрости.

— Эта книжка тоже запрещенная, — рассказывал Хитч. — Я ее случайно нашел, во время прошлого рейда. Там такая история рассказывается, чрезвычайно интересная. И тоже про эпидемию. Конечно, не настоящую, а фантастическую. Случилась будто на планете эпидемия, но вымерли не все, небольшое количество людей осталось. Ну, эти люди кое-как свою жизнь организовывали, культуру пытались передавать, цивилизацию возрождать. А тут раз — бах — и инопланетяне! Монстры настоящие, страшилища. Ну, люди, конечно, взялись за оружие и давай с этими пришельцами бороться. Да не получилось ничего, инопланетяне были сильнее, перестреляли последних людей лазерами. А те, кого они не перестреляли, те забились в канализацию. А потом в конце выясняется, что эпидемия эта не просто эпидемия, а была специально заслана инопланетянами. Они, оказывается, так себе планеты завоевывали. Подкинут заразу — местное население вымрет, а тут и они. Прилетают, устраиваются, осваиваются. Такая стратегия у них. Экспансии.

— И что ты этим хочешь сказать? — насторожился Джи.

После помидора болеть он стал меньше, только зубами стучал.

— Я? — Хитч хлюпнул томатом. — Ничего.

Хитч замолчал. Но я-то знал, что это еще не все. Что Хитч еще кое-что скажет, такой уж он человек. Что-нибудь неприятное. Он же уже дал понять, что считает планету небезопасной. Сейчас он это подтвердит. Страшной историей.

— Нет, ты ведь на что-то намекаешь, — вмешался Джи. — Намекаешь ведь!

Наш начальник загадочно молчал, обсасывал уже обсосанный помидор.

— Ладно, Хитч, давай, рассказывай, — сказал я. — Если начал, то теперь давай до конца уж, не кривляйся, некрасиво это.

Хитч принялся смотреть в потолок, вроде как прикидывал — рассказывать эту историю или все-таки побереечь наши слабые нервы. Но потом сущность взяла верх.

— Не знаю, как уж это получилось, — вздохнул Хитч, — но в этой книжке правда написана. Самая жестокая правда.

— В каком смысле? — Бугер напряженно огляделся.

— В таком смысле, мой дорогой Бугер, в таком. Я еще в позапрошлый рейд заметил...

— Что?! — встрепнулся Джи. — Что ты заметил?

— Ну, что на планете не все спокойно.

— Там же нет людей. Как там может быть беспокойно?

— Людей нет. На ней нет людей, но кто-то там есть...

— Кто?!

— Чудовища, — сказал я и пошевелил пальцами. — Жуткие уродливые чудовища. Вся планета ими просто кишит. Они рыщут туда-сюда с отверстыми пастьми...

— Ты прав, — кивнул Хитч. — Там есть чудовища. И, может быть, даже с отверстыми пастьми. В тот рейд наша команда искала пластик, тогда колонии был нужен пластик. Мы ехали на танке, а сзади фургон и плавильный пресс. Мы собирали весь попадающийся пластик, плавили его, а потом прессовали, хорошо тогда собрали, до сих пор этим пластиком пользуемся. И вот мы нашли город. Такой небольшой, одноэтажный, малюсенький. А в этом городе бутылочный завод, раньше воду разливали в пластиковые бутылки. Это большая

удача — найти такой завод. Бутылки делали из таких белых гранул, и на этом заводе мы нашли эти гранулы... Очень много. То есть мы сразу выполнили все свое задание и дальше могли уже не собирать никакого пластика, а заниматься чем угодно...

— А есть еще конфетные заводы, — перебил Бугер. — Если наткнешься на конфетный завод...

— Заткнись, Бугер, — злобно сказал Хитч. — Я же рассказываю!

— Ладно, ладно. — Бугер миролюбиво поднял руки. — Молчу.

— Если найдешь конфетную фабрику, то на четыре года дают повышенный рацион, — сообщил Джи.

— Нет, я так не буду! — разозлился Хитч. — Я рассказываю, а вы через каждую минуту перебиваете! Я ведь вам могу просто приказать меня слушать, вы будете обязаны повиноваться!

— Мы больше не будем перебивать! — заверил я. — Джи, Бугер, заткнитесь, начальник рассказывает!

Хитч подулся еще немного, потом продолжил голосом, как на старых носителях:

— Мы разделились на две группы и стали обследовать городок. Ничего интересного, в маленьких городках вообще мало чего интересного встречается, их разграбили еще во время эпидемии. А многие сгорели еще потом не по одному разу. Одним словом, город заурядный. Кроме пластиковой фабрики там был еще завод резиновых лодок, тоже полезная вещь, но мы его решили напоследок разобрать. И вот как-то вечером, когда солнце уже садилось, я отправился в большой дом, расположенный на отшибе. К тому времени стало уже окончательно понятно, что ничего опасного в городе нет, и мы в нарушение устава разгуливали в одиночку. Когда я добрался до этого дома, солнце почти уже опустилось, наступило странное, переходное состояние между днем и ночью, которое называется сумерками. Обычно в таких домах можно найти украшения, я хотел что-нибудь выбрать своей подружке. Двери в доме оказались закрыты, что было хорошим признаком, это означало, что дом вполне может быть еще и не растащен. Дверь я вышиб, вошел внутрь и стал обследовать второй этаж. Чутье меня не подвело — в одной из комнат обнаружился ящик, в котором хранились драгоценности. Я принялся набивать карманы браслетами и камнями, как вдруг увидел тень! Она мелькнула за спиной, а ее отражение в серебряном кольце, я резко обернулся. Никого. Комната была пуста. Но мне стало не по себе. Я понял, что переутомился, и решил вернуться к танку, перекусить и хорошенько отоспаться. Я осторожно спустился вниз и вышел во двор...

— И что?! — не выдержал Джи.

— Оно там было. Во дворе. Огромное, страшное, похожее... Короче, на человека не походило совсем. И на голове такие как бы змеи, и они шевелятся, шевелятся. Настоящее чудовище. Оно меня не заметило, к счастью — я так в стену вжался, что кирпичи затрещали. А оно постояло, понюхало воздух, а затем убежало. Потом я их видел еще несколько раз. Редкостные уроды. Они появляются в сумерках и бродят по городам...

— Что им нужно?! — опять не удержался Джи.

— Планета, — просто ответил Хитч. — Им нужна планета. Они исследуют планету для того, чтобы ее заселить. Такие сумеречные чудища.

Хитч замолчал.

— И что? — спросил я. — Они на людей нападают?

— Честно говоря, я не знаю, — сказал Хитч. — Но то, что люди пропадают, это точно. И они пропадают в сумерках. Чуть человек зазеваается, не успеет к танку возвратиться... и не возвращается уже вообще.

— Это чудовища их убивают? — негромко спросил Бугер.

— Нет, тут все сложнее... Я слышал... Мне один парень рассказывал, что чудовище подстерегает человека, утаскивает его к себе в логово, после чего кусает в шею. И все, человек заражается. И через некоторое время он начинает превращаться. Сначала у него выпадают зубы, потом удлиняются руки и ноги, кожа шелушится, краснеет и начинает

отслаиваться от кончиков пальцев. Медленно, а затем быстро, кожа слезает, как чулок, человек орет от боли. Но это только начало, потому что из-под кожи прорастает чешуя. Глаза загнивают и вытекают, а на их месте проклевываются такие отростки...

Бугер погляделся в полированную стену, проверил, на месте ли его глаза.

— И все это уже нельзя остановить, потому что мозг тоже изменяется, через несколько дней человек перестает быть человеком, он становится чудищем. И очень хочет есть — потому что на преобразование требуется огромное количество энергии. Чудовище чувствует голод и...

— Хватит, Хитч, — остановил его я. — У нас ужин впереди.

Хитч согласно покивал.

— Ужин — это важно, — сказал он. — Очень важно. Один парень из соседней партии тоже все время боялся пропустить ужин...

Хитч сделал паузу, затем продолжил:

— А потом сам попал на ужин.

— А если серьезно? — спросил я. — Если серьезно, Хитч? Мне отец никогда не рассказывал про...

— Про это и не принято рассказывать. Официально ведь там ничего такого нет. Но странное случается почти в каждом рейде...

— Зачем они туда прилетают? — спросил вдруг Бугер.

— Кто?

— Эти чудовища?

— Я же тебе говорил, им нужна планета.

— Зачем? — тут же спросил Джи. — Зачем тем, кто смог пересечь Галактику, нужна планета?

— Для полезных ископаемых. Мы же гелий-3 добываем!

Джи рассмеялся. Правда, так почтительно рассмеялся, соблюдая субординацию.

— Для того чтобы на наших двигателях добраться до ближайшей звезды, понадобится гелий-3 больше, чем весит сама планета, — сказал он. — Поиск полезных ископаемых во Вселенной — бред. Так же как и поиск новых мест обитания — их и без планеты огромное количество. И никаких эпидемий устраивать не надо...

— Вода, — возразил Хитч. — Они занимают ее из-за воды.

Это, кстати, был аргумент. Вода — явление в космосе чрезвычайно редкое. Можно сказать, уникальное. Океан Европы в расчет брать не приходится, как выяснилось, там и не вода в полном смысле этого слова.

Джи не придумал, что ему ответить на воду, поэтому только хмыкнул.

— А есть версия, что планета уникальна, — сказал Бугер. — Что другой такой больше нет, только она...

— Ерунда! — воскликнул Хитч. — Даже сугубо со статистической точки зрения...

Мы стали спорить — возможно ли с сугубо статистической точки зрения существование второй такой планеты, и это нас на некоторое время отвлекло и развлекло. Потом мы снова свернули на пришельцев, то есть носителей инопланетного разума, и Хитч рассказал уже другую историю. Тоже, разумеется, про чудовищ, только более страшную. В этой истории человек потерялся и пропадал два дня, никто его не видел, а потом он сам вышел из леса. И никто не заметил, что его комбинезон был разорван. Это было уже совсем незадолго до окончания рейда, буквально за сутки. Корабль ушел с планеты, а уже в пространстве начались убийства. И только один человек остался жив, вся экспедиция погибла...

Я не удержался, хихикнул все-таки. Я мог поспорить, что Хитч эту историю совсем недавно придумал, возможно, даже вот только что. Чтобы нас напугать.

Но Бугер вдруг заявил:

— А я про это слышал.

— Что ты слышал? — Я даже по лбу себя от возмущения постучал. — Что ты слышал?!

Какой корабль исчез? Их всего два было и до сих пор два! На одном мы идем, другой на профилактике!

— Я не сказал, что корабль исчез, — повернулся ко мне Хитч. — Я сказал, что люди там все погибли. Один человек был жив, да и то.... Не в своем уме. Он весь обратный переход в танке просидел...

— Как тогда корабль встал на Меркурий?

— А он и не встал. Его потом с орбиты снимали. И дезинфекцию почти год проводили...

— Бред, — я постучал себя по лбу еще раз, уже погромче. — Полный бред.

— А я слышал про такое, — повторил Бугер. — Что человек теряется в лесу, с ним там что-то происходит... Конечно, никаких чудовищ нету... Но с людьми что-то происходит. Вот с этим кораблем... Конечно, все засекречено было, но мой отец как раз в дезинфекции работал. Однажды он пришел домой и матери рассказывал, что они танки обрабатывали, пять машин и внутри каждая кровью вымазана...

Вот как! Оказывается, у Бугера был когда-то отец, не из яйца он вылупился, как говорил Ризз, не в помойке найденный. Как трогательно.

— Так что, может, там что-то и было... с этим кораблем...

— Страшно-то как! — хлопнул я в ладоши. — Верните меня назад! Хочу к мамочке! Страх! Трепет!

На меня эта история почему-то произвела неприятное впечатление. Я вообще человек впечатлительный. Помню, когда совсем маленький был, прочитал книжку про колдуна, который каждый год набирал себе учеников, и в конце года один из них рыл себе могилу... И хотя отец предусмотрительно из книжки все картинки вырезал, она все равно меня очень напугала. Мне снился этот колдун. Нет, я его никак не мог представить, видел просто такое черное пятно, от которого исходил ужас. А тут история про то, как в экипаж внедряется человек... Или уже и не человек вовсе...

Такое неприятно представлять.

Наверное, остальные подумали приблизительно то же. Мы замолчали и устроились по койкам. Хитч достал откуда-то маленькую книжку и тонко отточенный карандаш, немножко подумал и принялся в этой книжке черкать что-то быстрое. Бугер лежал с закрытыми глазами, думал, кажется, а Джи мне видно не было.

Лежали молча долго. Я все собирался уснуть, но не получалось, то ли Хитч слишком громко скрипел карандашом, то ли Джи сопел, а скорее всего, от волнения.

Вдруг Джи перестал сопеть и спросил:

— Как называется эта штука, в которую видно отражение?

— Зеркало, — ответил Хитч, не отрываясь от записок. — Такая вещь, в которой видно отражение, называется зеркало.

— Зеркало — запрещенная вещь, — напомнил Бугер.

— Там полно зеркал, — отмахнулся Хитч. — В каждом поселении несколько, есть совсем маленькие, а есть во всю стену. Глупо запрещать зеркала... Я так считаю... То есть они могут быть полезными...

Хитч понял, что болтает поперек устава, и поправился:

— А вообще, конечно, правильно. Зеркало опасная вещь, правильно их запретили. И если встретятся, то в них лучше не смотреть.

— Почему? — спросил Джи.

— Они затягивают. Как высота примерно. Стоит только начать смотреть, как остановиться уже нельзя, все смотришь и смотришь...

Хитч поморщился и потер подбородок.

— Я знал одного парня, — Хитч поморщился глубже, — парень этот привез тайком зеркало и все смотрел, а через два дня его затянуло в ножи дробилки.

— Бывает... — грустно сказал Джи. — После рейдов многое случается... Хорошее тоже случается. Знаете Добера? Он один раз всего в рейд сходил, а как вернулся, так сразу на

иридиевую жилу наткнулся. Ему за эту жилу полтора года двойную дозу капсул выдавали.

— Двойную? — спросил с завистью Локк.

Я слышал историю про этого Добера. Иридий-то он, конечно, нашел, только от двойной дозы капсул у него сделалось прободение внутренних органов, и прожил он совсем недолго.

— Двойную, — подтвердил Джи. — Повезло...

— Это не повезло, — усмехался Хитч, — это ерунда. Вот одному повезло, это да. Он провалился в канализацию и стукнулся головой. Его нашли и вытащили, не сразу, но вытащили. И в руках у него была подкова.

— И что?

— Если находишь подкову, то тебе дальше в жизни только везет. Тебя ничто не может взять. Ты находишь самородки, находишь гелиевые ведра, надо только подкову с собой носить. Этот носил. Однажды их партию направили в Железную Лощину за рудой. И у них прямо там лопнул реактор. В танке погибли все, а у него всего руку обожгло, да и то до локтя. И потом еще несколько раз он в гиблоту влипал — и ничего, ни одной царапины, палец оторвало, и все. И что самое главное — у него дети нормальные.

— Все? — с недоверием спросил Джи.

— Абсолютно, — кивнул Хитч. — Все до одного. Ни одного виндиго, все хорошие. Вот так. Подкова — это счастье и везенье. Так что если увидите подкову — вам на всю жизнь повезло.

— Что такое подкова? — серьезно спросил Джи.

— Ты что, не знаешь? — усмехнулся Хитч.

— Не знаю.

Хитч пожал плечами и нарисовал карандашом на стене подкову. Загогулина, ничего необычного.

— Я таких в кузнице могу за двадцать минут десяток сделать, — пожал плечами Джи.

— Молчи, дурак, в кузнице... В кузнице не годится, надо, чтобы само нашлось...

— А про детей это точно? — спросил Джи. — Ну, что дети нормальные получаются?

Джи живет в четырнадцатом секторе, далеко от нас, но я слышал, что с детьми в его семье проблемы. Сам Джи четвертый по счету, все предыдущие были неудачными. И велика вероятность, что у него тоже будут неудачные. А каждый неудачный — это уменьшение шансов на выживание колонии, это перерасход ресурсов, перерасход площадей, ну и так далее.

— Абсолютно точно, — заверил Хитч. — Все дети здоровые. И, кроме того, он мог в кости у любого что хочешь выиграть. Любую вещь.

— Во что выиграть? — не расслышал Джи.

— В кости.

Хитч сунул руку в карман, вытащил жестяную коробочку. Потряс ее, в коробочке прогремело.

— Откуда это у тебя? — подозрительно спросил Бугер.

— Откуда-откуда — оттуда, — нагло ответил Хитч.

— В рейде разрешено иметь только одну личную вещь, — прошептал Бугер.

— Это тебе одну. А мне две можно, я начальник, за это мне полагаются облегчения. Вот я могу с собой две вещи взять в рейд. А кости я, кстати, нашел в прошлом.

— И как в них играть? — Бугер свесился со своей полки.

— Просто. — Хитч подкинул кости и ловко их поймал. — Очень просто. Ты берешь одну кость, я беру другую. Сначала ты кидаешь, затем я. У кого больше точек, тот и выиграл. Я же говорю, все очень просто.

Все оказалось на самом деле просто, скоро Бугер и Джи проиграли Хитчу по две дневных нормы капсул каждый. Я не играл, я раньше видел мультфильм, там один проиграл другому все, даже свои полосатые штаны.

Глава 9

Дружок

Стал я рассказывать сам себе сказку, больше-то некому было. Про мужика, который поймал рукавицей золотую рыбку и стал у нее разных разностей выспрашивать. Мне эта сказка нравилась, потому что она про глупость. У мужика всего три желания, а он всякую ерунду себе заказывает. А рыбка всю эту ерунду выполняет, а в конце ничего хорошего не получается: мужик без штанов, а рыбка в море-океан нырк и только хвостиком махнула.

Вот такая, однако, ихтиология, такое, кажется, слово.

Четыре раза эту сказку рассказал, туда-сюда, и бросил, не помогло. Только кручина еще больше закручинилась, оптимизм прохудился, настроение просело. Никакого. Я потерял почти все, что мог, и теперь надо было определяться со своей дальнейшей судьбой. Надо было что-то делать, а я не знал что, ничего в голову не приходило. Поэтому я решил поступить так: пойду бродить целый день между деревьями куда глаза глядят, и в течение этого дня наверняка мне будет какое-нибудь указание. Хромой вот сверялся с полетом птиц и всегда в этом полете видел указания. Мне тоже какая-нибудь перепелка просигналит, подаст знак крылом иволга... Если они не улетели куда-нибудь на юг, куда они улетают обычно, глупые стрижи...

А если не случится указания, отправлюсь просто на юг, ведь отсутствие указания — тоже указание. Я закрыл глаза поплотнее, чтобы не видеть, где солнце, и принялся вертеться. Когда голова закружилась, я остановился и посмотрел. Лес, который шумел передо мной, ничуть не отличался от того леса, что шумел справа, или слева, или за затылком.

В этот лес я и направился. С легкой душой, шагнув с левой.

Часа через три наткнулся на небольшой круглый водоем, озерко. Из него вытекал мелкий и прозрачный ручей, я отправился вдоль этого ручья, обрывая с кустов еще не растащенные белками орехи, зачерпывая иногда воды и примеряясь к спинастым форелям. Ручей для меня и моего настроения был вполне подходящей стихией — вилял, рисовал круги и тек то в одну, то в другую сторону, прямо как моя мозговая активность, эскапады выписывал.

Шагал я по берегу, но никакого указания не встречал. Вот Хромой, к примеру, он рассказывал, как меня нашел. Отправился он в лес. Тогда весна была как раз ранняя, птицы еще совсем не прилетели, и определять судьбу по их полету было сложно. А Хромой пожелал очень, чтобы ему случилось указание. Очень сильно. И только пожелал, как сразу на знак наткнулся. Видимо, раньше там дорога рядом проходила, и из земли торчал знак — на железной такой палке, он заржавел за все время своего стояния, и Хромой его не заметил, хлопнулся о него лбом. Поднял голову — смотрит, а на знаке стрелка нарисована. Идти туда, значит. Двинул Хромой по этой стрелке и нашел меня.

А вообще Хромой говорил, что мир стал похож на чудесную страну Эльдорадо. Раньше, говорил он, люди любили придумывать всякие ненастоящие миры, в своем им было тесно и скучно. Настоящий мир давил с разных сторон, а в выдуманных всегда было в достатке и места, и воздуха. И в этих мирах существовали свои законы. Ну, если ты идешь куда-то, то не встретишь кого-нибудь ты не можешь. Обязательно встретишь. И обязательно с последствиями.

Что я хочу сказать? Иногда наш мир начинал себя вести вдруг как мир выдуманный. Как Эльдорадо это самое. Обычно в нем можно идти целый месяц по лесам и никого, кроме зверюг да парочки диких, не увидеть. А тут вдруг такое...

Наверное, во всех мирах — и выдуманных и невыдуманных — действуют схожие законы. Есть время бежать, а есть время стоять на месте, есть время плакать, а есть время смеяться, есть охотник, есть добыча. Есть дни тишины, и есть дни грома, так, кажется. Нет, мне, конечно, больше нравятся дни тишины, но если пришли дни грома — делать нечего.

Идешь себе по лесу, считаешь до тысячи по седьмому кругу, а потом бах — натыкаешься на каменную статую, и стоит она посреди леса в полном одиночестве, и

непонятно, как она тут оказалась, эта эсмеральда. Сама, что ли, пришла?

Или идешь себе по лесу, считаешь — и нос к носу со слоненком.

Честно говоря, слоненку я удивился сильнее, чем статуе. Так все случилось.

Увидел я малину. Таковую крупную и мясистую, какую редко встретишь на наших просторах. И захотелось мне этой малины, сладкого захотелось. Лучшее средство от неприятностей — это хорошая шоколадка, но если шоколадки нет, сойдет и малина. С малиной осторожнее надо, в малинниках медведи частенько заседают. Поэтому я как следует поорал для начала, чтобы их на всякий случай распугать, и только потом сунулся.

Ягод было много, я наелся быстро. Раньше мы с Хромым ее еще сушили, так, чтобы зимой тоже можно было жевать, теперь не засушить. Наелся я малины, вышел из кустов и наткнулся на слоненка.

Не на слона здоровущего, а именно на слоненка, он тут тоже малину, наверное, жрал.

Сначала я подумал, что все. Сошел. С ума. Двинулся. Уже по-настоящему, как в книжках пишут. Слон посреди леса — надо же! Зажмурился, ущипнул себя правой рукой за левую, все как полагается сделал. Глаза открыл, а слон стоит. Никуда не делся. Ну, не сошел я с ума.

Никогда не слышал про слонов. Что они в наших местах водятся. И Хромой ничего не рассказывал... Хотя нет, Хромой рассказывал как-то историю. Про Козявку. Что будто бы Козявка как-то прочитал, опять же в книге, про то, что где-то в Африке, далеко-далеко, есть место, где обитают розовые слоны. И эти слоны такие красивые, что потом они долго снятся тем, кто их видел.

И так в голову Козявке запала эта картина, что он решил завести себе слона. И однажды Козявка отправился на юг, в слоновий поход. Его не было очень долго, поскольку достать слона оказалось нелегко, но в конце концов через два с половиной года он вернулся верхом на своем небольшом слоне. Слон был отличный, работающий, помогал во всем. Строил дома, грибные места издали определял, диких гонял. Хорошо со слонем вроде как жилось.

Правда, история эта ничем хорошим не закончилась, его молнией убило. Они с Козявкой пошли ловить снетка в озеро, слон мог выволочь целую тонну снетка на берег, а тут внезапная гроза, не сухая, а просто так, молния попала прямо в хобот. Слон так и упал.

Так что слоны в нашем роду встречались, хотя они были не местные все-таки.

Если совсем уж честно, то раньше я в эту историю со слонем не верил, Хромой любил всякие сказочки рассказывать. И придумывать, и рассказывать, я думал, что все это фантастика, а теперь вот...

Теперь передо мной стоял слоненок. Мне требовался волк, а я наткнулся на слоненка. Вот и не верь после этого в Злосчастье... В книжках пишут, что раньше были такие колдуны, если их хорошенько попросить, они могли это Злосчастье отвести, ну или перенаправить на кого-нибудь вредного, я бы вот на диких лично перенаправил. А нынче никаких колдунов нет, повымерли, как и все остальные. Плохие они, значит, были колдуны, не могли справиться с болезнью.

Погодите-ка!

Так что же такое получается? Теперь я и во все остальное должен верить? Во все эти сказки, которыми меня Хромой столько лет угощал!

А может, тогда и в книжках правду пишут? Хромой мне говорил, просто-таки вдалбливал в голову — книжки врут, книжки врут, так что мне теперь — в эти книжки начинать верить?

Нет, наверное, все-таки в большинстве книжек вранье, но в некоторых пишут правду...

В редких. Иногда очень.

Мы стояли и смотрели друг на друга, я и слоненок.

Он был совсем небольшого роста, чуть выше меня. Грязный, совсем не розовый, лопоухий, уши очень большие. Наверное, так и должно быть, у маленького волка лапы большие. Тело маленькое, лапы большие. А у слоненка, должно быть, рост в уши идет.

Я вдруг подумал: а что, если мне не Волка нового найти, а Слона? А что? Слон — животное монументальное. Сплету корзину, прилажу его к слоновьей спине, в этой корзине не только ездить можно будет, но и жить. И ходить не надо.

На слоне меня никто не достанет.

Интересно, что он тут ест? С виду вполне упитанный, бока круглые. И не с голода круглые, а с мяса. Листья, может, жрет... Чем лоси питаются? Хвоей, что ли... Точно не знаю. Может, и слон тоже хвоей. Обрывает хоботом и ест. А может, на сад нарвался? Или на грядки. Вдруг этому слону повезло, и он наткнулся на то, что никак не мог найти Хромой — на старые плантации? А там морковь, свекла, капуста, патиссон. Одичали, конечно, немного за эти годы, но ничего. Слону, конечно, много надо, но вокруг тут дубов полно, он мог приспособиться к желудям, как кабаны.

А где его стадо? Ну, то есть родители? Хотя сейчас ведь все перепуталось, теперь слоны могут и по одному ходить... Нет, этот все-таки слишком маленький.

Я огляделся. А вдруг сейчас откуда-нибудь выскочит слонище? Такой, настоящий, громоздкий слон. Или два. Один на бивни подымет, другой ногами затопчет.

Слоны не выскочили. Значит, этот один. Отбил. Или сожрали родителей... Кто тут их мог сожрать?

Страна чудес, это точно. Вокруг золотая осень, а тут слон. Как же он зимой...

Тут я пригляделся к слону повнимательнее и обнаружил на боках некоторую шерсть. Забавно. Видимо, за то время, что слоны тут у нас обитали, они приспособиваться начали, шерстью обрастать. Может быть, это новая разновидность такая — северные слоны. Нос у них длинный, хобот то есть, воздух по нему бежит, согревается, слон и не простужается... Как ягуары..

А сколько припасов на него можно нагрузить. Махнем на юг со слоном. И запасы будут, и библиотеку можно взять, буду сидеть на спине, рулить...

Слоненок протянул ко мне хобот, пощупал за плечо. Я попробовал вспомнить какую-нибудь сказку про слонов или книжку, но ничего не вспоминалось, только что-то про енотов. Как можно назвать слона? Слон? Это не так как-то...

— Дружок, — сказал я. — Дружок.

Слоненок махнул ушами. Вполне дружественно.

— Ну что, пойдём... Туда.

Я махнул рукой, и мы пошли. От ручья повернули. Слоненок следовал за мной спокойно, безо всяких капризов, это хорошо, что он сразу во мне признал старшинство.

— Я иду на юг, — рассказывал я. — Знаешь, что такое юг? Там всегда тепло. И растут бананы. Я вот бананов никогда не пробовал, ты, наверное, тоже. Но это ничего. Раньше люди на лошадях скакали, потом на машинах ездили. Но где-то и наверняка слонов использовали...

Давно я ни с кем не разговаривал, с собой не считается. Надо всегда разговаривать, чтобы не одичать. Раньше я с Волком разговаривал, сказки ему рассказывал, ну и просто о жизни. Теперь буду со Слоном. Здорово. И проблем меньше — не надо логово зорить.

Брели по лесу, настроение у меня начало постепенно улучшаться. И я даже стал думать, что слон — это мне указание и есть, но вдруг в совершенно неподходящем месте слоненок повернул направо. Так уверенно повернул, что я как-то тоже повернул за ним: а вдруг там все-таки грядки?

Грядок там не было. Не на грядки он наткнулся, а на сад. Яблони. Много, края этому саду не видно. Старые яблони уже перемерли, но от них отродились новые и злые, все другие деревья эти яблони сумели как-то уничтожить и теперь господствовали в окружающем пространстве. И яблочек на них висело невпроворот просто. И все красные. Вот она, кормовая база для целой слоновьей колонии. Мне, кстати, тоже можно было бы здесь продержаться, яблочек хватит. Я не слон, конечно, и не дикий, мне яблоками не пристало питаться. Но на крайний случай...

Я выбрал яблочко покраснее, сорвал, протер о рукав — я в книжках читал, что яблоки

принято обтирать о рукав для того, чтобы уничтожить вредных микробов, и с тех пор всегда так делал, откусил. Яблоко оказалось, в общем-то, сладким, но при этом еще каким-то горьким и твердым, как раз на слоновий вкус. Я доедать не стал, протянул слоненку. Он мягко взял его хоботом, сунул в пасть.

После яблока у него, видимо, аппетит разыгрался, слоненок принялся обрывать другие яблоки и ловко метать их на зубы. Он ел, а я стоял, смотрел. Много в слона влезло, ванна почти. Зимой его трудно содержать, наверное. Сено надо запасать, раньше для коров сено запасали, я читал...

И вдруг я увидел странное кое-что. В правом ухе у слоненка торчал сучок. Острый и вилочкообразный, он прокалывал ухо в двух местах, как старинная булавка. Эко...

Первая идея, которая у меня возникла, — другие.

Другие.

Другие — это одна из самых наших излюбленных легенд. Даже не легенда, а тема для беседы или, что еще лучше, для спора. Бывало, зимой возьмем сушеных снетков или вишен, устроимся возле печки поудобнее и рассуждаем: а может ли быть так, что после пандемии остались другие разумные люди? Ну, где-нибудь. Я обычно утверждал, что никаких разумных людей нигде нет, и быть не может. Если бы они были, то за все прошедшее с прибытия Алекса У время обязательно проявились бы. Хромой мне возражал и приводил доказательства, накопленные, опять же, со времен Алекса У. Доказательств было несколько.

Однажды, лет, наверное, семьдесят назад, кто-то из предшественников, то ли Козявка, то ли Лось, то ли еще даже Красный, первый после Алекса У, встретил кого-то. Вроде как человека. И этот человек даже что-то ему рассказывал, какие-то секреты, что именно, неизвестно, поскольку это было очень уж давно. Я говорил, что встретил он совсем не человека, а лешего, тогда еще водились в лесах настоящие лешие, которые бывают в сказках. Потом расплодилось диких, и они всех леших истребили, конечно. Хромой отвечал, что Красный был человек умный — и лешего от просто человека отличить мог. Так что какие-то другие, возможно, были. Но сейчас уже однозначно умерли.

Так что вот.

Машина еще. Однажды тот же Козявка, который очень любил походы в разные стороны и был вообще любознательным, так вот, однажды Козявка видел машину. Машин вокруг много, особенно в городах, но все эти машины были ржавыми и нехорошими, на машинах селился какой-то особый густо-зеленый едкий бурьян. Даже те машины, что стояли под крышей, даже эти и то умудрились как-то испортиться и обурьяниться. Но вот Козявка однажды шагал по лесу, путешествовал куда-то к морю и в своем этом путешествии наткнулся на дорогу. Не на дорогу даже, а на поваленные деревья. Но повалены они были не в беспорядочности, как от плавуна, и не в круг, как от смерча, а в одну сторону. Козявка взлюбопытствовал и решил выяснить, чем все это заканчивается. И пошел вдоль деревьев. И в конце обнаружил машину.

Совсем новая машина, и стояла она не дольше года — под ней не успела даже вырасти как следует трава. На машине не было совсем ржавчины, но тем не менее она была испорчена — вся ее корма была разворочена и наружу торчали какие-то провода и медные трубы. Козявка изучал машину почти два дня, однако ничего толком понять не мог и отправился дальше в свой поход, поскольку наступал сезон и где-то вдалеке уже поспевали длинные и очень вкусные дыни. Урожай.

Это была единственная рабочая машина, которую видели мы, люди. Якобы видели.

Следы. Наиболее загадочное явление. Следы встречались, и рассказов о них я слышал достаточно, так же как и о загадочных тенях, мелькавших вдалеке в предзакатные часы. Каждый из тех, кто жил после Алекса У, рассказывал о следах. Об отпечатках ног и отпечатках рук, Хромой любил меня поуготывать перед сном хорошей историей про следы. В других и в машину я не очень верил, подобной дряни придумать можно сколько угодно, компот, доказательств этому никаких. А вот следы...

Я сам однажды видел что-то похожее на след. Прямо в лесу. След ребристого тяжелого

ботинка. Вокруг был мох, а в одном месте желтела песчаная дыра. И там, на желтом-желтом песочке, отпечаток. Такой четкий, ровный. И никаких башмаков вокруг. Будто из неба свесилась длинная нога, прилепнулась и опять втянулась в облака.

Как объяснить следы, не знал ни я, ни Хромой, хотя у меня была такая идея — я предполагал, что это дело смерчей. Смерч мог поднимать в воздух тяжелые ботинки, заносить их на большую высоту и ронять вниз. И при подобном ронянии возникали отпечатки. Ну а эти кожаные ботинки могли вполне уносить лисы и потом с чавканьем пожирать их в своих глухих норах, ой-ой-ой...

Хромой возражал. Он говорил, что так мог возникнуть единичный след. Объяснить же цепочку следов нелегко. На это я не мог ничего возразить, я цепочки следов не встречал никогда.

И про следы, и про машины, и про других мы могли спорить долго, благо зимние вечера были длинны, а сальные свечи Хромой порой вдруг начинал ожесточенно экономить.

Другие волновали. И не только меня и Хромого, они всегда людей волновали, я это знаю. Я в нескольких книжках про них написанное встречал. Мы, люди, всегда ощущали присутствие кого-то... Или, наоборот, отсутствие кого-то. Это, видимо, какая-то наша человеческая ущербность. Я пробовал найти ответ в некоторых философских энциклопедиях, но дольше трех страниц ни одну прочитать не смог, не для моего ума, и слов уж совсем незнакомых много...

Помню я свою первую книжку. Даже не книжку, так, несколько страниц. Я тогда уже читать умел, но читал только то, что Хромой писал на стене. А потом он притащил обрывок книжки, кусок такой. Обломок.

Я читал его, наверное, полгода. Каждый вечер. Но запомнил только главные слова — они толстыми черными буквами были выделены, почти все запомнил. Некоторые из этих слов я потом определил, а некоторые так и остались просто словами, без какого-то особого смысла. Эбуллиоскопия, например. Что такое эбуллиоскопия, я не знаю. Но свое первое слово помню отлично.

И это тоже неплохо. Потому что мне будет о чем поговорить с людьми. Они прилетят, и я их спрошу, и они мне раскроют смысл слов, узнаю я про эбуллиоскопию. А если и они позабыли, то мы новый смысл придумаем. А других нет, в других я не верю. И явственных следов присутствия их я тоже не видел. Что-то странное я замечал иногда, но внимания на это особого не обращал, мне и так жить трудно. Но вот, когда я увидел вставленную в ухо слоненка аккуратную палочку, первым делом я подумал о них.

О других.

И тут же стала придумываться грандиозная картина в моей голове. Другие живут тайно, скрываются в лесах, а может, под землей в городах, а может, и под водой. И иногда выходят и создают стада послушных слонов, для каких-то своих подводных целей, может даже, это непростые слоны, а подводные, отличающиеся особой свирепостью...

Такая вот экзистенция. Такая вот экзотика.

Я по своей обычной привычке огляделся. Слон был один. Слоненок, вернее. И в ухе палочка.

Палочка могла и просто воткнуться. При определенных условиях она могла воткнуться даже и так сложно — в двух местах. Но, с другой стороны, ее могли воткнуть и другие...

То есть не другие, а...

Я осторожно поднял слоновье ухо. С обратной стороны палочка была воткнута тоже аккуратно. Хорошо бы получить еще одного слона и посмотреть: есть ли у него в ухе такая же палочка? Где его взять только...

Я осторожно стал осматривать животное, но больше ничего интересного обнаружить не удалось, слон как слон, обычный.

Слоненок тем временем наелся яблок и уставился на меня вопросительно, точно ждал, что я сейчас ему что-то прикажу. Я решил проверить.

— Сидеть, Дружок! — велел я.

Дружок только ушами пошевелил.

Я еще немножко ему поприказывал, но тоже все без видимого результата, ничего он не понимал. То ли диким был как дикие, то ли на других языках ему раньше приказывали. На эсперанто. Бесплезно, короче. Я дружески постучал его по лбу, слоненок потрогал меня хоботом, и мы отправились дальше, куда-то. На всякий случай я набрал с собой яблок, ну, чтобы этого приманивать.

Мы шагали через лес, и я просто рассказывал ему сказки. Я давно уже ничего никому не рассказывал, и мне было приятно это делать. Приятно сознавать, что твой голос не разносится просто так, неизвестно куда в эфир, а попадает в уши живого существа, пусть даже и не очень разумного. К тому же мне надо было определить, какая сказка нравится ему больше всего...

Вдруг я подумал, что может стоит начать дрессировать слона прямо сейчас? Пусть привыкает к моему голосу, пусть привыкает к тому, что я буду на нем ездить. Я остановился. Слоненок тоже остановился.

— Стой спокойно, — сказал я. — Спокойно, сейчас я попробую на тебя залезть. А ты не дергайся...

Слоненок замер. Я присел, напрягся и одним рывком запрыгнул. Спина у него была слишком широкая, и я сместился ближе к ушам и шее. Здесь сидеть оказалось удобнее, я чуть поерзал, ткнул пятками в толстую шкуру, и, к моему удивлению, слоненок послушно двинулся с места.

Шагал он мягко и быстро, сидеть у него на спине было удобно, мне нравилось. Нет, мне на самом деле нравилось, я даже стал думать, что мне давно уже стоило обзавестись слонем — удобнейшая вещь, экспансия разума. Наверное, если его подстегнуть, он и бежать сможет. Как лошадь. В свое время мы пытались приручить жеребенка, ничего почему-то не вышло, он удрал к своим. Жаль, что нам тогда не попался вместо жеребенка слон. Хорошая тварь, дружелюбная. Кстати, раньше кажется, они где-то использовались... В Японии, что ли. Японцы на них уголь возили.

Захотелось пить. Ручьев, озер и рек вокруг не наблюдалось, лес средней степени проходимости. Воды нет. Я достал яблочко, решил утолить жажду. Конечно, яблочко не очень, так, зуболомное, однако сочное. Съем, напьюсь, сделаюсь веселым. Надо бы нож достать, не люблю яблоко кусать, десны корябаются, лучше резать. Но до ножа далеко и несерьезно, пришлось кусать.

Яблоко брызнуло розовым, в глаз попало, зашипало, но пить сразу перехотелось.

Слоненок встал. Просто встал.

— Что такое? — спросил я.

Слоненок не двигался.

— Что?

Слоненок стоял. Я постучал пятками в шею и отбросил в сторону огрызок. Слоненок втянул воздух. Понятно.

— Яблочек хочешь? — спросил я.

Слоненок кивнул, не головой, а как бы всем телом сразу, от хвоста до кончика хобота.

Я достал из рюкзака яблоки, и слоненок сразу же потянулся хоботом, и я стал в этот хобот опускать яблоки по одному. И очень быстро яблоки кончились.

— Все, — сказал я.

Слоненок продолжал настаивать хоботом. Тогда я спрыгнул и зашел со стороны морды. Зверь настойчиво тянулся ко мне.

— Нету, — я пожал плечами. — Кончились. Такая вот эксгумация...

Слоненок полез хоботом в рюкзак, я не стал сопротивляться. Рюкзак был проверен тщательно, после чего слоненок уставился на меня с каким-то неодобрением. Я хотел успокаивающе потрепать его по загривку, однако слоненок с неожиданной ловкостью уклонился.

— Ты чего? — спросил я. — Да мы сейчас грибов найдем...

Слоненок насупился. Внезапно его добродушная морда перестроилась, круглая и веселая, она стала острой и злой и смазалась, и в следующую секунду он прыгнул ко мне, оттолкнувшись задними ногами и нагнув голову.

Он боднул меня хоботом. Если бы он боднул меня лбом, то, наверное, бы убил. А так...

Я успел расслабить шею, голова брякнулась о загривок, и я свалился. Надо было вскакивать и лезть на ближайшую березу, слоны, кажется, должны затаптывать своих врагов, но мой не стал, убежал просто.

А я лежал на спине. Размышлял. Я думал о том, что душа, как говорится в пословице, слона — потемки, слон — существо загадочное в высшей степени, гораздо более загадочное, чем волк.

А еще я думал, что мои мечтания относительно путешествия на юг на слоне не осуществились. И вообще, слон это хорошо, но волк лучше. Один настоящий волк лучше двух слонов, в этом я сегодня убедился.

Плюс одна еще мысль — о том, что, может, мне это все показалось? Хромой говорил, что в одиночку оставаться нельзя, люди всегда держатся вдвоем, поэтому они и не вымерли... В одиночестве может много чего померещиться...

Хорошо хоть слон не розовый.

Хотя вообще случай получился небывалый. Когда у меня будет Ягуар, я ему обязательно стану рассказывать про то, как я чуть не подружился со слоном. Про то, что он меня чуть не забодал по неизвестной причине, я рассказывать не буду, ни к чему это. Но вряд ли Ягуар мне поверит. Я бы сам не поверил.

Полежу немного и пойду. Опять куда-то туда.

Глава 10

Не смотрим вверх

Хитч проводил инструктаж. Ему полагается, он же старший. Мы слушали, нам положено слушать, мы подчиненные. Инструктаж, впрочем, Хитч проводил по-своему — лежа на койке, стуча изумрудом о зубы, в нужных, как ему казалось, местах рассказа, корча подобающие гримасы.

— Нас отправят в поисковую группу, — говорил он. — Я в этом почти на сто процентов уверен. Мы погрузимся в танк и поедем. Должен вам сказать, что дорог там...

Хитч тычет пальцем в пол.

— Дорог там почти не осталось. Поэтому лучшее средство передвижения — танк. Нам дадут задание — например, искать золото...

— Украшения? — тут же перебивает Бугер.

— Если бы я хотел сказать украшения, я бы сказал украшения. Золото. Золото — важнейший технический элемент. Серебро тоже. Главные запасы, конечно, уже вывезены, но много запасов рассредоточенных. И вполне может быть, нам придется их разыскивать. Нам выдадут карту с указанием нескольких пунктов, которые мы должны обследовать. И мы отправимся к этим пунктам. Через лес. В лесу мы тоже остановимся. А лес — это... Джи!

— Да?! — тут же ответил Джи.

— Джи, что такое лес? — строго спросил Хитч.

— Это когда много деревьев.

— Правильно. Лес — это когда много деревьев. А когда вокруг тебя много деревьев, легко заблудиться. Потому что все деревья похожи друг на друга. И вот если ты заблудился — что делать?

Мы прекрасно знали что делать — «Уставные Правила поведения во время рейда» читали все и не по одному разу. И Хитч это знал. Но инструктаж есть инструктаж.

— Если вы заблудились в лесу — ни в коем случае не отправляйтесь на поиски вашего танка. Оставайтесь на месте. В комбинезоны встроены маячки, сидите на месте — и вас подберут. Максимальное расстояние для маячка пятнадцать километров, вас найдут. В

прошлую экспедицию три человека пропали в лесу. Они либо заблудились, либо на них напали дикие животные. Это особая проблема — планета буквально кишит хищниками. Они расплодились после эпидемии, они опасны, они всегда голодны. Поэтому выходить без фризера запрещается. Заблудились — активируйте маячок и ждите помощи. В крайнем случае, в комплект комбинезона входят сигнальные ракеты, их можно запустить...

— А если нападут динозавры? — как всегда перебил Джи.

Хитч презрительно поморщился.

— Какие динозавры, дубина? — вздохнул он. — Надо мультиков меньше смотреть! Динозавры вымерли давным-давно...

Хитч принялся ругаться. Ругал нас и наших отцов, которые нас плохо учили, которые нас баловали и, вместо того чтобы вдалбливать в наши головы полезные знания, пичкали нас мультяшками.

Жаль, что нельзя его побить. Хитча. Я бы ему челюсть сломал. С большим удовольствием. Хотя, может, так и надо — пугать и ругаться. Рейд — не шутка, а планета по большей части представляет одну большую ловушку... Нет, по сравнению с Постоянной Экспедицией она просто курорт, я уже говорил, но она опасна по-своему. Взять те же асфальтовые болота. Страшная вещь. Отец рассказывал, как один его друг застрял в таком и медленно утонул. Так что лучше бояться. Болот, лесов, инопланетян, которые стоят за спиной со своими клювами. Кто боится, тот возвращается домой живым.

— А вообще, никуда нельзя уходить в одиночку, только по двое. Только по двое — и все тут. Заблудиться там нетрудно — что в лесу, что в поселениях. Многие блудятся. Не все погибают. Погибает тот, кто впадает в панику, погибает тот, кто перестает рассуждать здраво...

Я смотрю в потолок. Низкий. Привычный. Надежный.

— Еще деталь, — инструктаж продолжается. — Еще одна чрезвычайно важная деталь. Не стоит смотреть вверх. Наш вестибулярный аппарат не всегда адекватно реагирует на условия планеты, агорафобией страдают почти все. Так что лучше в небо не смотреть, результаты бывают плачевны — вплоть до кровоизлияний в мозг. Особенно не следует смотреть по ночам...

Ночью в небе Луна. Отец говорил, что если смотреть на Луну, даже недолго смотреть, то в голове начинает что-то развинчиваться, многие люди впадают в неконтролируемую ярость, убивают друг друга.

— ... Запрещается подниматься выше четвертого этажа. Это из-за тяги. Тяга — это когда ты глядишь вниз и тебе хочется прыгнуть. Совладать с собой очень трудно. Так что выше четвертого нельзя. Не, я сам однажды дошел до двадцатого, но я — это другое дело, у меня опыт...

Хитч надулся самодовольством.

— Те, кто идут в первый рейд, должны слушаться своих уже более опытных товарищей. Строгая дисциплина — залог успеха всего рейда. Ясно?

— Ясно, — дружно ответили мы.

— Теперь про воду. — Хитч облизнулся. — Вода — это тоже проблема... Планета просто переполнена водой, вы должны это знать и без меня. Там вода практически везде, куда ни помотришь. Вода под ногами, вода с неба падает, вода... Везде вода. Когда человек впервые видит столько воды, на него находит помрачение. Люди кидаются к первой попавшейся луже и начинают пить, пить, пить... Это чрезвычайно опасно! Организм человека не может принять слишком много воды сразу, может наступить водяное отравление. Я видел, что это такое — кишки изо рта лезут! А назад их очень и очень непросто засунуть! Я не говорю уже об инфекциях, в каждой луже полно вредоносных бактерий! Поэтому пить только ту воду, которую рекомендуют начальники.

Хитч сделал паузу, отдышался, затем продолжил это необходимое занудство:

— В первое время даже заходить в воду нельзя. При виде огромных водных запасов многие впадают в аффект. Они прыгают в воду, что, разумеется, заканчивается плачевно.

Захлебываются, тонут, калечатся. Потом, когда пройдет первичная адаптация, можно искупаться. Правда, хочу сказать, что ничего приятного в этом нет, ощущение, похожее на невесомость. Гораздо приятнее принять горячую ванну...

— Это как? — спросил Джи.

— Ванна — это такой железный сосуд... Да я же рассказывал уже, памяти у вас что, совсем нет? Ванна — это такое корыто, ну, вроде лотков на обогатительной фабрике. В лоток наливается вода, внизу располагается горелка, вода нагревается, и ты в эту воду забираешься. Рекомендую. Отличная вещь, чрезвычайно стимулирует. Только ноги торчат...

Интересно, как это — быть в воде? Целиком. Да еще и в горячей... Наверное, на самом деле это что-то выдающееся. Горячая вода, холодная вода, много воды... А на севере вода даже в виде снега, в виде льда, в виде сосулек. Я не мог представить себе сосульку. Или мороженое. Я видел в мультиках про мороженое, по-моему, мороженое — это прекрасно.

— Запрещается в темное время суток находиться вне танка. Там затруднена навигация...

Хитч снова достал из-за ворота изумруд. Наверное, специально. Изумруд красивый. Никогда не видел ничего такого цветного.

— И не забывайте оглядываться — это очень важно...

Кажется, в списке запрещенных вещей изумрудов нет. Найду себе такой. Только больше. Зачем не забывать оглядываться?

— Зачем оглядываться? — спросил Бугер.

— Я же тебе сто раз говорил — там могут быть Они. То есть злобнейшие инопланетяне с Альфы Центавра. Сначала они тебя, Бугер, захватят, потом начнут наспигивывать твои мозги своими спорами! Чтобы сделать из тебя настоящего зомби! А оглядываться надо потому, что инопланетяне... они всегда сзади подкрадываются. У них на Альфе Центавра совершенно другая скорость протекания событий. И реакция, значит, у них тоже другая, гораздо быстрее, чем у тебя. Они легко держатся за спиной, ты оглядываешься, а за спиной никого нет! А на самом деле он там, за спиной! Стоит! И протягивает к твоей шее свое гнилое жало... А-а-а!

Рывкнул вдруг Хитч. Ну, мы, конечно, вздрогнули, в таких случаях полагается вздрагивать. Да и неожиданно это было, честно говоря. Вздрогнули, а потом, конечно, оглянулись.

Глупо.

Хитч довольно расхохотался.

— Запомните, — сказал он, — запомните то, что я сказал. И не забывайте оглядываться. Оглядываться и еще раз оглядываться! Этого в уставе рейда, конечно, нет, официально планета чиста. Но неофициально... Короче, как человек опытный, я тебе, Бугер, советую оглядываться почаще. Чаше оглядываешься — дольше живешь — вот еще одно из главных правил! Теперь о посадке. Посадка — самое опасное во всем рейде...

Хитч устал ног в гладкий железный потолок и стал ползать по нему пальцами.

— При посадке очень много новичков гибнет. Потому вы должны запомнить — для того чтобы снизить риски при посадке, необходимо принимать наиболее эргономичную позу.

— И что это за поза? — поинтересовался Бугер.

— Ну как что? Поза известная, коленно-локтевая. Те, кто приземляется в подобной позе, меньше всего страдают от перегрузок — доказано многими рейдерами.

Старая шутка. Про посадку в коленно-локтевом положении. Мне про это еще отец рассказывал. Что так над новичками издеваются.

— Особенно рекомендуется в такой позе приземляться лицам высокого роста, — Хитч выразительно поглядел на Бугера.

— Что ты на меня смотришь? — спросил Бугер.

— Ничего.

Хитч зевнул.

— Ничего, друг мой Бугер, ничего. — Хитч потянулся, кости хрустнули.

Джи как бы невзначай перевернулся на живот.

— Когда посадка-то будет? — тоже как бы случайно спросил Бугер.

— Не знаю. Может, завтра, может, послезавтра. А может, мы уже сели. Может, мы уже на грунте.

Проговорился. Нет, этот Хитч определенно дурак. Хотел пошутить про тяжелую посадку и тут же брякнул, что мы, возможно, уже сели. Дурак.

А вообще переход прошел успешно, то есть никак. Мы его действительно не заметили. Ни тряски, ни авралов. О том, что корабль пришел на орбиту планеты, нам сообщили по интеркому. Если посадка будет такая же, то рейд меня начнет разочаровывать. Где же трудности? Где же опасности?

Прибытие ознаменовалось тремя редисками и сиропом глюкозы. Вкусно. Редиска с сиропом — вкусно, съели ее вчера.

Я хотел увидеть планету сверху, рассказывали, что она из космоса синяя, что она слепит даже гораздо сильнее солнца, но ничего я не увидел. Поглядеть на планету нам не разрешили, в рубку не пригласили и вообще информации было мало. Почему-то.

Отец мне рассказывал, что на орбите корабль обычно проводит несколько планетарных суток. Проверяются все системы, потом они проверяются еще раз. В атмосферу сбрасываются метеорологические зонды, производится орбитальная съемка, ну, много процедур. Бывали, кстати, случаи, когда корабль с орбиты отправлялся домой, так и не совершив посадку. Но это редко.

Поэтому время на орбите — самое волнительное. Ждем. Если отправимся домой, нам никто ничего не скажет, так всегда делается, чтобы не вызывать лишних волнений. Будем сидеть в кубрике, потом двери откроются, и нам объявят — добро пожаловать домой. И тогда неизвестно, сколько следующего рейда ждать...

Посадку, впрочем, мы тоже не заметим, зря Хитч про коленопреклоненную позу врет: те времена, когда при старте и посадке лопались глаза и разрывалась селезенка, давно уже прошли. Сейчас корабль оборудован специальной магнито-гравитационной подушкой, он не падает в атмосферу в неуправляемом состоянии, а медленно, километр за километром опускается вниз. Так что даже обшивка не успевает раскалиться. На мягкую посадку уходят килограммы гелия, однако такой режим позволяет приземляться совершенно безопасно. Это после того как «Гея» разбилась, на всех кораблях стали монтировать гравитационные подушки.

И будет все то же самое — дверь откроется, и нам скажут: «Добро пожаловать на планету...»

— Да, — повторил Хитч, — может быть, мы уже сели.

— Как это сели? — спросил Бугер. — Ты же говорил, что при посадке случаются страшные перегрузки?

— Конечно, случаются, — попытался продолжить врать Хитч. — Но не каждый раз. Иногда все проходит благополучно, тут все зависит от пилота. В прошлый рейд так трясло, что я чуть язык себе не откусил. Такие пилоты были, не очень...

Это он в мою сторону гайку кидает. Все последние рейды пилотом мой отец ходил. Он отличный пилот, это все знают, а Хитч просто свинья, дразнит меня.

— Так что жди, — заключил Хитч. — Жди и дождешься. А как почувствуешь что-то, так сразу в нужную позицию, чтобы позвоночник не сломался.

Хитч понял, что заврался он здорово, поэтому безо всякого перехода принялся сразу врать в другую сторону, про что-то там замысловатое, что-то про пространство, которое искривляется рядом с большими массами, например рядом с планетой. Планета — она достаточно тяжелая планета, и пространство вокруг очень искривлено. И время тоже. Вы сами это заметите, оно там... Ну, то тянется, то бежит, одним словом. То ничего не происходит, а потом вдруг ни с того ни с сего как посыплется... Непонятно. Планета не в нашем немного восприятии. Так, да... А поскольку и пространство, и время там искривлены, там вполне могут случаться непредсказуемые вещи — пропадать предметы, являться

призраки, ну, опять за свое, короче...

— Как на станции «Сол»? — брякнул Бугер.

И сразу стало так тихо-тихо.

Нет, этот Бугер явно с приветом. Как его только в рейд взяли? Надо ведь людей не только на физическое здоровье проверять, надо и в голову им заглядывать. Есть же методы, которые позволяют определять вменяемость...

— Что ты сказал? — Хитч медленно и зловеще повернулся к Бугеру.

— Я... Я сказал, что это...

Бугер замялся, понял, что сболтнул лишнее. Совсем лишнее. Про станцию «Сол» говорить не то что запрещено официально, нет... Но считается, что даже простое упоминание про станцию «Сол» может накликать беду, ни к чему хорошему не приводит такое упоминание.

Станция «Сол» висела между Солнцем и Меркурием. Это была научная лаборатория, она испытывала новые системы перемещения, ну и еще чего-то, я точно не знаю. Ее специально так близко от Солнца держали, чтобы в случае чего сбросить прямо в хромосферу. Все было вроде бы нормально, даже после того, как началась эпидемия. С Меркурия отправили туда небольшой, вроде «Геи», разведывательный корабль, корабль вернулся обратно, но...

Детали этого возвращения были неизвестны, ходили слухи, что изнутри этот корабль был весь покрыт страшными письменами, что над главным пультом было написано некое предупреждение — чтобы никто никогда не пытался связаться со станцией «Сол». Говорили, что ученые на этой станции сошли с ума от близости звезды и перестали быть людьми, что они вместо того, чтобы заниматься научными экспериментами, пустились заниматься колдовством и вызвали каких-то демонов...

Много чего говорили. Говорили-говорили, и в конце концов все вдруг как-то испугались, поскольку со всеми, кто слишком уж много болтал про станцию «Сол», стали происходить неприятные вещи. Все больше какие-то болезни, серьезные, тяжелые, с кровью, так что постепенно история эта обросла пугающе фантастическими подробностями, и вспоминать лишний раз про нее никому уже и не хотелось.

Считалось, что несчастье притягивается.

И уж тем более воспрещалось вспоминать про «Сол» во время рейда.

— Ты что, совсем кретин? — спросил Хитч.

Ну и, не дожидаясь ответа, одарил Бугера в челюсть.

Бугер хоть и здоровый парень, большой и всякими запрещенными штуками любит интересоваться, но при этом он еще и какой-то трусоватый. Сопротивляться не стал. Впрочем, сам Хитч тоже не стал усердствовать с избиением, влупил еще пару затрещин, потом сказал:

— Если еще кто-нибудь вспомнит...

Хитч продемонстрировал начальственный кулак.

А станция «Сол», она до сих пор там висит. Но связи, конечно, с ней нет. И никто не осмеливается туда отправиться. Все боятся. Будто нет ее, этой станции «Сол».

А она есть.

Есть.

Бугер лег на свою койку, Хитч, на свою, Джи просвистел что-то из непонятного, и мы продолжили ждать.

И ждали трое планетарных суток. Не в коленно-локтевом положении, а так, по-нормальному. Валялись на койках, болтали, резались в кости. Хитч достал свою книжку и снова принялся в ней что-то чирикать карандашом, что не показывал, мне казалось, что это какие-то записки.

Бугер опять удивил — показал нам разноцветные мелки — вещь чрезвычайно ценную. И еще больше удивил, когда стал этими мелками на стене рисовать.

Он рисовал пальмы, солнце, кораблики на горизонте и море, скорее всего, это он видел

в каком-нибудь мультфильме или в книжке, в книжках встречались такие картинки. Из моря выскакивали то ли рыбы, то ли дельфины, а в самом краю картины из волн выставял щупальца большущий осьминог. А на другом краю человечек идет по пляжу. Маленький-маленький. Далеко-далеко. Картина была красивая. Правда, Хитч принялся бубнить, что по уставу не полагается портить стены никакими украшениями, однако я и Джи заметили, что картина совсем не портит стену, а, напротив, ее украшает. И что если она уж настолько противоуставна, ее можно будет стереть перед прибытием домой. Хитч согласился, и картина осталась жить. А на Бугера сошло вдохновение — он взялся разрисовывать весь кубрик, и на стенах появлялись синие горы, собаки, ушастые мыши, самолеты и воздушные шары.

Хитч махнул рукой на эти художества.

Ждать было, в общем-то, тяжело, на третий день мы стали придумывать, чем себя занять дальше. Хитч опять предлагал сыграть в кости, но не на что-то конкретно, а на будущее желание. Когда мы спустимся вниз, у нас будет свободное время. И в это свободное время проигравший должен будет выполнить желание выигравшего. Мы отказывались, поскольку подозрительная удачливость Хитча в кости внушала сомнения.

Джи предлагал показать нам особые приемы, с помощью которых человека можно ввести в состояние длительного транса. Джи говорил, что это совершенно безопасно, а транс позволит нам скоротать период ожидания, на транс мы не решились.

Бугер же ничего не предлагал.

А потом дверь вдруг просто открылась, и показался один из пилотов. Не мой отец.

— На грунте, — сказал он.

— Когда выходим? — тут же спросил Хитч.

— Через два часа. И не забудьте — время планетарное.

И исчез сразу.

— Подъем! — заорал Хитч. — Подъем, тестируем комбинезоны! Пять минут!

Мы управились за три.

Хитч в который раз проверял комбинезоны, вертел нас и так и сяк, подкручивал клапаны, проверял гидравлику экзоскелетов. Остался доволен.

— Сила тяжести здесь по сравнению с нашей — огромная, — бубнил он и так известное. — Без скелетов даже ходить не сможете. Даже лежать не сможете...

Экзоскелет — это специальное устройство для рейда. Монтируется на комбинезон. Система гидравлических демпферов, продольных амортизационных штанг, система сервомоторов для форсирования мышечного усилия, одним словом, произведение технического искусства, чудо.

Через пять минут мы были готовы, обряжены в чудо.

Снова появился пилот, осмотрел, потрогал, после чего мы начали длительное путешествие по недрам корабля. Сначала я следил за всеми этими поворотами, подъемами и галереями, потом бросил, железных коридоров в своей жизни я видел тысячи километров. Вся моя жизнь — сплошные железные коридоры, сварные швы, заклепки, гайки и болты. Я думал про другое. Что сейчас, скоро, буквально вот-вот, начнется другое, совсем непохожее, удивительное и прекрасное время.

Глава 11 Сухая гроза

Нашел я логово. Еще вчера. Пять дней выслеживал, волчица попалась хитрая. Волчицы, когда со щенятами, они всегда в три раза хитрей.

Баба хитрая, а мужик ее дурак, он во всем и виноват. За лето отожрался на кабарге, толстый, ленивый и наглый стал, а морда такая тяжелая и круглая, проснется, зарежет кого, оттащит к норе, а потом валяется кверху пузом. А раньше волки были совсем другие. Вот я читал: раньше такое зверье было эти волки, охотились на лосей, на оленей, такие худые,

хищные.

А сейчас...

Увальни. Добычи кругом множество, одной кабарги — аж в глазах рябит, ну, если место, конечно, знать. Плюнь — попадешь в оленя. Вот раньше, кстати, я тоже читал, кабарга тут не водилась. А сейчас полно. Никакой тайги нет, а кабарги полно...

Да что там, если у нас уж лигры стали водиться, то про кабаргу и говорить нечего, все перемешалось. Да и волки осенью щенят иметь ну никак не должны, а, пожалуйста, плевали эти волки на осень.

А этот волчара... Нет, таких волков не должно быть вовсе, он какой-то сказочный. Лежит в травке, зубами на поздних вялых стрекоз чавкает, толстый, жирный, смешной. Хотя это и хорошо, может. У меня все Волки раньше были серьезные, правильные, если щенки в папу пойдут, будет хорошо. Конечно, охоты от такого Волка никакой, зато друг. Смешной, толстый, веселый.

Лучше всякого слона.

Так вот, этот волк задерет с утра оленя, пожует немножко и давай валяться, эпидермисом сверкать. А как солнышко начнет припекать уже по-хорошему, так тащит он добычу к логову. И не оглянется ведь даже, не то что следы запутать или воздух послушать...

Лопух.

Как его пантеры еще не зажрали?

Я его легко выследил. Придавил он свою ежеутреннюю косулю, даже резать ее по-настоящему не стал, залег в черничнике возле полянки и давай ягодки срывать. Лениво так возьмет зубами куст, затем тянет, возьмет — тянет. Так где-то до полудня и провалялся. Столько черники сожрал, что пузо даже надулось и почерничнело. А я сидел на дубе, всю ночь сидел, все отдал, что можно только было, наблюдал за этим ягодником.

Волк поднялся, лениво подошел к дереву, задрал лапу. Я чуть не рассмеялся — этот болван действовал так, будто специально собирался мне облегчить задачу. Нет, все обмельчало. Не стало людей — и волки стали дурацкими. Раньше люди на них охотились, всячески их травили, и волки были злые и смышленные... А сейчас.

Даже неинтересно.

Я увидел все, что надо. Обожравшись ягодами, пометив территорию, волчара почесал бок, выкусил из лапы блоху и лениво потащил кабаргу к своим.

Я за ним. Конечно не сразу, минут двадцать для порядку выждал. Затем спустился с дерева, подошел к лежке. За полдня волчара вылежал в черничнике изрядную вмятину, я усмехнулся и опустился прямо в нее. Полежал немного на спине, затем на животе, затем повалился кругом, налегал на траву посильнее, чтобы хорошенько пропитаться волчьим запахом. Собрал сухого мха там, где волк вычесал из шкуры несколько репьев с клоком шерсти, спрятал в карман куртки.

Место, где волк задрал лапу, я тоже запомнил. Пришлось повалиться и в волчьей моче. Ну, совершенно на всякий случай. Конечно, если нормальный, вменяемый волк будет принюхиваться хорошенько и с близкого расстояния, он меня почует. Но я надеялся, что вплотную меня вынюхивать не станут.

Подготовившись таким образом, я отправился за Волком. И за этим волком. Это было легко, мне даже по следу толком идти не пришлось, этот лопух в пасти кабаргу тащить не стал, волочил за ногу прямо по траве.

Шагал я не спеша, стараясь вглядываться в лес поглубже, ну, чтобы обнаружить логово заранее, а не вылететь на него вдруг. Я могу по лесу вполне бесшумно продвигаться, конечно, не так бесшумно, как дикие, но все же. Далеко идти не пришлось — я увидел старую высохшую сосну, наклоненную в сторону. Логово было там. Скорее всего. Волки — предсказуемые животные. Если есть полувывороченная древесина, обязательно выроют нору под ее корнями. Или откос после высохшего давно ручья, глина с берега осыпается, а они уже лезут, шевелят лапами, заразы косматые. Лучше волков только дикие роют, эти вообще

как кроты какие-то.

Дальше продвигался осторожно и не торопясь, приготовив на всякий случай огнестрел, приготовив арбалет.

Мне повезло — поломанная сосна стояла на берегу маленького озера с пологими берегами — идеальное местечко подобрали. Почва подходящая, глина и песок, копать удобно. Вода под боком. В воде наверняка полно лягушек — щенки могут охотничать... Я бы сам в таком месте жить стал. Хотя нет, не стал бы, тут летом наверняка комаров тучи, волкам комары хоть бы что, а меня беспокоить будут...

На другом от логова берегу как раз росли подходящие для меня елки — старые, толстые, ветвистые, я осторожно взобрался на самую разлапистую и стал наблюдать. С волками лучше всего так разбираться, с дерева.

Воняло. Через весь этот заболоченный водоем, сидя на дереве, я слышал, как воняет. Волки обожают вонь. Для них вонь — это просто как для меня шоколадки. Они даже кости рядом с логовом специально раскидывают, чтобы аромат гуще шел. Больше волков вонь любят только дикие, но у диких вонь другая, тяжелая, кусучая, если выбирать между этими двумя воньяниями, я бы, наверное, выбрал волчье.

Волк приволок кабаргу к норе, бросил и зевнул громко, и тут же из-под земли выскочила волчица. Она была меньше, низенькая, узкомордая, с болтающимися розовыми сосцами, но сразу было видно, что волчица гораздо опаснее. Гораздо.

Волк снова громко зевнул. Волчица обнюхала муженька, обнюхала кабаргу, землю, вообще весь мир понюхала, даже небо понюхала и как рывкнет на своего! Он хвост поджал, отпрыгнул. Из норы выкатились щенки. Пять штук. Все почему-то рыжие. Предыдущие наши Волки были серые, а эти рыжие, а может, это так из-за желтой листвы окрестной казалось. Ну, да мне какая разница — серый, рыжий, мне одно и то же...

Волчица цыкнула на своего еще разок, и он вообще отодвинулся подальше, хотя, судя по игривой морде, изначально намеревался повозиться со своими детками. Хозяйка подошла к кабарге, понюхала, затем в два чвачка распорол добыче брюхо. Тут же к ней подбежали щенята, принялись хватать мясо и тянуть кишки.

Это хорошо. Ну, что уже мясо жрут. Если были бы молочники, то пришлось бы все это дело бросать, а мясо жрут — значит, можно. Все вообще получалось удачно — и место, и волки подходящие. Конечно, меня несколько смущала волчица, от нее ожидай сюрпризов... Но отступить я не собирался.

Я наблюдал за волками часа четыре, и они все, больше и больше мне нравились. Настоящая семья. Даже у волков есть семья, даже у волков все как у людей, у одного меня все ненормально. Один я один. И люди не летят...

Я поглядел в небо. Небо было по-осеннему синим, все как полагается. И ничего в этом небе не шевелилось, даже птицы и те куда-то подевались. Осень, уток должно много быть, а нет их.

Щенки тем временем все-таки принялись баловаться со своим папкой, они делали вид, что нападают на него, а он делал вид, что в ярости отбивается. Рычал, скалил зубы, бил их лапой.

Смешно.

А мамаша все занималась кабаргой, поест немного — отдохнет, поест — отдохнет, понятно оно, щенки, наверное, ее еще сосут, вон какая тощая.

Ну, мне надоело на это смотреть, все было ясно, за Волком я отправлюсь завтра. Так я решил, спустился с дерева и потихонечку удалился, звери меня так и не почувствовали.

Остаток дня я провел по примеру своего нового знакомого — в черничнике. Черничник в этом году получился удачный, ягод много, крупные, сочные и сладкие, чернику полезно есть, на желудок она благотворно воздействует и на зрение — кто много ест черники, хорошо видит в темноте. Может, кстати, поэтому волк ее с таким удовольствием ел? Чтобы в темноте видеть?

Остановился я, только когда в животе забулькало. Устраиваться с толком на ночь не

стал, поленился, забрался на дерево и преспокойно проспал в развилке. Я могу, кстати, и не в развилке спать, а просто на ветке, ухвачусь покрепче и сплю, как летучая мышь — держусь руками, даже ремнем иногда не пристегиваюсь. Но в развилке все-таки надежнее.

Хорошо так я поспал, солнце уже выше леса забралось, наверное, часов девять было по человеческому. Как раз время подходящее. Я спрыгнул вниз, определился с направлением и стал орать. Громко, как только мог, аж горло заболело. Прооравшись как следует, я не спеша двинулся в сторону логова. По пути я свистел, гоготал, стучал палкой по деревьям, бумкал ложкой о железную кружку и вообще производил как можно больше шума. Это было обязательным условием. Волки стайные твари, и храбрость их тоже стайное качество, устраивать битву на норе они не станут. Сейчас, когда я приближаюсь к логову, волчица уже перетаскивает своих детишек подальше, у нее наверняка приготовлена запасная лежка, нора, ну, или что-то. У такой должно быть запасено.

Я орал. Надо было гнать волну. Вообще, когда мы с Хромым за прошлым Волком ходили, он все время из огнестрела палил. Это эффективнее. Но у меня с патронами трудности, поэтому приходилось шуметь так, вручную. Вообще главное — попасть в нужный промежуток времени, чтобы волчица успела утащить половину помета, но не всех еще. Но это уже как повезет.

Вышел к пруду. Все тихо. Медленно двинул вокруг. Зверей не видно. Так оно и должно быть: мамка таскает щенят, волк охраняет новое логово, все правильно. Главное, чтобы всех не успела перетаскать, колючка.

Я приблизился к норе. Возле нее воняло еще сильнее, так воняло, что не дышалось, вонь такой густоты, что между волосами застревала, все время хотелось потрясти головой.

Нора широкая — хорошо. Можно легко пролезть. Надеюсь только, что лезть не придется, это опасно — заберешься внутрь, а эти снаружи тебя за пятки. Вообще выщучивать щенят из земли просто. Надо прыгать над норой, с потолка будет осыпаться песок, щенки испугаются и полезут наружу, тут их и надо хватать. Для этого у меня тоже все припасено, сплетенная сетка, лукошко, в сетку запутаю, в лукошко положу, я человек опытный.

Заглянул внутрь. Темно, ничего не видно.

— Начнем, — сказал я.

Хромой тогда тоже сказал «начнем», кстати.

Я определил примерно, куда должна была под землей протягиваться нора, взобрался на холмик у сосны и стал прыгать. Сильно, стараясь, чтобы там, под ногами, стало страшно.

Прыгал минут пять, но волчата не показались. Плохо. Придется ползти. Можно попробовать прокопаться сверху, но лопаты у меня нет.

Я вернулся к входу. Лезть под землю не хотелось, но по-другому нельзя, видимо, только эксгумация. Я шагнул к норе. И тут же из нее показался волк. Бирюк. Тот самый. Толстый дурень. Странно. Ненормально. Он должен был сторожить волчат в запасном логове... Он сторожит, хозяйка таскает, так всегда было, всегда, и никаких проблем...

Но в этот раз почему-то все поменялось. Может, из-за того, что волки тоже ненормальные сделались...

Волк тут же кинулся на меня. И я кинулся на него, мозг не успел сработать, я просто прыгнул на волка и закричал. Так страшно, как только мог. Волк на мгновение потерялся, этого мне хватило, чтобы подлететь к ближайшей сосне, подтянуться и залезть на ветку.

Волк подбежал.

— Вон пошел! — крикнул я. — Вон!

Волк не уходил.

Я плюнул в него, не знаю с чего, так — вдруг убежит? Не убежал.

Из норы послышался писк. Волк рывкнул. Грозно. Ну, он так думал, что грозно, щенки привыкли к серьезной мамке, на рычание своего родителя они плевали.

То есть плевал. Из норы появился один.

Волк рыкнул на него снова, щенок прижался к земле, но с места не двинулся. Волк

прыгнул, попытался цапнуть меня за ногу. Не достал. Оно и понятно, черники надо меньше с утра жрать...

— Уходи! — крикнул я. — Пошел!

Нет, этот не уйдет. Толстый, но упрямый. Жаль.

Я достал кресало, высек огонь, подпалил еловую лапу, швырнул в волка. Тот вильнул в сторону. Хотел еще поджечь пару лап, однако вовремя передумал — дерево, на котором я сидел, тоже могло успешно загореться, и я бы поджарил сам себя. Ну, или бы мне пришлось прыгать в объятия этого негостеприимного хищника.

А волк взбесился будто. Прыгал, пытался цапнуть дерево зубами, безумствовал, одним словом. Нет, определенно дурак. Толстый глупый дурак. Он меня просто вынудил. Что оставалось делать? Я достал из-за спины огнестрел.

— Может, уйдешь все-таки? — спросил я на всякий случай.

Волк уходить не собирался. Вместо этого он опять скакнул. Видимо, скопил ярости побольше. Взлетел высоко и пасть тоже раскрыл широко. В нее, эту пасть, я и выстрелил.

Жаль.

Конечно, если бы я попал дробью в бок, это волку особо не повредило бы. Эффект же попадания в пасть был разрушительный. Из волчьих ушей вылетели красные ошметки, зверь мешком хлюпнулся на землю и больше не пошевелился. Я быстро соскочил вниз.

Надо спешить, волчица вот-вот должна показаться, вряд ли запасное логово далеко... Я достал из рюкзака лукошко. Плел весь вечер. Лукошко с крышкой, специальное такое. Перешагнул через волка, опустился на коленки перед щенком. Он как стоял, так и продолжал стоять, хвостом вертел только. Совсем еще маленький, ничего не понимает, это хорошо. Теперь его отцом и его мамкой буду я. Ха-ха.

— Иди сюда, — сказал я как можно ласковее.

Надо быть ласковым, особенно поначалу, волк должен чувствовать добро.

Я протянул к нему руку, он шарахнулся в сторону. От руки пахло порохом, дурной запах.

— Пойдем со мной, Волк, — сказал я.

Щенок пошевелил ушами, заскулил и посмотрел за мое плечо.

И я понял. Перехватил огнестрел поплотнее и медленно, очень медленно обернулся. Волчица стояла рядом. Шагов пять, не больше. Подкралась, значит.

Ствол был направлен прямо ей в лоб. Я мог выстрелить. Легко. Потому что если она двинется, шансов у меня не останется.

Наверное, она это тоже поняла. Маленькая, злобная волчица. У которой я разорил гнездо. Разрушил семью.

Волчица смотрела на меня, ее зрачки играли, то сужаясь в точки, то расправляясь в черные кругляки, хвост прижимался к земле, уши лежали на спине, она решала — нападать или уйти. И мне почему-то казалось, что она все-таки прыгнет.

Надо стрелять. Надо стрелять сейчас, поскольку, когда она прыгнет, выстрелить я уже не успею. Палец мой прилип к спусковому крючку, я ждал. Решил про себя, что досчитаю до пяти. Если до пяти она не убежит, я пальну.

Раз.

Волчица смотрела, не моргая, прямо мне в глаза, я считал. Почему-то заболел правый глаз, попало что-то, сучок...

У нее дергался нос. Два. Он у нее просто плясал, сам по себе, не подчиняясь сигналам волчьего сознания.

Три. У волчицы дернулась задняя лапа. Надо стрелять, на пять она точно прыгнет...

Земля дрогнула. Даже не дрогнула, подпрыгнула, пнула меня в ноги, и в небе грохнуло. Громко и мощно, по верхушкам деревьев пронесся удар, посыпались желтые листья. Гроза. Странно, небо вроде чистое... Хотя грозы случаются и при чистом небе, сухая гроза, я говорил. Но этот гром был уж очень могучим...

Так или иначе, гроза оказалась кстати — волчица шагнула вперед и тут же присела,

прижала уши еще сильнее к голове, затем развернулась и ушла в кусты.

Я остался один. То есть с Волком. С Волком. А волчица поспешила к остальным своим щенкам. Она была умная, она взвесила все, поняла — если сейчас я ее застрелю, то ее щенки останутся одни и наверняка погибнут, поняла и выбрала меньшее зло.

Меня.

Щенок попробовал было двинуться за мамкой, но я быстро накинул на него сетку, Волк дернулся, запутался и упал, я подтащил его и переправил в лукошко.

Все. Теперь у меня есть Волк.

Я поднялся на ноги, огляделся. Было тихо.

Вряд ли волчица станет меня преследовать. Волки злопамятные животные, но теперь у нее много забот. Кормильца нет, надо сторожить щенят. Вряд ли она пойдет за мной.

Я пойду на юг. У меня нет дома, а значит, зимовать мне придется в шалаше либо искать жилище в городе. Наловлю рыбы, завялю. Продержимся. Теперь я не один, теперь у меня есть Волк.

— Домой, — сказал я весело и громко и пошагал в сторону солнца.

Мне хотелось убраться подальше. Я не хотел убивать того глупого волка, совершенно не хотел. Но и жалко его не было совершенно. Он бы убил меня и совсем бы об этом не пожалел. Я вообще не жалею. В книжках я много читал о жалости, о всяком милосердии, ну и о тому подобных чувствах, но никогда их не испытывал. Вот я сейчас убил волка и чувствовал себя вполне спокойно. А до этого я убивал многих. Пантер, кабанов, оленей, рыбу, диких и никогда ничего не чувствовал, в смысле жалости. Просто мне никогда не нравилось находиться в тех местах, где я кого-то убивал. Почему-то.

Примерно через два часа я остановился посмотреть, как там дела у Волка. Волк спал. Свернувшись калачиком в лукошке. Отлично. Можно немного отдохнуть. Привалился к дереву, достал из рюкзака пластиковую баклажку с черникой, надо было подкрепить силы.

Черника чуть-чуть подвяла, но, как мне показалась, стала от этого только слаще. Я стал есть, разглядывать ботинки, грязные. Ничего, найдем с Волком дом с печкой, я ее топить стану и жить рядом, и чистить ботинки в свободное время. Читать еще.

Это делает человека человеком, читать и писать. Читать у меня получалось лучше, чем писать. Буквы складывались в слова легко и быстро, а потом Хромой открыл мне секрет быстрого чтения, этот секрет восходил к самому Алексу У, а потом передавался от одного к другому. Я научился не прочитывать слова, а узнавать их, минуя буквы, и после этого я стал читать гораздо быстрее. Не так быстро, как Хромой, но все-таки.

Каждый день я читал два часа. Это для того, чтобы знать, как выглядел мир раньше, для того, чтобы знать, как назывались разные вещи. Для того, чтобы правильно, по-человечески думать. Это самое сложное, все равно часто сбиваюсь на свое думанье, но надо все-таки стараться, надо думать — как в книжках.

Потому что люди на Меркурии могут позабыть, как тут все было устроено, у них своих забот там хватает. А ты им расскажешь. И покажешь. И научишь, если надо, и жить, и думать. Так говорил Хромой.

Я был хорошим читателем.

А писать вот не очень получалось. Терпения не хватало. К тому же я не очень хорошо понимал: зачем мне нужно уметь писать? Кому я буду что писать? Если я напишу, кто прочитает? Ну, пусть Ягуар. А что я ему такое напишу, что не смогу просто рассказать?

Трудно заниматься тем, смысл чего не понимаешь.

К тому же оказалось, что мне гораздо интереснее рисовать, чем писать. Я рисовал человечков, состоящих из простых черточек и кружочков, рисовал Волка, пробовал рисовать Хромого, но он не получался, просто вместо человечка из палочек и кружочков получался человечек из кривых палочек и овала.

Иногда я так увлекался, что начинал даже рисовать на полях книг и в конце, на чистых страницах. Хромой меня за это не ругал, все равно мы не могли собрать никакую библиотеку. Потому что это бессмысленно — жизнь наша была слишком неустойчива, мы в

любую минуту готовы сорваться с места и уйти, а с собой библиотеку ведь не потащишь? Все, что тебе нужно для жизни, должно умещаться в рюкзаке за твоей спиной.

Я рисовал на полях книг. А еще я рисовал на стенах. Углем. В нашей печке в доме получался отличный уголь, я выходил на улицу и разрисовывал гладкую стену своего дома. Особенно хорошо рисовать осенью, рисунки смывались дождем, и на следующий день можно было рисовать заново.

Давно я вообще-то не рисовал... Даже своих человечков позабыл на деревьях вырезать, а всегда ведь...

Через меня перескочила кабарга.

Я съезжился, но не удивился, я уже говорил, кабарги много, вот она и скачет. Ложку я уронил. Поднял, долго вытирал о куртку. Зачерпнул чернику...

Еще кабарга. Черника рассыпалась, что такое-то...

Я оглянулся. И тут же обратно свалился. На меня летела целая туча кабарги. Двести, может больше. Животина, конечно, мелкая, но копытца у нее остренькие, а с разбега может так в лоб влупить, мозги выскочат. А когда ее еще много...

Я вжался в мох. Надо мной пролетел стремительный мускусный вихрь, животные были в пене, и вообще мне показалось, что перепуганы до одурения.

Кабарга пронеслась и исчезла. Черника моя рассыпалась, выбирать ее из мха совершенно не хотелось. Я поднялся. И тут же упал обратно — из-за деревьев вывалился медведь. Как дом такой, черный, морда дикая, тоже вся в пене. Остановился на секунду, затем рванул вправо. Меня не тронул. Увидел, но не тронул. Бешеный, что ли? Хотя бешеные не могут бегать направо, бешеные только прямо, как по рельсам, рельсы — такая гадость... Как-то раз мы вышли на рельсы, и Хромой сказал, что если приложить ухо, то можно услышать звук давно проходивших поездов. Эхо называется. Я сдуру приложил ухо к рельсе и услышал — гул. Поезда на самом деле гудели. Потом я долго не мог понять — это на самом деле поезда или рельсы трясутся от перегрева? А еще после этого у меня пошла по уху какая-то сыпь и я не мог избавиться от нее до самой зимы, так что одно ухо у меня было примерно в два раза больше. Экзема. А когда настала зима, я излечился от этой ушной экземы с помощью замороженных серебряных монет. Больше меня до рельсы дотронуться никто не заставит. При чем тут вообще рельсы...

Еще один медведь!

Этот не повернул. Несся прямо на меня. Я бессмысленно выхватил огнестрел, но и этот медведь на меня тоже внимания не обратил. Он был слишком испуган. Перелетел через, понесся прочь, дрыгая отъевшейся задницей. Один испуганный медведь — это нормально, медведи в глубине души своей дристуны и бояки, но чтобы сразу два медведя были испуганы...

Я подумал, что мне тоже нечего особо расслаиваться под деревом, надо уходить. С пустого места звери так не бегают. Я нацепил рюкзак поудобнее и...

Навстречу бежали. Даже не навстречу, а почти уже со всех сторон. Олени по большей части. Не мелкая сопливая кабарга, а настоящие олени. Еще пара лосей, разная мелочь, я не успевал даже их разглядывать. Куча глупых перепуганных зверей. Такое бывает только в случае лесного пожара. Гроза была, в небе что-то ведь громыхало, однако дыма вроде не видно, непонятно, отчего это все зверье так испугалось...

Землетрясение, что ли?

Или еще что. Цунами. Я читал, что раньше случались такие стихийные бедствия, как раз после землетрясений, и животные от них убегали всем дружным стадом...

Я прикинул, что от цунами я все равно вряд ли удеру, я не олень. В крайнем случае, если приключится цунами, залезу на сосну, пересажу там. Поэтому я преспокойно направился навстречу этому потенциальному стихийному бедствию.

Шагал, насвистывал. Ну, вроде как насвистывал, на самом деле я не могу ничего насвистывать, впрочем, на планете никто не может насвистывать. Потому что не сохранилось ни одной мелодии. Буквы — они понятные, читаешь, и сразу все понятно,

музыка передается закорючками, нотами, а что в этих нотах, непонятно. Поэтому свистеть-то я свищу, но вот что... Самодельные мелодии.

Но все равно — я самый выдающийся композитор своего времени. Самый выдающийся художник. Самый выдающийся дрессировщик. Самый-самый-самый.

В рюкзаке зашевелился Волк. Заскулил. Соскучился по мамке. Это нормально. А может, проголодался. Пусть хорошенько проголодается, денек не пожрет. А как хорошо проголодается, я его накормлю. И тогда он станет совсем уже мой Волк. Навсегда.

А потом я начну его воспитывать. Хотя волков особо воспитывать и не надо, волки они очень способные, все сами понимают, главное, с ними разговаривать, это тебе не слон. Ну и научить нескольким самым главным командам — стоять, лежать, взять. А остальное волки и сами уже делают. Вот прошлый Волк мог преспокойно лечить. Заболит что, так Волк это место полижет — и все проходит. Или просто полежит, у волков внутренняя сила излечает очень хорошо. А я его этому совсем не учил, между прочим...

Между деревьями что-то мелькнуло. Вдалеке. Что-то большое и темное. Медведь. Опять.

Медведь растворился среди деревьев. Быстро как-то чересчур. Медведь, конечно, зверь шустрый, иногда как рванет... Но этот как-то уж очень быстро ушел, медведи так не ходят. Еще что-то появилось, что ли... Новое, что ли?

И навстречу этому мне не хотелось идти совершенно.

В лукошке завозился Волк.

Волк проснулся.

Глава 12

Здесь осень

Танк остановился. Редуктор негромко бормотал за спиной, над головой булькала гидросистема, шумно дышал Бугер.

Время пришло.

Хитч оторвался от визора и опустил с потолка перископ.

В перископ он смотрел долго, вертел его по сторонам, двигал тяжелые рукоятки.

Мы волновались. Я очень сильно волновался, сердце прыгало, стучало в горло, я почти захлебывался. Я ждал этого слишком долго.

Хитч ворочал перископом, изучал обстановку. Мы сидели в откидных креслах, молчали. Давно уже молчали. Наверное, час. Даже Бугер.

Хитч отмозолил лицом перископ, сложил рукоятки и потер кулаками глаза.

— Прибыли, — сказал он. — Теперь по-настоящему прибыли.

Хитч выжал сцепление, редуктор отключился, гидросистема отключилась, стало тихо.

— Теперь говорю для всех, и в особенности для тебя, Бугер, — произнес Хитч злобно. — Говорю и предупреждаю. Особенно тебя, Бугер. Если кто-то будет болтать лишнее...

— А что такое-то? — насупился Бугер.

— Нет, ничего такого! — неприятным голосом передразнил Хитч. — Ничего! Просто мы три раза вставали на грунт!

— Три?! — переспросил Джи.

Хитч кивнул.

— Три, — сказал он. — Первая и вторая площадки дали просадку. Карсты. По уставу, если третья посадка неудачная, то корабль с планеты уходит и рейд прекращается. Так что нам повезло. Очень повезло!

Хитч злобно смотрел на Бугера.

— Но ведь это... — прошептал тот. — Это ведь... предрассудки...

— Еще раз что-нибудь про... — Хитч замолчал. — Про всякую чушь услышу от тебя — зубы повыбиваю. Понял?! Язык будешь распускать — я тебе его вообще отрежу! Понял?! — Понял, — вздохнул Бугер.

А я подумал, что Хитч перегибает, пожалуй. Конечно, Бугер глупо про станцию «Сол» ляпнул, но вряд ли с посадкой из-за этого проблемы возникли. Просто так случилось, просто не повезло. Карст, тут уж ничего не поделаешь. Хотя две пустые посадки...

— Пить кто-нибудь хочет? — спросил Хитч.

Пить мы всегда хотим, это наше обычное состояние.

— Ясно, все хотят. Так давайте выпьем за удачу рейда. Это такой, знаете ли, обычай.

Хитч открыл рундук, достал из него четыре блестящих кружки металлического цвета.

— Это вам подарки, — сказал он. — От начальника рейда. Серебро.

Кружки тяжелые, наверное, на самом деле серебряные. Хитч, ну или еще кто-то там, не поленился, и на каждой были выгравированы инициалы. Именные и огромные, в каждую, наверное, по пол-литра входит.

— Теперь можно пить, — улыбнулся Хитч.

Он повернулся к термосу, подставил под него посуду, открыл кран.

Вода побежала неожиданно толстой струйкой, она брызгала, журчала, весело наполняла кружку, а когда наполнила до краев, перелилась на пол.

Хитч ухмыльнулся и стал пить. Жадно, небрежно, вода стекала на комбинезон. Хитч допил, остатки выплеснул на пол, после этого наполнил кружку еще и снова выпил.

Я был удивлен. Только что Хитч выдул две суточных нормы. Да еще и пролил половину! Да еще и выплеснул! Джи и Бугер тоже удивились, даже глаза у них сверх меры растопырились.

— Ну, что смотрите? — с явным удовольствием спросил Хитч. — Мы в рейде, ослы! Воды сколько хочешь! Пейте!

Он икнул и прицепил кружку к поясу. А мы стали пить.

Я не торопился, подошел к термосу последним, мне не хотелось спешить, не хотелось, чтобы за спиной стоял кто-то.

Поэтому я дождался, пока напьются Джи и Бугер, и только потом налил воды себе.

Вода была совсем другая. Холодная и словно дышала, я почувствовал, как из желудка она расходится по всему телу, так, будто не кровь у меня в венах течет, а вода. Уже после нескольких глотков я понял, что то, что мы пьем дома, — это не вода совсем, так, жидкость. Вода вот она, холодная, вкусная, живая...

Не заметил, как потянулся к термосу за третьей порцией.

— Стоп! — остановил Хитч. — Позабыли уже? Что я вам говорил? Много пить сразу нельзя. Подождите пару дней, когда организм привыкнет, тогда будете за водой тянуться! А сейчас посуду на пояс! Сами на койку!

Мы послушно прицепили кружки к поясам и усадились на нижнюю койку.

— Слушаем меня внимательно, — продолжал командовать Хитч. — Сейчас мы находимся в двадцати километрах от корабля, возле нашей первой цели. Это небольшое поселение. В нем мы будем искать дисплеи. Колония испытывает постоянную нехватку в экранах, наладить же собственное производство нет технических возможностей, вы знаете. Поэтому мы должны собрать как можно больше дисплеев, осторожно их упаковать и подготовить к перевозке. Скажу, что задача достаточно простая, как раз для новичков. Этот рейд должен стать для вас тренировочным. Но при всем этом не следует забывать и о норме.

— Почему бы просто не опуститься рядом с крупным поселением? — спросил Бугер. — Там наверняка этих экранов еще больше?

— Главная задача рейда — не дисплеи, сами знаете, — поучающе ответил Хитч. — Поэтому мы встали на грунт в довольно глухой местности. Дисплеи — задача третьестепенная, но все равно важная. И мы должны их искать. От меня первое время не отлучаться, следовать шаг в шаг. Ясно?!

— Ясно, — дружно кивнули мы.

— А звери? — тут же спросил Бугер. — Ты сам говорил, тут зверья разного полно. Может, не фризеры возьмем, может, огнеметы?

— Зверье есть, — подтвердил Хитч, — но оно к нам не приблизится.

Хитч указал пальцем на продолговатый желтый ящик с зеленой лампочкой.

— Это пугач, — сказал он. — Ультразвуковой бипер. Работает постоянно. Ни один зверь не может подойти ближе, чем на километр.

— А зачем тогда фризеры? — никак не успокаивался Бугер. — Зачем нам эту тяжесть таскать?

— По уставу надо таскать и будешь таскать!

— Понятно...

— Вопросы еще есть? — Хитч злобно уставился на Бугера.

— Нет.

— Тогда сейчас выходим. Наверх не смотреть. Выбираемся из танка, выстраиваемся возле гусеницы. Итак, пошли.

Хитч натянул маску и шагнул в шлюз.

— Еще одно. — Хитч высунулся из кабины. — Совет от опытного человека. Там слишком много всего... Всего. Не старайтесь анализировать все, что увидите. Во всяком случае, сначала.

И Хитч вернулся в шлюз.

Вообще, шлюзом можно и не пользоваться, атмосфера на планете вполне пригодная для дыхания. Перебор по кислороду, однако к этому быстро привыкаешь. Вредоносных существ в атмосфере нет, все мирно. Но шлюз используется, так, на всякий случай.

Шлюз зашипел, загорелась зеленая лампа, Хитч полез вверх. Хлопнул люк.

Следующим в шлюз вошел Джи.

— Тебе не страшно? — спросил меня Бугер.

— Не знаю, — честно ответил я.

— А мне страшно. Как там все... По-другому ведь совсем. Я тоже не знаю...

Шлюз открылся, и я подтолкнул Бугера в кабину.

Остался один. Кровь стучала в затылок, руки и ноги дрожали, на всякий случай я увеличил жесткость скелета и давление в пневмокарманах. Когда открылась кабина шлюза, я набрал побольше воздуха и шагнул внутрь. Меня ощутимо обдало плотной кислородной волной, по комбинезону прошла горячая дезинфицирующая лазерная сетка, я пожелал себе удачи и полез вверх. Откинул люк, выбрался на броню.

— Вверх не смотреть! — громко напомнил Хитч. — Слезай осторожно!

Я открыл глаза, не глядя вверх, разумеется.

Было светло. И я тут же почувствовал — вокруг пространство. Не знаю, как, но я это почувствовал — вокруг пустота. Огромная, бесконечная. Не такая пустота, как дома, а настоящая, дышащая, много километров, даже тысяч километров воздуха...

— Держись за поручни! — крикнул Хитч.

Я схватился за поручень. Вцепился в него обеими руками, я бы зубами даже вцепился, если бы не маска. Пальцы заболели.

— Спокойно, — подбадривал снизу Хитч, — спокойно, подыши, глубоко и быстро...

Я стал дышать.

Воздух тоже отличался. Он был густым, пахучим, и как вода заполняла жилы, так он заполнял легкие, я их чувствовал, там, под комбинезоном, под кожей. Скоро я смог дышать более-менее спокойно, постепенно руки обрели крепость, и я смог спуститься на землю.

На землю. Это тоже было необычное ощущение, весьма и весьма. Земля была мягкой. В первый раз я не чувствовал под ногами железа или камня, земля пружинила мне в ноги, она была будто живая, мне казалось, я слышал, как она вертится... Я сделал шаг вправо, и земля ответила мне движением.

— Хватит плясать, — усмехнулся Хитч. — Положи руки на борт.

Я положил руки на борт.

Все нормально. Осторожно я взглянул вправо и увидел, как рядом, также уперевшись руками в борт, стоит Бугер.

— Кого посылают в рейды? — вздохнул Хитч. — Сопляков. Сопляков, которые даже

на ногах стоять не могут...

Я оттолкнулся ладонями от борта и повернулся.

Конечно, я ожидал увидеть что-либо подобное, я же изучал фотографии, я читал описания... Это оказалось совсем непохоже. Все желтое. Мне почему-то представлялось, что на планете должно быть все зеленое, однако все было желтое. Желтая трава под ногами, желтые деревья, еще что-то желтое, я не знал что.

— Почему все желтое?

— Осень, — ответил Хитч.

— Как осень? Сейчас вроде бы весна?

— У нас весна, здесь осень. Мы всегда приходим осенью, летом здесь комары и неудобно. Вверх не смотри, ладно?

— Ладно.

Я начал осторожно оглядываться.

Наш танк стоял посреди леса. Лес. Белые высокие деревья, и невысокие деревья, и какие-то кусты. Больше ничего. Танк. А за танком много поваленных низкорослых деревьев, я не знал, как они назывались, но листья на них были, как на больших.

Джи и Бугер продолжали стоять возле гусеницы.

— Давайте, поворачивайтесь, — велел Хитч. — Или целый день мордой в борт стоять собираетесь?

Бугер повернулся первым. Повел головой по сторонам, пожал плечами — даже под комбинезоном это было видно. Потом поглядел вверх.

— Нет! — крикнул Хитч.

Поздно.

Вообще, конечно, поучительное зрелище получилось. Бугер задрал голову и тут же безо всякого перехода стал падать, ударился шеей о гусеницу, свалился на спину, подергал ногами и затих.

— Кретин! — рывкнул Хитч. — Говорил же! Говорил же не смотреть!

Он подскочил к Бугеру и сорвал с него маску. Бугер не очень приятно выглядел, белена у него изо рта шла, глаза закатились, похоже на солнечный поцелуй. Хитч сдернул с бедра медкит, выхватил шприц, вогнал Бугеру прямо в шею. Бугер почти сразу очнулся, попытался сесть, но Хитч с размаху хлопнул его по щеке.

— Чувствуешь? — спросил он.

— Да, — ответил Бугер.

— Тогда поднимайся. Вверх не смотри.

Бугер кивнул.

Джи повернулся осторожно. Аккуратно огляделся, Джи был предусмотрительным человеком.

И я аккуратно. Хотя мне очень хотелось сделать так, как сделал Бугер. Ну, просто для интереса. Но я выдержал. Посмотрю потом, небо куда не убежит.

— Нам туда, — указал Хитч в сторону деревьев.

— В лес? — Бугер упорно смотрел в землю. — Зачем нам в лес? Разве в лесу есть дисплеи?

— Не обсуждай приказы, — уже спокойно сказал Хитч. — Как видите, приказы обсуждать опасно. Приказы надо выполнять. А в лесу, конечно, нет дисплеев. Но здесь в трех километрах поселение. А через старый лес танк не пройдет. Поэтому нам придется прогуляться. Я иду первым, вы — за мной. Фризеры. Не забудьте их активировать.

Я достал из-за спины фризера, переключил питание. Тут звери, они иногда нападают. А из-под поля распугивающего бипера мы выйдем. Так что фризера пригодится.

— Мы должны добраться до поселения за два часа, — сказал Хитч. — Вперед. Бугеру помогите.

И он направился в сторону леса. Мы с Джи подхватили Бугера, подняли на ноги. Он покачивался, но стоял более-менее твердо, идти мог, мы двинулись вслед за Хитчем.

Постепенно Бугер выровнялся, мы его отпустили, и я смог смотреть по сторонам.

Вокруг простирался лес. Я был знаком с лесами, по фотографиям, разумеется. Те леса отличались от этого, в этом, в настоящем лесу оказалось множество мелких деталей — листиков, поломанных веточек, шишек, коры, еще тысяча предметов, незнакомых мне, много, слишком много всего, и это все врезалось в мозг, глаза цеплялись, голова пыталась переварить и...

Теперь я понял, почему Хитч рекомендовал не смотреть слишком жадно. Через несколько минут путешествия по лесу у меня в голове образовалась просто поразительная каша, я утратил направление, угол зрения резко сузился, и я видел перед собой только спину Хитча и Знак на ней.

С остальными происходило примерно то же самое, краем зрения я видел — Бугера опять шатало, а Джи при каждом шаге двигал руками, точно старался за что-то ухватиться.

Хитч заметил и велел нам остановиться. Мы стояли под толстыми высоченными деревьями.

— Скоро это пройдет, — сказал Хитч. — Уже сейчас. Вы привыкнете...

— А если не привыкнем? — прошептал Бугер.

— Привыкните. Вы люди, а планета наш дом. Брошенный, но все-таки дом. Возвращение — трудная штука...

Это Джи сказал серьезно.

— Надо ждать...

Мы ждали. И я чувствовал, как постепенно, постепенно эта мелочовка уходит, мир склеивался в единую картину, расширялся, обретал полутона...

Через десять минут я смог взглянуть на лес нормально.

Лес был влажен, прохладен и загадочен. Не знаю, мне почти сразу стало казаться, что за нами наблюдают, и я старался, чтобы фризер болтался под правым локтем. Но даже несмотря на это не очень-то комфортное чувство, мне было хорошо. Я протянул руку и дотронулся до дерева. Первый раз я трогал что-то настоящее, то, что не создано руками человека. Снял перчатки и трогал. Нет, у себя дома я трогал камни, и они тоже не были созданы, но камни были мертвыми, а деревья живыми. Необычное и выдающееся ощущение — чувствовать под кожей неровность, шероховатость, какие-то бороздки. Я даже отломил небольшую веточку с желтым листом на конце, случайно.

Хитч обернулся.

— Ничего не пробовать! — сказал он. — Это опасно!

Я бросил веточку. Если честно, то у меня была идея ее пожевать. И не идея даже, а почти рефлекс. Тысячи поколений моих предков, если верить мультфильмам и книгам, жевали травинки и совали в зубы цветочки, и, наверное, это закрепилось на генетическом уровне. Опасные рефлексы.

Хорошо, что Хитч напомнил, все-таки к опытным рейдерам стоит прислушиваться...

Я заметил движение. Неопасное, суетливое и веселое, я повернул осторожно голову. С дерева спускался зверек. Небольшой, цепкий, рыженький, с длинным пушистым хвостом и острыми глазками. Я знал этого зверька, я видел его в многочисленных мультях, название только вот совсем забыл.

Бугер хмыкнул, тоже стянул перчатку, протянул руку. Зверек не испугался, чирикнул что-то на своем языке и запрыгнул на ладонь.

И я тут же вспомнил про Эн. Вернее, про ее просьбу. Про котеночка. Глупая просьба. Тупая. Но я обещал. Интересно, ей обязательно котеночка или можно кого другого? Вот этот звереныш явно дружелюбно выглядит, взять сейчас, лизнуть его фризером...

— Это белка, — сказал вдруг Хитч. — Она...

Шерстка у зверька тут же встопорщилась, белка заверещала и, выпучив глаза, прыгнула на дерево.

— Царапнула. — Бугер поднял руку.

С пальцев капала кровь.

Джи перевел фризера в боевое положение и принялся озираться.

— Наглядный пример, — усмехнулся Хитч. — Наглядный пример того, каким образом пропадают целые экспедиции. Через такие раны может передаваться все, что угодно — от токсоплазмоза до бешенства. И тогда...

Хитч причмокнул. Бугер глупо разглядывал руку.

— Больше никаких животных не трогать. — Хитч достал аптечку. — Никаких. Ясно? Мы кивнули.

Хитч вытащил инъектор и вогнал Бугеру прямо между пальцами дозу мощного антидота. Бугер ойкнул. Кровь начала сворачиваться на глазах.

— Вот так. — Хитч отбросил инъектор в сторону. — А если бы это был зверь покрупнее... Рысь, она тоже на деревьях живет... Мамке твоей достались бы только ботинки. Она бы их на стену привесила, глядела бы на них и рыдала крупными слезами... Вперед.

Хитч двинулся дальше, через желтую-прежелтую осень. Ну а мы — за ним. Как водится. Шли напряженно, выглядывая, не виднеется ли на дереве какая-нибудь там опасная рысь, хотя как она именно выглядит, я представлял плохо.

А потом мы увидели поселение.

Глава 13

Четырнадцать черных

Я вышел на берег. Река незнакомая, черная, скорее всего, из болота течет. Не люблю я такие реки, вода в них какая-то густая. И рыбы странные водятся, такие синеглазые-синеглазые. Вот я прочитал в свое время книжку про рыб разных, но там ни про каких синеглазых рыб не рассказывалось. Может, эти рыбы тоже мутировали, ну, как зайцы?

Но пить хотелось все равно.

— Ну вот, Волк, — сказал я. — Это называется река. Пить хочешь?

Волк пропищал что-то невнятное.

— А придется потерпеть. Сказку про братца Иванушку помнишь? Он попил водички вот из такой реки и превратился в лягушку. Или в козлика, не помню. В черепаху. Ты что, хочешь стать черепахой?

Волк в корзинке облизнулся. Точно он уже много-много-много черепашек съел в своей жизни, хотя я, кажется, у нас черепашек не встречал... А может, и водятся.

— Волк, пожуй рыбку, — предложил я.

Достал из кармана вяленого подлещика. Вчера добыл. Повезло, наткнулся на стаю в ручье, наловил сеткой, за ночь подкоптил. Обстучал подлещика о подошву, сунул в растопырившуюся красную пасть.

Волк накинудся на рыбу с урчанием, начал с головы.

— Найдем брод, переберемся на другую сторону, там должны быть ключи, — сказал я. — Там попьем.

Я сбросил рюкзак на землю, сел рядом с корзинкой. Волк спрятался за рюкзаком. Ворчал что-то недовольно. Ворчун. Не в папу пошел, такое бывает. Прошлый Волк был серьезным, и этот вроде как совсем мрачный попался. Ну, ничего, ворчун — тоже неплохо.

Достал рыбку и для себя. Несоленая, соль давно кончилась, жаль, рыбка хороша с солью. На вкус ничего, мясистая. Даже жирная.

Мы с увлечением завтракали на лоне природы. Конечно, подлещик — это вам не копченый хариус — с солью, с ольховым дымком, его коптишь, а жир так и брызгает, конечно, экзорцизма тут не хватает, но есть можно. А мы с Волком в пище вообще непривередливые, в полевых условиях хоть кору можем грызть, как зайцы. К тому же в подлещиках плавательные пузыри всегда большие, а пузыри вкусные особо, деликатесные штуки, я их могу ведро пережевать. И Волк тоже может.

Так что мы завтракали или обедали с удовольствием, а Волк от этого удовольствия аж зажмуривался и работал не только челюстями, но и лапами, боролся с подлещиком по-

взрослому, и все было хорошо до тех пор, пока я не посмотрел вправо.

Зачем-то. Хотя понятно зачем — почувствовал я. Вонь. Ветерок дунул, и я почувствовал, прямо в нос пролезла. И я посмотрел.

Слева, вниз по течению, был пляж. А на пляже дикие. Много. Целое стадо. Сбились в кучу. Сидели. Что-то там делали, непонятно что, блох выкусывали...

Опять дикие. Дикие со всей планеты сбежались в наши леса, чтобы досаждают мне, пить мою кровь, ну и все остальное. Я даже особого раздражения не почувствовал. Привык я к ним, что ли, устал я от них, что ли...

Большое стадо, голов пятьдесят, наверное. Ветерок был с их стороны. Значит, они не могут меня учуять. Но все равно лучше уйти. Бегать по лесу мне совсем не хотелось, в последнее время я и так много бегал. Даже слишком много. Больше не побегу, хватит. К тому же дикие меня не видели, им не до меня было, что-то они там волновались, подпрыгивали, взрыкивали, короче, обычное дичарское стадо. Поганцы. Непонятно только, что они делают на берегу, обычно дикие с водой не дружат... Боятся воды, мыться не любят, поэтому так и воняют. И плавать, конечно же, тоже не умеют...

Интересно, что их могло на берег загнать? Может, все-таки пожар лесной? Дыма вроде бы не видно....

Волк справился с рыбешкой и вопросительно пискнул. Тоже почуял вонючек.

— Это дикие, — пояснил я. — Они воняют. Они тут у нас везде, к сожалению... И количество их только увеличивается. Кормовая база позволяет, знаешь ли. В некоторых реках водятся такие здоровенные рыбыны, они этих диких жрут вроде как... Только в этой реке их, наверное, нет...

На пляже что-то началось. Кусты по берегу зашевелились, и на песок вылетело еще несколько дичар. Причем именно вылетело, точно кто-то их вышвыривал за шкуру. Дикие пробороzдили песок мордами и так и остались лежать в бездвиженности.

Что у них там? Может, война между дикими началась? Желуди не поделили, лосиный помет. Война диких — это, наверное, дикое зрелище! Вонь на сто километров!

Из кустов вывалилось еще несколько. И все, кто был на пляже, заверещали опять, как лисы, задергались, завыли, закудахтали.

А потом на песок вышло что-то.

Сначала не понял. Мне показалось, что это яблоня. Черная, засохшая, та самая, которую я рубил, когда рыжего на столбе поджаривать собирался. Яблоня шагала. Корявая, высокая, она шагала.

И в руке... или в конечности она держала дикого. Она проволокла его по песку, легко, ну, примерно, как я этого нового Волка таскаю, швырнула к остальным. И из кустов тут же выдвинулось еще несколько этих яблонь. Я медленно, не делая резких движений, взял корзинку с Волком зубами и осторожно, на одних руках, стал оттягиваться назад, в жухлую траву. Потому что тут уж я совсем понял, что происходит что-то нехорошее. Меня эти шагающие яблони напугали, никогда ничего подобного не видел.

Вообще-то, я неплохо знаю весь наш тутошний мир. Самый зверь опасный — это лигр, самый зверь негодный — это дикий, самый зверь вонючий — это тоже дикий. А таких не было, ходячих вот...

Интересно, кто это? Мутанты, что ли? Или лешие? Но мутантов я вообще не встречал, и Хромой мне не рассказывал, и Хроному не рассказывали. Откуда они взялись тут...

Я лежал в прелой, пахнущей прошлым летом траве. Надо было отсюда быстренько убираться, существа дружелюбностью явно не отличались, с дикими они не очень церемонились...

Волк твякнул.

— Тихо, — сказал я. — Тихо, Волк.

Я щелкнул Волка по носу, он попытался цапнуть меня за палец. Шустрецкий.

— Давай помолчим, — попросил я. — Хорошо?

Но, нажевавшийся сушеной рыбы, Волк явно не хотел молчать, он хотел бегать,

прыгать и вообще радоваться. Со стороны пляжа слышался вопль. Дикий кричал. Ногу ему, наверное, отдавили. Я взял тряпочку и стянул Волку лапки, а потом перемотал еще пасть, чтобы звуков лишних не получалось. После чего спрятал корзинку с Волком в рюкзак. Еще немного полежал, а потом пополз по берегу, между кочками, между старым шиповником, стараясь выбраться напротив пляжа. Зачем-то. Я не знал точно, зачем, себе я сказал, что мне очень хочется поглядеть на них поближе.

На этих. С познавательскими целями.

— Поглядим, Волк, — шептал я, — поглядим, зачем они вонючек наловили. Кому может прийти в голову идея ловить диких? Что с ними делать будешь? Солить их, что ли...

Скоро я наткнулся на небольшой овражек, тянувшийся вдоль берега, и стало легче, овраг прикрывал меня, и я продвигался почти в рост. Видимо, раньше тут проходило старое русло реки, река ушла, русло затянулось, заросло кустами и теперь уже довольно высокими березами. Я не торопился, крался медленно, определялся по крикам. Они орали все громче и чаще, что-то там с ними делали, наверное, эти ходячие яблони лупили их по грязным мордам. Так и надо, этим вонючим, так и надо, блохастым...

Меня радовало это избиение дичар, я был целиком за это избиение, но при всем при этом что-то мне в этом избиении и не нравилось. Что-то злило меня. Я даже остановился на две минуты и попытался понять, что.

И понял. Мне совсем не нравилось то, что делали эти уроды. Эти уроды влезли в мой огород! Диких должен был я истреблять! Я! Или люди с Меркурия! Но не эти. Вот что мне не нравилось! Они влезли ко мне. К нам. Эти нелюди появились неизвестно откуда и теперь тут хозяйничали и безобразничали!

А хозяин тут я.

Со стороны пляжа слышался звук. Рев, рокот, будто сразу десяток оленей затрубили горлом. Звук был странный, я не слышал никогда чего-то даже хоть вполовину знакомого, он был похож на далекую грозу, когда гром слышится непрерывно много часов подряд.

Я вдруг придумал, что из воды на берег выползло древнее придонное чудище — здоровенная рогатая жаба. Толстая, пупырчатая, с маленькими красными глазками, с короткими кривыми передними лапками и могучими мясистыми задними. А эти яблочники — слуги чудища, тоже подводные жители, они наловили диких и теперь собираются их своей доисторической жабе скормливать. В качестве жертвы. Потому что это не жаба подводная совсем, а бог ихний. Такой мерзкий демон, они его кормят дикими, а он им приносит удачу в подводной охоте на сомов, сомы идут жирные и с крупной икрой.

Я полз к берегу, продолжая представлять жуткую, но величественную картину. На пляже лежит гигантская пупырчатая жаба. Пасть ее растопырена в три моих роста, напротив нее на песке стоят сбившиеся в кучку дикие. А вокруг диких эти долгоязыые уроды. Чудовищная жаба ревет, а уроды подталкивают вонючек к пасти. А из пасти выскакивают такие длинные черные языки, языки хватают диких и тащат их внутрь этого эквадора. Дикие визжат, пытаются хвататься за песок, языки тянут их, и после на песке остаются такие глубокие борозды...

А потом жаба их глотает. Не жует, а сразу глотает. А эти подводные ходячие коряги так удовлетворенно ухают. Как осьминоги. Во многих книжках, которые я читал, всегда фигурирует осьминожье уханье. Хотя в других книжках пишется, что под водой никаких звуков нет, так что осьминоги при всем их желании ухать не могут совершенно, хорошо если булькают только...

Я пробирался между березами и низкорослыми кустистыми рябинками, сбивал неожиданные подберезовики, их было много, я пожалел, что наткнулся на них в такое неудачное время, можно было бы собрать, нажарить... Выполз снова на берег, крутой, ну, это и понятно, напротив пляжа всегда такие крутояры, чуть не свалился я даже, за корень удержался. Пляж был совсем близко, буквально в каких-то ста метрах. Я думаю, если бы я кинул камень, то попал бы. В эту самую лягушку.

Только никакой лягушки там не было. Там была машина.

Я в машинах неплохо разбираюсь, в свое время Хромой меня научил. И книжки заставлял меня читать про машины, так что какие они бывают, я знаю примерно. Вездеход. Только у вездехода могли быть такие здоровенные надувные колеса, только у вездехода мог быть такой мощный мотор — он торчал наружу и блестел черным. Настоящая рабочая машина.

Сами хозяева вездехода стояли вокруг, по всему пляжу, много их было. А один что-то там ковырял в здоровенном машинном колесе. Понятно. Значит, разумны. Да вообще я сразу понял, что они не просто так тут скачут. Разумные чудовища...

Пришельцы. Гомунклюсы. Или нет, эти — гуманоиды.

Однажды мне попалась книжка про то, как на нашу планету вторглись пришельцы с другой звезды. Очень похожие на этих тварей. И им нужны были рабы, чтобы добывать в шахтах на своей планете радиоактивные вещества. И они тоже всех переловили. Возможно, у автора книжки было откровение. Ну, или приснилось ему это, что сейчас с нами происходит. Прилетели пришельцы, починили наши машины...

Нет, это не наша все-таки машина. Я глядел на машину и видел теперь, что она не наша. Не наших размеров. Она сделана под этих, под тварей. Под их рост.

Значит, точно пришельцы. Твари с далеких звезд. А может, наоборот, может, они не со звезд, а как раз с Земли. Может, это подводная цивилизация. Те самые, которые слоненков приручают.

Вспомнил! Что Хромой мне рассказывал! Про подводников. Раньше вроде как была такая идея, ну, что если иной разум и обнаружат, то только в морских глубинах. Раньше вроде как люди верили, что в глубинах океана существует древняя цивилизация. Когда-то давно вроде бы существовал такой остров, который погиб во время катастрофы, погрузился на дно океана. Но жители этого острова были такими умными, что совсем не утонули, напротив, они постепенно приспособились к подводным условиям, а потом им под водой даже понравилось. И они распространились по всем морям и океанам и построили в воде свое общество.

Атлантида — вот как остров назывался.

И слонов они приручили...

И машины!

И следы!

Может, это действительно жители Атлантиды? Жили там себе потихонечку-помаленечку, развивались. А когда наземные жители перемерли от вируса, они подумали: а почему бы нам не выбраться на воздух? Огромные территории пустуют, и вот теперь подводные атлантисты решили их заселить обратно.

Кстати, а сам вирус откуда? С подледного озера! Из Антарктиды. Эти атлантисты могли вполне сесть на свои подводные лодки, подплыть к Антарктиде снизу, и снизу же добуриться до этого самого озера Восток 18, выпустить вирус специально...

Теперь уже никогда не узнаешь.

А они очень на подводных жителей походили. Страшные чудища подводные, я как-то раз почти видел водяного, очень похож. Только водяной, конечно, ростом поменьше раза в два и хвост у него рыбий, а у этих никакого вроде как хвоста не наблюдалось.

Другие...

Нет, какие еще другие, другие они все-таки как люди, наверное, а эти просто...

Не знаю даже...

Все это я быстро так продумал, буквально за минуту, после чего принялся наблюдать, что происходит на пляже.

Диких прибыло. То и дело из прибрежных кустов вылетали взлохмаченные дикие, пришельцы пинали их, сбивая в кучу. Пришельцев тоже прибавилось, я сосчитал — четырнадцать штук. Четырнадцать черных тварей. Вместе они смотрелись жутко так, потусторонне, подводнически...

В борту машины открылся люк. Такой же огромный, как и все остальное в этой

машине. Твари принялись переглядываться и, кажется, вроде как даже переговариваться. Во всяком случае, я слышал какие-то звуки. Буль-бульк, точно в воду камушки посыпались, подводная речь...

Тварь, стоявшая у берега, схватила вдруг ближайшего дикого, завалила его на спину и поволокла к машине. Это мне что-то напомнило, правда, я сразу не уловил что, так мелькнуло где-то в задней части головы. Пришелец подтащил дикого к открытому люку этой колесной машины и зашвырнул внутрь. Дикий попытался тут же выскочить, но тварь стукнула его наотмашь по лицу, дикий влетел обратно и больше не показался. Удар был слишком уж сильным, мог сломать шею запросто, вряд ли дичара после поднялся бы.

Пришелец выкрикнул что-то победное, и его дружки принялись хватать остальных диких, гнать их к своей машине и забрасывать в люк. Твари делали это быстро и умело, так что я подумал, что у этих длинных подводников есть большой опыт по подобному заталкиванию.

Дикие почему-то почти не сопротивлялись. Обычно они дерутся как бешеные, кусаются, царапаются, лягаются, бодаются, что только не вытворяют, а тут как прищипленные себя повели. Наверное, эти шагающие яблони их очень испугали. Я бы сам таких испугался — это точно, но нельзя же и так безропотно себя вести? Швыряют как котят каких-то...

Продолжалась довольно долго эта загрузка в люк, я даже удивился — вездеход был просто какой-то ненасытный, безразмерный изнутри. Некоторые дикие высовывались, правда, но пришельцы тут же лупили их по головам, и те исчезали.

Пришельцы мне уже совсем что-то не нравились. Вылезли из своей Атлантиды и уже ведут себя как у себя дома! А тут как дома должны себя чувствовать только я и люди. А эти твари тут совсем ни при чем!

Я нащупал огнестрел. Бесполезно. Патронов почти нет. К тому же я не уверен, что дробь сможет их пробить, по-моему, этих тварей можно взять только из какого-нибудь там ракетомета... Кумулятивным снарядом. И то только если в упор.

Количество диких тем временем сокращалось: если раньше они распространялись на весь пляж, то теперь занимали едва ли четверть его. Они дрожали. Было не очень холодно, но они тряслись, я видел, я даже слышал, как стучат их зубы, так мне казалось.

И вдруг какой-то дикий решился. Сначала он сделал шаг, и этого никто не заметил. Он сделал еще шаг. А потом резко прыгнул в сторону и большими скачками понесся к реке, разбежался и прямо с песка прыгнул в воду.

Я уже говорил, что дикие не умеют плавать. Этот тоже не умел. Он речку перебрел. По пояс, по горло, дальше он начал подпрыгивать, то погружаясь, то выныривая, отплевываясь черной торфяной водой. Захлебывался, но шел, упорный.

Твари не поспешили за беглецом. Он почти уже добрался до моего берега, выручился уже почти, коснулся глины, и тут одна из тварей обратила на него внимание. Она гугукнула непонятное, подошла к воде. Подняла что-то черное, оружие какое, что ли. Направила его в сторону дикого. Как оно стреляло, я не понял. Тварь целилась, я смотрел на нее. Потом она опустила оружие, отвернулась, и я взглянул на реку. Дикого больше не было. Он исчез. Пропал, точно растворился. Я даже подумал, что его на самом деле растворили, что это оружие — подводный растворитель, растворяет все, что попадаетеся...

Дикий всплыл ниже по течению. Он стукнулся о торчащую из воды корягу, перевернулся, как полено, течение неожиданно сильное после омута толкнуло его к отмели, так он там и остался. Лежал.

Тварь его убила. Как, не знаю, но убила.

Остальные твари не обратили на это никакого внимания, продолжали свою работу — забрасывали дичар в машину. Без злобы, в общем-то, с равнодушием, устало. Дикие не влезали, внутренности машины были уже заполнены, в люке виднелись грязные спины, через край высовывались руки и ноги, каждый вброшенный внутрь дикий падал на других диких. И тогда твари стали их заталкивать. Заталкивать и втрамбовывать. С крыши машины были

извлечены приспособления, похожие на гигантские ложки, две твари устроились по сторонам от люка и принялись этими ложками трамбовать вонючек.

Дикие визжали. Но уже не так громко, уже придавленно. Я вдруг представил: сейчас твари надавят посильнее, и из-под днища машины потечет розовый сок. Мне стало страшно.

И одиноко. Я был один. Единственный человек на целой планете. И против меня все. Звери, дикие, теперь еще эти твари. Все против меня. А за меня никто. Даже Волка нет, ушел. А новый Волк еще маленький, его надо еще вырастить...

Я вспомнил про Волка. Нельзя ему долго лежать связанным, лапы могут и онеметь, начнется омертвление. А если начнется омертвление, придется Волка утопить, ну, чтобы не мучился. Искать еще одного Волка не хотелось, да и где его теперь найдешь, твари всех животных в лесу перепугали. Так что Волка надо беречь. И надо уходить. А потом уже думать, что делать дальше.

Я еще раз взглянул на противоположный берег. Чтобы запомнить и убедиться — не снится мне все это, нет, не снится, на самом деле все так — подводная страшная жаба, водяные, этой жабе прислуживающие, несчастные глупые дикие, которых жабе скормливают...

Губу себе прикусил. И не проснулся. Все было тут, в каких-то метрах от меня, я бы мог дострелить до всего этого из арбалета.

За спиной затрещало, я резко обернулся и увидел, как разом зашевелились кусты, как еще не успевшие опасть листья посыпались. Я мгновенно прыгнул в сторону, сжался, втиснулся между двумя кочками и распустил маскировочную косынку.

Секунду спустя через куст шиповника перешагнула тварь, и я увидел ее вблизи.

Она была огромна. Мне показалось, что под три метра, не знаю, со страху это вышло или на самом деле. Высокая, широкоплечая, сутулая, лапы чуть ли не до земли, из-за плеч поднимается горб. Вся шишковатая и корявая, голова серая, гладкая и страшная, черные круглые глаза, вместо рта длинный и толстый хобот. Тварь тащила за собой диких. На веревке. Как баранов. Не знаю сколько, не успел сосчитать. Многих. Успел заметить рыжего. Того самого. Он тащился последним. Хромал здорово, ножка болела. Но вообще живой. Глазищи такие злобные.

Опять. Опять этот рыжий. Будто мы связаны как-то с ним. Какой-то ниткой невидимой, сказочной...

Дикие были уже совсем никакие. Еле ноги передвигали. Приглядевшись, я обнаружил, что это не веревка совсем, а что-то вроде троса с петлями. А в каждой петле шея дикого. Шеи уже до крови стерты.

Тварь остановилась, потрянула своим хоботом, огляделась. Я вжался в кочки посильнее, не в кочки уже, а в землю. Тварь меня не заметила. Она шагнула к березе и прикрепила к ней трос, а сама принялась спускаться к реке.

Дикие упали на землю. Они ничего не делали, просто сидели, а некоторые лежали. Даже рыжий, упрямая тварь, тоже лежал.

Я поднялся. Опять зачем-то. Мог бы скрыться, но поднялся, выбрался на свет.

Дикие увидели меня. Шарахнулись, трос натянулся, они попадали. А оно и понятно — меня тут надо страшиться, меня, а не каких-то там водяных, не каких-то там болотных! Я тут главный!

Рыжий вот, сволочь хромоногая, не шарахнулся. Оскалился. Зубов у него совсем не осталось, видимо, выбили. Ненавидел меня.

— Тихо, вонючки, — прошептал я. — Тихо.

Подошел к березе, к которой тварь прицепила трос. Трос был зацеплен на обычный карабин, даже без замка всякого, дикие, если бы они не были такими безмозглыми и тупоголовыми, могли сами вполне этот карабин отстегнуть. Но ума у них не хватило, конечно. Дичары.

Я отстегнул карабин и сбросил трос.

— Бегите, — махнул я рукой на диких. — Вон пошли, вонючки!

Первым очухался, конечно, рыжий. Прыгнул диким прыжком в кусты, исчез мгновенно, растворился в кустах, собака, даже нога не помешала. Остальные сидели, как пни, глазами своими бессмысленными ворочали.

— Пошли вон! — Я схватил подручную палку и огрел ближайшего дикого.

Тот очнулся и поковылял прочь. И остальные тоже зашевелились. Лишь одна дикая смотрела на меня, дергала себя почему-то за ухо, указывала на меня пальцем, дура косматая.

— Беги отсюда! — шикнул я на нее. — Бегом!

А она все теребила свое грязное ухо и все тыкала в мою сторону, даже промышчала чего-то. С берега опять послышался мерзкий звук — тварь переговаривалась со своими приятелями. Но и это не подхлестнуло дикую, она все пялилась и пялилась, мне стало неловко, и я тоже потрогал себя за ухо. За то, которое было оборвано неизвестным зверем в моем глубоком-преглубоком детстве, когда Хромой меня еще не нашел.

Из кустов выскочил какой-то дикий, схватил свою дикую чуть ли не в охапку и уволок.

Я не стал дожидаться твари, дернул через кусты, рябина хлестнула меня переспевшими красными ягодами, вскарабкался по крутому склону оврага и припустил в сторону от реки.

Очень скоро за спиной у меня заревели. Так уже свирепо.

Я с удовлетворением отметил, что тварь заметила пропажу. Недовольствуется. Злитесь, дубина ходячая, бесится, щука подводная. Так ей и надо, так в поганый хобот, в дышало, в глаза черные...

— Так вот тебе, экзема, — сказал я и побежал быстрее.

Вряд ли эти твари могли так быстро бегать, но на всякий случай я пробежал почти час. Остановился. Посреди леса. Вспомнил про Волка.

Снял рюкзак, присел на мох. Достал из рюкзака корзинку. Волк был еще жив. Злобно крутил глазками. Это хорошо. Что злобно вращает, значит, сильный. Я растянул веревочку, и Волк тут же попытался цапануть меня за руку. И попробовал встать. Лапки не держали. Я немножечко его пожулькал, за живот потрепал, за руки... то есть за лапы. И за передние, и за задние.

Хорошо бы еще его высечь немножко, ничего так не улучшает кровообращение, как хорошая порка, бывало, раньше я лежу на чердаке, читаю про особенности какого-то там курортного грязелечения, а тут Хромой как вспрыгнет! Поймает меня и как давай ремнем кожаным хлестать! Не со зла, а так, в профилактических целях. Лекарств у нас сейчас никаких нет, все сто лет назад просрочились, только мед да малина, а хорошая порка она здоровьем ой как способствует, я по себе знаю. Мучает тебя, допустим, насморк или простуда какая, а после порки как новенький. Жить хочется. Конечно, немного неприятно, но полезно. Хромой рассказывал, что это в старой медицине первым средством было — детей пороть по субботам — экзекуция называется, красивое слово. Вон Алекс У порол Красного каждый день почти! И Хромого тоже пороли, и я буду пороть... этого, Ягуара. Знать бы только, когда она, эта суббота... Ну это не смертельная проблема.

Волков пороть, к сожалению, нельзя, волк не человек, может обидеться на всю жизнь, и в самый неподходящий момент, ну, когда ты спиной обернешься, он может прыгнуть. Воспитать Волка тяжело, очень непросто, ошибки тут допускать нельзя.

— Ну что, Волк, — я почесал Волка за пузо. — Давай, шевели лапами.

Волк снова попробовал меня за руку, на этот раз почему-то я не стал уворачиваться. Звереныш вцепился в пальцы, прокусил до крови, на коже остались маленькие красные пятнышки, дырочки. Молочные зубы еще, не рвут, прошивают, как иголки ежиные.

— Нельзя, — сказал я и щелкнул Волка по носу.

Пройдет время, и все наладится. Алекс воспитает Волка. Алекс воспитает Ягуара. Люди прилетят. Очистят дороги, отстроят города...

С этими тварями разберутся. Не допустят люди, чтобы тут разные подводники вольно расхаживали, разберутся, загонят их обратно в свою Атлантиду...

— Ходить умеешь? — спросил я.

Волк не ответил.

Ходить он, конечно, умеет, но недалеко, это я так спросил, для звука.

— Ладно, — сказал я, — давай я тебя домой посажу.

Домой. Теперь дом у меня за плечами.

Я поднял Волка за шкирку, посадил его в корзинку, корзинку пристроил в рюкзак. Все. Готов.

Закинул рюкзак за плечи, двинулся. Про этих не думал. Мне с ними не справиться, чего о них думать? Прятаться надо, держаться подальше. Конечно, это позорно — хозяин планеты прячется как какая-то мелкая живность...

Но по-другому нельзя. Люди побеждали потому, что умели ждать. Я умею.

Шагал когда уже даже темнеть стало, хотя это было и неправильно, и опасно. И только лишь когда наткнулся на сук, не разглядел его в наступающих сумерках, и этот сук прилично царапнул мое плечо, только тогда я остановился. Надо готовиться к ночевке. Лес густой, можно, пожалуй, даже костер развести, но я чего-то забоялся. Выбрал удобное местечко — под старой сухариной, закрыто со всех сторон, тепло, безопасно. Забрался.

Ночь прошла ничего, в общем. В лесу только тихо очень было. Твари распугали животных, всех распугали, от этой тишины было страшновато. И Волк. Сначала возился, скулил по мамке, а потом замер и только лежал рядом со мной, дрожал — я сначала думал, что от холода, потом понял — ему тоже страшно. В мире появились твари. Они не другие, нет.

Они лишние.

Луна так хорошо светила, я попробовал читать «Конституционное право», не получилось, настроение, видимо, было не то. Уснул.

Проснулись рано. Утро было холодным, в такое утро должен появляться первый лед. Я вылез из-под корней, помахал руками, подышал, достал сушеную рыбку для себя, достал рыбку для Волка, мы пожевали и отправились в свой дальнейший путь.

С утра лучше не торопиться. Организм еще не разогрелся, можно порвать сухожилия или просто надорваться. Поэтому я шагал медленно.

Я уже говорил, у меня не было никаких планов, я хотел просто убраться подальше. От этих. От подводников. Вообще, следовало уходить к югу, зима все-таки на носу, однако к югу мне теперь почему-то не хотелось. Когда я закрывал глаза, то чувствовал — на юге плохо. Темно. А своим чувствам я доверял. Поэтому теперь мы с Волком продвигались на север. Следовало забраться подальше, найти подходящее местечко и приготовиться к холодам. Они скоро, а из запасов у меня всего десятков рыбок. Так что зима будет тугая... Хотя время еще есть, еще можно успеть...

Совершенно неожиданно лес кончился, и я оказался перед полем. Это было самое первое поле в моей жизни. После того как люди вымерли, поля все заросли лесом, ни одного не осталось. Самым большим пустым пространством было болото, его я видел еще давно, в молодости, на болоте росла кислая клюква, она помогала от простуды почти так же хорошо, как и порка. Но это давно.

И вот вдруг поле.

Однако, когда я пригляделся, я обнаружил, что это не поле и не болото. Это...

Я не знал, как это называлось. Деревьев никаких. Никаких. Они были словно срезаны. Прямо под корень. Кто-то взял великанский нож и аккуратно спилил все, что тут росло. Пространство выглядело совершенно пустым и гладким, не было ни веток поломанных, ничего. Пни торчали почти вровень с землей и общей гладкости территории не нарушали. Пустота распространялась далеко, не знаю, километра, наверное, на два в экваторе. И я стоял на краю этой пустоты, раскрыв от удивления рот. Нет, определенно наступили странные времена. Твари объявились, диких ловят, пустые пространства встречаются... Куда все катится?

— Куда все катится?

Спросил я вслух и сделал то, чего не надо было делать. Допустил ошибку. Непростительную.

Никогда не выходи на открытое пространство. Так учил меня Хромой. Вокруг, в десяти шагах от тебя, всегда должно быть что-то, на что можно залезть или куда можно спрятаться. В нашем новом мире нетрудно соблюдать эту заповедь, в нашем мире нет открытых пространств. Вокруг всегда деревья. Иногда дома.

А сейчас вот...

Не знаю, что меня толкнуло на эту проплешину. То ли лень, то ли глупость, то ли любопытство. Все, все вместе меня туда толкнуло. Мне очень вдруг захотелось посмотреть, что там в центре находится.

И я шагнул на это открытое пространство.

Ничего не случилось. Я постоял немного на пне, ботинки встряли в свежую смолу, так что я даже прилип чуть. Перепрыгнул на другой пенек, где смолы было побольше, веточкой подобрал уже успевший побелеть комок и принялся его жевать. Смола всегда меня освежала, во всем хвойном кроется особая сила, помогающая омолодиться и быть бодрым. Хромой знал секрет особого елового кваса, этот квас варился трое суток, в него добавлялась свежая еловая зелень, смола, кора, можжевельные ягоды и какие-то травы, какие именно, я не успел разведать. Хромой залезал в бочку с этим квасом и спал в нем всю ночь, а на следующий день начинал болеть, с него слезала кожа, а еще через день нарастала новая. И Хромой становился ловким, сильным и быстрым, уходил в лес один и возвращался с богатой добычей. Молодел.

И все из-за хвои. Хромой не успел передать мне квасной секрет, сказал только, что смолу надо жевать при каждом удобном случае.

Вот я и жевал.

Смола с пенка оказалась крепкая, у меня полезли слезы, я зажмурился и весело пошагал вперед. Скок-поскок, скок-поскок. Я прыгал, и это перепрыгивание как-то меня заипнотизировало, что ли, я зацепился за ритм, а потом принялся и считать собственные прыжки, как всегда. Как всегда.

Так я преодолел почти все это выкошенное в лесу поле. Мне с чего-то вдруг представлялось, что в центре этого поля я обнаружу то, что прояснит его происхождение. Но ничего я не нашел в центре, там тоже было одинаково.

Я преодолел серединку поля и порадовался, по полю ведь шагать гораздо легче, чем по лесу. Легче, чем по полю, только по дороге. Остановился, поглядел вверх. Неуютность почувствовал как всегда на открытом пространстве. Но и весело как-то. И вокруг такие желтые пятна, как на рыжиковую поляну попал.

Пахнет хорошо.

Я подышал, выплюнул сжеванную смолу и направился к опушке. Когда до нее было меньше ста метров, я почувствовал... Недоброе со стороны леса.

Если бы дикие не убили Волка, этого бы не произошло. Он учуял бы опасность гораздо раньше, он бы меня предупредил. А новый Волк был слишком мал, щенок еще, он никак меня не предупредил, а сам я прохлопал...

Когда из деревьев выпрыгнул первый заяц, было уже поздно. Бежать некуда. Ни вперед, ни назад, ни вообще куда-то. Оставалось только вверх. В небо. Взлетать.

Все пошло плохо. С того самого времени, как умер Хромой. Я уже тогда почувствовал, что все не так. И как я подумал, так оно и случилось. Одно цеплялось за другое, все катилось под гору, катилось-катилось и докатилось — я на поле, а на меня несется заяц.

Это потому, что я маленький еще. Не взрослый. Не мудрый. Если бы я был мудрым, то все сложилось бы по-другому. У меня даже слезы навернулись от обиды. Ну, что все так кончилось. Глупо. И наверняка больно.

Даже пожить не успел. Ягуара не воспитал.

Заяц летел на меня, щелкал челюстями, порывивал, расстояние быстро сокращалось.

Я вытащил огнестрел. Не спеша, торопиться уже бесполезно. Огнестрел против зайца — лучшая вещь. Заяц чуть больше самого крупного кролика. Попасть в него легко. Правда, прыгает шустро.

Когда осталось метров пять, я выстрелил. Огнестрел превратил зайца в клочья, до меня долетели только уши. Я их зачем-то поднял. Такие серые.

И буквально через секунду из леса выплеснулась волна. Десятки, сотни зайцев. Серо-бурая масса, ее будто выдавили через деревья, и она немедленно понеслась ко мне.

Зайцы. Откочевка. Почему откочевка? Зайцы откочевывают по первому снегу, с чего они вдруг сейчас сорвались-то? Еще рано...

Обидно.

Самое смешное — зайцы не хищники. То есть мясом они не питаются, травкой, ягодками, кореньями. Но при этом набрасываются на все, что движется — от мыши-полевки до оленя. Кусают, бегут дальше. У зайца в челюстных мышцах скапливается болевая усталость, которая сбрасывается, только если заяц кого-нибудь цапнет. И он цапает. А в ране остается зараза, она со слюной передается. Три укуса почти смертельно, при откочевке зайцы опасны особо.

Зайцы летели ко мне. Не ко мне, в общем-то, а по своим безумным надобностям, меня они искушают по пути. Сбросят челюстное напряжение, немножко расслабятся — и дальше.

Я не стал стрелять, бесполезно, я не мог ничего сделать.

Я просто сел и повернулся спиной.

Та дикая на меня как-то посмотрела... странно. Странно смотрела... И там, на пляже... Тварь... Она тащила дикого на спине. Хромой так таскал баранов... Бараны, овцы, маленькое стадо, бараны, овцы. И Хромой таскал их на спине...

Точно так же.

Глава 14

Запах мяса

Мы сидели в большой комнате, жгли костер. Надо было вскипятить воды для чая. Нам повезло — в одном из домов Бугер отрыл несколько жестяных банок со слонами и тиграми, и мы прирастали к сладкому чаю. Каждый день пьем теперь по пять раз.

Чай — отличный напиток, тем более что Бугер сумел отыскать несколько банок коричневого очень сладкого сахара. Бугер вообще оказался прирожденным разведчиком, ничуть не хуже Хитча, мне кажется, Хитч даже на него злился немного из-за этого. Ну, до того, как Бугер не подарил ему банку этого самого коричневого сахара, причем умудрился достать сахар, который сохранил свою кусочковую форму.

Ладно сахар — самое главное другое. Бугер нашел дисплеи. Уже на третий день. Много, почти всю норму. Это был совсем неприметный дом, без окон, низкий, явно не для жилья предназначенный. Наверное, склад. И этот склад от пола до потолка заполняли коробки с экранами. Мы тут же взяли пять коробок и проверили дисплеи в танке, из пяти не работал только один. Это был отличный результат, просто прекрасный, обычно все случалось наоборот. Два дня мы перетаскивали добычу в прицеп танка, проверяли, грузили, крепили, заливали амортизационной пеной. А потом, когда прицеп оказался забит уже почти под потолок, Хитч объявил отбой. И сказал, что теперь мы можем немного отдохнуть и пожить для души.

— Вы когда-нибудь жили для души? — спросил он. — Жили? Нет. Вы только работали, работали и еще раз работали! И ничего интересного в вашей жизни не было. А теперь рейд! В рейде свои законы! Свои!

Хитч еще долго болтал о том, что нам крупно повезло, что нас взяли в рейд, что на самом деле мы недостойны даже близко стоять с кораблем, нас надо переделать в смазку для драги, ну и все в том же духе. Выговорившись, Хитч махнул рукой и сказал, что теперь мы можем обследовать город на предмет свободного поиска вещей. Только при этом не следует забывать золотое правило — в одиночку никому.

Так что времени свободного у нас было теперь много. Мы бродили по улицам, заходили в дома, переворачивали там все, искали, жгли костры. Было легко, хорошо и

холодно. Тут всегда холодно, так холодно, что мне даже казалось, что сердце стало медленнее биться. Хитч сказал, что те, кто ходит в рейды, живут гораздо дольше обычных людей. Потому что скорость метаболизма снижается, все органы отдыхают и восстанавливаются. Поэтому даже поговорка такая есть — время рейда не засчитывается в срок жизни...

Да, планета оказывает полезное воздействие. Жаль, что недолго. Сердце замедляется, а давление растёт. Органы восстанавливаются, но если у тебя есть опухоль, даже самая маленькая, она начинает немедленно расти. Так что не все так просто.

— Вам повезло, сволочи, — смеялся Хитч, — вы сможете дотянуть до правнуков!

Повезло, это точно.

Конечно, сложности тоже встречались. И немалые. Спина. У меня, даже несмотря на все компенсаторы экзоскелета, болела спина. Так что приходилось все время делать уколы. А после уколов плохо свертывалась кровь — она стала слишком жидкой из-за того, что мы много пили воды. Так что руки у меня все время кровоточат. Из-под ногтей сочится. И глаза тоже. Давление другое, сосуды лопаются, кровь течет...

К тому же я очень поправился. Тоже из-за воды. Жидкость стремительно накапливалась — эффект компенсации. Наверное, я набрал килограммов пять, не меньше. И от этого спина болела еще сильнее.

И не только у меня, у всех. Но даже спина и кровь не мешали мне, да и всем остальным получать удовольствие от рейда.

Мы пили чай с сахаром и жгли костры, не для того, чтобы обогреться, а потому что жечь их было приятно. Огонь получался оранжевый, запах от него шел удивительный, особенно если топить настоящими дровами, а не мебелью, как предлагал сначала Хитч. Правда, дрова надо было сначала заготавливать, но я к этому быстро приспособился с помощью электропилы. И значительную часть времени мы проводили в компании огня и воды.

Вот и сейчас, я, Хитч и Джи сидели в большой комнате и собирались заварить чай по второму разу, я уже отмеривал пригоршней листья, как вдруг показался Бугер с большой бумажной коробкой.

Бугер отправился бродить по зданию еще с утра. Он был упрямым, продолжал надеяться на конфетную фабрику и обладал энергией десяти человек. Сначала Хитч пробовал Бугеру запрещать бродить уж совсем в одиночку, потом оставил. Город был пуст, это любому понятно. Город большой, много-много километров в диаметре. Мы исследовали только часть, один квартал на окраине. Нашли дисплеи — повезло, а больше ничего интересного не встретили. Этот город то ли новым был совсем, то ли его выселили во время болезни.

Хитч говорил, что пустота, скорее всего, только по границам, в центре все не так, но мы пока к центру не ходили. Хитч не хотел.

Утверждал, что у него предчувствия, говорил, что к центру соваться не стоит, потому что там ничего хорошего нет, все интересные вещи в городах размещаются по радиусам...

Поэтому мы сидели на третьем этаже дома на окраине. До этого мы обыскали четыре точно таких же дома и не нашли ничего. Все помещения оказались пусты, только пыль, толстый ковер пыли и ничего больше.

— Смотрите, что я нашел! — воскликнул ввалившийся в комнату Бугер.

И бережно опустил ящик на пол перед огнем.

Хитч подтянул ящик ногой и перевернул. Я подумал, что сейчас на пол вывалятся носители. Ну, или конфеты. То, что просыпалось, не походило ни на то, ни на другое. Это были маленькие фигурки из пластика, изображавшие автомобили, летающие машины, животных, еще что-то.

— Что это?! — восторженно спросил Джи. — Что это такое?!

— Это игрушки! — так же восторженно ответил Хитч. — Игрушки!

Нет, Бугер был на самом деле везучим человеком. Игрушки ценились высоко, рейдеры

натыкались на них нечасто. Игрушки запрещены. Но, если честно, не очень строго, многие провозят. Отец рассказывал, что во времена болезни некоторые люди сходили с ума и начинали уничтожать игрушки. Считалось, что они как-то влияют на распространение болезни, так что игрушек осталось совсем мало.

А Бугер приволок целую коробку, нет, тянет его на все запретное, это точно.

— Повезло нам, — сказал Хитч, — повезло... Очень.

Он подтянул к себе игрушку, похожую на ракету. Джи взял подкатившуюся трубку, очень напоминавшую подозрную, а мне досталась машина, смахивающая на наш танк. Даже пушка сбоку торчала, получилось, что я вроде как держу на ладони танк.

Забавно...

А сам Бугер наклонился над коробкой и достал из нее шар. Прозрачный, стеклянный, а внутри какая-то башня и вода густая болтается. Бугер встряхнул этот шар, и в шаре закружились белые кусочки, будто бы там зима наступила вдруг.

Я никогда не видел зиму, и это было очень красиво. Мы смотрели на шар минут, наверное, пять, потом я понял, что если я еще немного на эту карманную зиму погляжу, то голова окончательно запутается, и станет мне плохо. Нет, недаром игрушки в прошлый список запретных вещей включили, так и надо.

Я решил пойти прогуляться, чай потом попию лучше. Поднялся, проверил фризера и отправился бродить по дому. Решил подняться наверх, на крышу. Я никогда еще на крыше не был, хотя к небу уже привык, как постепенно я привыкал и к планете. Хитч правильно все предсказывал.

До крыши было далеко, я не торопился, да и взбираться оказалось трудно.

На восьмом этаже я остановился передохнуть. Прислонился к стене, стоял, дышал. Рядом со мной было окно, я не утерпел и выглянул. Ничего страшного я не увидел. Город.

И ничего со мной не произошло. Ни тошноты, ни головокружения, даже сердце не забилося. Нет, я слишком уж быстро адаптировался, может, это ненормально? Неплохо бы посоветоваться с отцом, но не получится. Сейчас отец занят, он готовит корабль к обратному переходу, вряд ли ему разрешат со мной поговорить... Ладно, вернемся домой, схожу к доктору...

Хитч говорил про правило четвертого этажа. Выше четвертого этажа не подниматься, вниз потянет... Чушь. Не тянуло меня совсем. Город сверху красив, очень белый, так что даже в левом глазу начинало прыгать слепое пятно. Белый, стремящийся к небу, наверное, в таком городе очень хорошо жить...

И тут я увидел кошку.

То есть котенка. Настоящего котенка, живого, желтого цвета, он появился на лестнице и теперь смотрел на меня зелеными глазками. Я тут же вспомнил. Вспомнил, о чем просила меня Эн. О котенке. Вот он, котенок, в метре от меня. Стоит, смотрит. Везение, просто необычное везение.

Я почему-то испугался. Вернее, растерялся. Котенок был мизерный, я мог бы его легко раздавить, мог бы схватить его, сжать в кулаке...

А я улыбнулся. У меня красивая улыбка, это все отмечают. А котенок надулся и зашипел, и я вдруг понял, что я совсем не люблю кошек.

— Киса-киса, — сказал я и попытался издать еще такой чавкающий звук губами.

Котенок выгнулся сильнее. Я почувствовал запах, исходящий от него. От котенка воняло. Чем-то. Может, им самим. Воняло... Но это ничего, мы его помоем. Почистим. К тому же вонять он будет не у меня, а у Эн, а сейчас мы его немножечко заморозим, так он и вообще вонять перестанет...

Я начал потихонечку разворачиваться, стараясь, чтобы фризера как следует лег в руку. При этом я принялся сюсюкать и гузюкать, у меня из головы совсем вылетело, как нужно подманивать кошек. Но гузюкал я вроде как правильно, котенок заинтересовался, сдулся, пригладил шерсть и направился ко мне. И я тут же выстрелил.

Желтый котенок подпрыгнул и от оледенения увернулся, заряд заморозил лестницу и

часть стены, с нее посыпалась голубая плитка: шелк-шелк-шелк. Я тут же выстрелил еще, но зверек уже удирал наверх, я устремился за ним.

Котенок визжал и скакал по лестнице, как маленькая рыжая ракета. Я отставал, мне было не очень легко бежать, но я старался, старался хотя бы удержать его в поле зрения...

Котенок добрался до конца лестницы и вынырнул на крышу. Отлично! С крыши он никуда не денется!

На крыше было светло и много воздуха, котенок подскакал к краю и вспрыгнул на ограждение. Далеко, от меня метров двадцать. Фризером не достать. А если даже попаду, то этот дурачок свалится вниз и наверняка расшибется. Значит, надо подобраться ближе...

Я стал подкрадываться. Хотя как тут подкрадешься — крыша была абсолютно ровной, спрятаться негде. Я согнулся почти вполовину и медленно трусил к ограждению, на цыпочках, ну, насколько можно перемещаться на цыпочках в комбинезоне и экзоскелете.

Котенок же был явно легкомысленным животным — он вспрыгнул на ограждение и шагал теперь по самому краю парапета, задрав хвост. Нет, животные — непредсказуемые существа, наверное, не зря у нас все животные запрещены. Хотя я слышал, что некоторые втайне содержат рыбок. Это считается роскошью, это считается изыском. А котенок будет покруче рыбок. Хотя рыбок, конечно, содержать гораздо проще, рыбки не скачут и не пищат. С другой стороны, им вода нужна все время. И чистая...

Интересно, а можно что-то сделать, чтобы котенок не орал? Наверное, можно. Вон три года назад у Бугера родился брат, так он как родился, так все время орал, никак не мог замолчать. Сделали томографию и обнаружили, что у него какой-то центр в мозгу гиперактивирован. Поэтому он и кричал. Парня стали готовить к операции, а пока, чтобы он не орал, ему решили подрезать голосовые связки. Доктор взял скальпель и поковырялся в горле у братца Бугера, и тот замолчал. После чего он неплохо перенес операцию, живет себе, правда, разговаривать все еще не может, молчит. Если немного нашему доктору заплатить, то он, я думаю, поможет с котенком...

А если котенок не захочет есть капсулы? Ну, это не моя забота, пусть Эн с этим разбирается. Может, он грибы будет есть. Или солидол.

Нет, котенком станет Эн заниматься, а я и думать не собираюсь про это даже...

Дунул ветер, котенок крутанулся на парапете, его повело в сторону, стащило, и он повис на передних лапках.

Я рванул к краю крыши, побежал так шустро, что демпферы в комбинезоне взвыли, а в глазах покраснело. Так разогнался, что едва остановился. И вовремя остановился — еще чуть-чуть и меня бы перетянуло через парапет. Пришлось даже падать на бок, тормозить собой, ребрами, экзоскелет опять выручил. Ударился я сильно об ограждение, поднялся на ноги почти сразу. Увидел котенка. Он был тут же, передо мной, вскарабкался, зверюга.

— Мяо! — сказал котенок.

До чего же мерзко они кричат! Нет, это просто невыносимо. С чего, интересно, Эн решила завести котеночка? Лучше бы завела змею, они вроде бы молчаливые.

Глупая идея... Котенок! Чего-то он там лечит...

Котенок сорвался снова, на этот раз совсем. Я не успел его подхватить.

Не повезло, подумал я, и заглянул через край.

Котенок не упал. Прямо перпендикулярно от крыши шла решетчатая ферма непонятного назначения, котенок сидел на ней. Умывал лапки. Прямо как в мультфильме.

Я стал опять булькать и крякать, стараясь подманить котенка к себе, и опять он вроде как заинтересовался...

Но тут я посмотрел совсем вниз.

И тут же почувствовал, как в пятке правой ноги появилось странное, какое-то теплое и одновременно холодное чувство. Оно тут же поползло вверх, добралось до паха и спустилось обратно, уже в левую пятку. Теперь обе пятки мне уже не просто пекло, они жутко чесались! Чесотка эта немедленно распространилась по всему организму, мне захотелось сбросить комбинезон и как следует расцарапаться, а еще через секунду я почувствовал, что если

сейчас не прыгну вниз, то просто взорвусь.

Я попробовал справиться с этим чувством, но почти сразу понял, что бороться бесполезно. Тянуло вниз здорово, просто волокно. Высота манила, стучала в ушах горячими молотками, я перестал сопротивляться, перебрался через парапет и сделал шаг. И тут же меня схватили за шиворот и втащили обратно.

Это был Хитч. Он стоял прямо передо мной, чего-то орал, размахивал руками, но я не слышал, что он говорит, я слышал только кровь, бившую мне в глаза и уши. Хитч понял это, вскинул руки и резко ударил меня по голове кулаком.

И тут же это дурацкое гудение прекратилось. Как будто выключили его. И я стал самим собой, нормальным.

— Чуть не прыгнул, — глупо сказал я. — Почему-то...

— Я же говорил. — Хитч был спокоен. — Я же говорил — вниз не смотреть.

— Да уж...

— А теперь погляди.

— Что?

— Погляди вниз, я подержу.

Хитч взял меня за локтевую штангу экзоскелета.

Я осторожно выставился за край парапета. Высота. И ничего. Никакого шума, никакого чеса, никакого желания прыгнуть. Просто высота.

— После первого раза возникает устойчивый иммунитет, — пояснил Хитч. — Организм вспоминает, кровь поколений. Теперь можешь спокойно смотреть с высоты. Всю жизнь.

И я смотрел. Внизу котенка не было. Он не упал и не разбился, растворился просто в воздухе... Или улетел.

— Чего высматриваешь? — хитро спросил Хитч.

— Интересно просто... Высота.

— Высота и воздух даром... — задумчиво изрек Хитч. — Я знал одного человека, так он рассказывал, что с парашютом прыгал.

— Как?

— С парашютом. Ну, помнишь тот мультфильм? Где выпрыгивают из самолета?

Я помнил.

— Так вот, этот человек рассказывал, что в первые рейды было все несколько по-другому. Люди нашли вертолеты, стали пробовать летать. А некоторые даже прыгали с парашютом. Вот представь — летит вертолет, высота километра три, а из него выходят люди. И два с половиной километра летят вниз! В пустоте! Так за кем ты тут охотился?

Я представил, и меня качнуло в сторону парапета. Вздрыгнул я даже от такого. Хитч опять меня поймал.

— За кем охотился?

— Ни за кем... Просто гулял...

— Гулял... Что видел?

— Ничего...

— Маленьких человечков? Чертей?

Хитч ухмылялся.

— Многие видят, — сказал он. — В этом ничего такого нет, это вариант нормы. Я видел бабочек. В первом рейде.

— Бабочек?

— Капустниц, они так назывались. Как останусь один, так они начинают над головой кружиться, думал, с ума сойду... Потом рассосались. У тебя тоже рассосутся. Что там у тебя?

— Ничего.

— Понятно. Можешь не рассказывать. Только ты не очень на них внимания обращай...

— Пойдем отсюда, — буркнул я и направился к лестнице.

— Не обращай внимания! — крикнул вслед Хитч. — Не обращай...

Я спускался. Думал. То есть пытался понять. Отчего все это случилось. То есть я просто увидел этого котеночка, или я увидел котеночка потому, что меня о нем попросила Эн?

И вообще — был ли котенок?

Отец рассказывал про штуки, которые может выкидывать на планете психика. Про сны, про ощущение скрытого взгляда, про тряску... Про то, что людям являются котята, я не слышал. Черти? Кто такие черти? Или что? А если мне снова котенок покажется?

Что мне делать? Вообще, конечно, котенок странный какой-то. От фризера не каждый увернется, так что, может, он на самом деле привиделся? А если он меня начнет преследовать? А если он теперь за мной всю жизнь ходить станет? Нет, правильно я не сказал Хитчу про котенка. А вдруг он списки какие-нибудь составляет? Тех, к кому бабочки прилетают? Или котеночки прискакивают? А потом тех, кто в этих списках, к работам не допускают. Или еще какие-нибудь ограничения...

Нет, лучше молчать.

Я спустился до третьего этажа, вошел в комнату.

Джи и Бугер продолжали сидеть на полу. Костер прогорел, образовались угли. И рожи у Бугера и Джи были такие сальные и коварные, будто они сожрали целого поросенка.

И воздух был наполнен плотно — запахом жареного.

Мяса.

В первый же день рейда Хитч заморозил птицу. Он сказал, что это чайка, но я думаю, что это было не так. Я читал книгу про чаек, они белые. А эта птица была пестрая, мне казалось, что это фазан. Хитч взял этого фазана, насадил его на железный прут и разместил над огнем.

Перья обгорели быстро, и скоро вокруг пополз удивительный, дикий, безумно волнующий запах, у меня от него даже в глазах затемнело.

А потом фазан изжарился и стал пахнуть еще сильнее. И выглядел...

Никогда не видел жареного.

Как и все мы. За свою жизнь я пробовал всего три вещи: пищевые капсулы, помидоры, конфеты. Нет, четыре — еще редиску. Больше ничего. Я никогда не видел жареного, но откуда-то при этом я знал, что это чудовищно вкусно.

Хитч пожарил фазана, и мы долго смотрели на него, и вдыхали его, и даже трогали, чтобы запомнить его на ощупь.

А потом Хитч фазана этого выкинул. Есть его было нельзя.

Микробы, неподготовленность желудка, еще двадцать причин... Мы не могли тут есть ничего. Ничего. В мире, полном еды, нам приходится глотать капсулы. С них уже тошнит, однако ничего другого нельзя. И у нас появилась роскошная привычка, можно даже сказать, традиция — перед тем как приступить к глотанию капсул, мы что-нибудь всегда жарим. Для поднятия аппетита.

Вообще я подозревал, что запрет на мясо был не только физиологическим. Просто еда опасна. Психологически. Руководители рейдов опасаются, что мы привыкнем к нормальной, настоящей пище, что мы не захотим от нее отказаться, что нам будет трудно возвращаться домой.

Или мы не захотим возвращаться.

Интересно, а были случаи, когда люди добровольно уходили? Вернее, добровольно оставались. Пропавшие без вести, их довольно много... Нам неоднократно говорили, что человек не может выжить на планете дольше трех месяцев. Мы слишком слабые. Слишком слабые мышцы спины, они не смогут долго держать позвоночник, а это перелом, это смерть, опять же сердце, сосуды...

А если это не так?

Если мышцы адаптируются? Если давление нормализуется? Если сосуды укрепляются? Если пропавшие без вести люди живут себе на планете? Если они тут давно образовали свою

колонию? И рассказы о пришельцах Хитча и есть рассказы про этих выживших?

Надо спросить...

Кого?

Хитча? Соврет.

Отца? Отца не спросить.

Некого спросить.

В комнате пахло жареным. С горчинкой аромат, пряный, какая-то специя. Бугер отыскал жестянку с похожей на пыль красной приправой и щедро сыпал ее на каждое блюдо, придавая запаху новый вкус. Но даже сквозь пряную завесу я почувствовал, что жарили они кролезуба. Новый зверь, результат генетического буйства времен эпидемии. Хотя Хитч вот считает, что кролезуб был создан специально, когда гены кролика смешали с генами собаки. Выводили существо, которое могло со страшной силой и скоростью набрасываться на солдат противника и поражать его посредством укусов. От кролика у кролезуба была прыгучесть и, судя по запаху, вкусное мясо, от собаки мощные челюсти. Кролезубов в лесу полно, приморозить ничего не стоит. Поэтому мы его жарили часто.

Я поискал кролезуба. Не видно вроде.

— Сожрали, что ли? — спросил я у Бугера.

— Сожрали... Если бы... В окно выкинули...

— Точно? — появился Хитч. — Точно выкинули? Если у вас начнется заворот кишок...

— Выкинули, — со вздохом сказал Джи. — Да выкинули, на самом деле... Он гореть начал, жиру много внутри оказалось.

Хитч подошел к окну.

— Верно, выкинули. Сколько еще осталось?

— Три. — Джи показал пальцами. — Уж разморозились почти, может, пожарим?

— Потом... Не надо излишеств... Оставим до вечера.

— Что это ты такой перекореженный? — с подозрением поинтересовался у меня Бугер. — Глаза в разные стороны смотрят...

— Привидение, наверное, увидел, — усмехнулся Джи.

Они засмеялись, и Джи, и Бугер, а Хитч не засмеялся.

— Привидений нет, — сказал Хитч, — но кто-то есть...

— Только не начинай опять про пришельцев. — Бугер встряхнул свой шар. — Слышали уже сто раз.

— Это полезно слушать, — огрызнулся Хитч. — Те, кто слушает, возвращаются к папке и к мамке живыми...

Бугер насупился.

— Да брось, Хитч, — вмешался Джи. — Брось. Мы и так прекрасно помним, что мы не дома. Но ты же сам знаешь — тут безопасно...

— Вчера, — не услышал его Хитч, — вчера я поднялся на крышу, перед самым закатом. Помните? Ведра расставлял...

Хитч каждый день расставляет на крыше ведра, собирает росу. Он считает, что роса — это все равно что живая вода, что с помощью нее можно значительно продлить свое существование. Я в это не очень верю, по вкусу роса как обычная вода, но Хитч думает, что это слезы неба.

— И вдруг мне почудилось, что я что-то увидел, — продолжал свой рассказ Хитч. — Какое-то смещение на периферии зрения...

— Неоригинально, Хитч, — сказал Джи. — Ты бы чего-нибудь придумал поинтереснее, каждый раз одно и то же...

Это и на самом деле была уже, наверное, восьмая сказка про пришельцев, которых лицезрел Хитч. Он их частенько видит, чуть ли не каждый день, даже скучно.

— Пришельцы, — продолжал Хитч, — в этот раз я видел их отчетливо. Такая здоровенная, даже выше нашего Бугера, тварища. Она перешла улицу...

— Ну да. — Джи смотрел в трубку, поворачивая ее, при этом в его глазу отражались разноцветные переливы, трубка была непростая. — Ну да, пришелец перешел улицу...

Он как-то так смешно это сказал, что мы расхохотались, даже Хитч не удержался.

— И все равно они здесь, — сказал он сквозь смех. — Пока людей нет, они потихонечку тут осваиваются, захватывают, так сказать, жизненное пространство. И рано или поздно нам придется с ними столкнуться...

— Да-да, война миров и все такое, — зевнул Джи. — Знаем. Слушай, Хитч, вас что, на самом деле обучают этому? Так скучно и нагло врать?

— Что?! — Хитч повернулся к Джи.

— Вас учат нагло врать или ты сам такой талантливый? — повторил Джи.

Я ожидал чего-то подобного. Что Джи столкнется с Хитчем. Слишком уж Джи не такой был, что-то он все время думал на заднем плане.

— Я что-то не пойму, — очень негромко и очень четко сказал Хитч. — Я что-то не пойму, ты чего? У тебя что, ко мне какие-то претензии есть?

И так ненавязчиво принялся проверять фокусную камеру фризера.

— Ничего.

Ответил Джи и прицепил к фризеру дополнительный магазин с зарядами.

— А я слышал про игрушки-убийцы, — вдруг сказал Бугер.

Специально. Чтобы разрядить обстановку.

— От Ризза, — тут же добавил Джи, решил не раскручивать конфликт. — Про игрушки он от Ризза узнал. Забавная история, стоит послушать.

— Ну, расскажи, — сказал медленно Хитч и отложил в сторону оружие.

Бугер стал рассказывать. История оказалась на самом деле интересней заплесневелых басней Хитча про пришельцев. История, почему игрушки входят в список запрещенных предметов.

Раньше, когда еще игрушки можно было ввозить свободно, стали происходить странные и необъяснимые вещи. Привозил человек игрушку, совершенно безобидную, ее проверяли на наличие вредных веществ, радиации, ну, одним словом, проверяли. А потом этот человек умирал. Не погибал, не болел, а просто умирал. Вечером был еще живой, а утром уже нет. И никак не могли понять, отчего... Пока не заметили, что рядом с мертвыми всегда обнаруживались эти детские штуки...

— А я слышал, что у них на лицах еще улыбка была, — перебил Джи.

И улыбнулся.

И меня почему-то пробрало по спине морозцем от этой его улыбки.

— Говорили, что это проклятие, — продолжил Бугер. — Что в игрушки как бы перешли души их предыдущих хозяев и эти души мстят...

Бугер замолчал.

— Зачем ты тогда это притащил? — Я указал на ящик.

— Так это давно было... Давно, и оно уже прекратилось... Я изучал почти семьдесят лет... планетарных, конечно. Я знаю многих, кто хранит игрушки...

Бугер понял, что лишнее брякнул, Хитч поглядел на него хищно.

— Игрушки — это просто игрушки, — сказал Джи. — Пластик и дерево. И стекляшки...

— А если...

Мы все переглянулись.

— Ладно, с меня хватит. — Хитч отобрал у Джи трубку, отобрал у Бугера шар, швырнул обратно в коробку.

— Ты чего? — не понял Бугер.

— Ничего.

Хитч поднял коробку и выкинул ее в окно. Игрушки не брякнули, их там внизу словно кто-то поймал в знакомые мягкие лапы, и это тоже прогнало у меня по хребту ледяную волну.

— Все. — Хитч постучал ладонью о ладонь. — Больше никаких игрушек. — Сейчас обед, затем выдвигаемся вдоль улицы. Кто побежит за капсулами?
Мы сыграли в «камень, лезвие, пластмассу», проиграл Бугер.

Глава 15

Дикие

Привязалось к одному человеку Злосчастье. Сам он виноват был, дурак потому что. Шел себе шел, вдруг видит — лежит в канаве кукла. Ему плюнуть надо было да дальше идти, а он с глупости ее подобрал. И прилипло к нему невезенье. Да такое, что продохнуть нельзя совсем. Пойдет гулять — ногу вывихнет, из колодца воду начнет доставать, а там плевков или жаба, жизни совсем нет. И никак от этой куклы ему не избавиться было. Что только он не делал, даже в костер кидал. Кинет, палкой придавит, смотрит, как кукла горит. А на следующий день опять ее находит. То у дверей, то на лавке. Камней к кукле привяжет, и в реку, тоже никакого успеха. Никак не отвязаться. Загрустил тогда уже мужик совсем, закручинился...

А чем все дело закончилось, я так и не узнал — книжки была только половина, другой половины нет, оторвано все напрочь, такое часто у нас приключается, такая вот экспедиция. Кстати, однажды со мной вообще странная вещь произошла, на дальнем юге, на таком юге, куда мы с Хромым только раз забирались. Забрались — и пожалели, жарко так, что из кожи хотелось выпрыгнуть просто. И обезьян много. Нет, на севере тоже обезьяны встречаются, но столько обезьян, сколько в том городе, я никогда не видел. И все такие мелкие, гадкие, кидаются камнями и стараются стащить все, что попадает под руку. Но не о том я. Там такой был большой город незаросшего типа, мы по нему бродили долго и, в общем-то, бессмысленно, туда-сюда, а потом нашли библиотеку. Вообще несъеденную. Времени у нас много, решили в этой библиотеке посидеть. Почитать в свое удовольствие, отдохнуть, полезное, может, что узнать. И вот что в этой библиотеке мы обнаружили. Там были, конечно, книги. Много книг, разных. Но и еще кое-что. Картинки. Вырванные из этих книг. Кто-то очень постарался, все эти книжки выдирая. Правда, я совсем не понял, зачем все это было сделано, картинки лежали просто горами.

А Хромой тогда чего-то призадумался. Я бегал по библиотеке и выбирал полезные книжки, ну, к примеру, книжку про то, как шкуры дубить и из этих шкур пошивать одежду, про то, как с оружием обращаться, другое разное. А когда я вернулся, то обнаружил, что Хромой разложил по полу вырванные страницы и теперь их вовсю изучает. Я пригляделся. И мне даже не по себе стало — на всех этих вырванных страницах были люди. Фотографии, картинки, и на этих картинках везде люди. Не животные, а именно люди.

Что это было, мы так и не поняли. Хромой сказал, что это, наверное, еще со времен заразы осталось. Кто-то с ума сошел и по-вырывал все эти изображения. Объяснил он мне все это вроде как. Но я-то понимал, что он это сказал только для того, чтобы меня успокоить, я тогда еще был маленький, но тем не менее видел, что страницы из всех этих книг вырваны совсем недавно.

Страшно мне тогда стало...

И вот, значит, про сказку эту, про Злосчастье. В голове все крутится, крутится, Злосчастье, Злосчастье... И все эта кукла... Но мне Злосчастье не куклой представлялось, а таким мужичком-кулачком. И почему-то одноглазым. Эциклопом, короче, а на правой ноге вместо ноги копыто. Меня эта сказка очень неприятно удивила, я даже спросил тогда у Хромого: бывает так или нет? Хромой только рассмеялся и сказал, что не, не бывает.

А бывает.

Тогда ведь мы нашли как раз. Куклу. Шли по лесу, шли, вдруг Хромой остановился и указал пальцем. Я поглядел, а под осиной кукла сидит. Но не обычная, не пластиковая, а из каких-то веревок и тряпок связанная, такая грязная-прегрязная, а лица нет — ни глаз, ни рта, ни носа, одна тряпка.

А сказку эту не вспомнил, только сейчас вспомнил. А надо было тогда вспомнить, надо...

Потому что Хромой умер. Глупо, не так, как должен умирать человек. Человек должен отходить дома, в своей постели. И его воспитанник должен стоять рядом и проливать слезы. Это обязательно — проливать слезы. Только когда по человеку плачут, он попадает рай. Рай — это хорошее место. В раю много еды, в раю хорошо пахнет, всегда лето и совсем нет диких, их в рай не пускают из-за вони. Ну, так, во всяком случае, говорил Хромой. И добавлял, что, когда он умрет, я должен буду обязательно над ним хорошенько поплакать. Только Хромой не думал, что у него так скоро это получится, он не предполагал, что наступит на гвоздь.

Гвоздь был самый обычный, ржавый. Хромой наступил на него в старой, сросшейся с землей деревне, мы отправились туда за грушами. Хромой провалился ногой в яму и наткнулся на гвоздь.

Ранка получилась совсем маленькая, на такую даже внимания обращать не стоило, мы набрали две корзины груш и отправились восвояси. Все было нормально, но на подходе к дому Хромой вдруг захромал.

А когда вечером он поглядел на свою ногу, то обнаружил, что она покраснела и распухла. Он приложил подорожник и выпил целый стакан рому с перцем, он всегда так делал, когда заболел, и всегда помогало. А вслед за ромом с перцем хорошо еще пожевать соты с медом, тогда к утру пропотеешь, и все, здоров.

Хромой пропотел, но нога не прошла, наоборот — раскраснелась еще сильнее, так что он уже с трудом ходил даже по дому.

Весь следующий день мы лечили ногу. По-разному: растираниями, змеиным ядом, выпускали кровь. Но она болела все сильнее и покраснела уже до бордового состояния, а ступня начала понемногу чернеть.

К вечеру третьего дня Хромой предложил отпилить ногу до колена. Другого выхода не было, ну, так он, во всяком случае, сам считал. Я был не согласен. Отпиливать ногу — это все равно что самоубийство, как жить без одной ноги?

Но Хромой уже не мог терпеть. Я взял его саблю и хорошенько ее наточил. Надо было попасть выше коленного сустава. Я перетянул ногу, потом дал Хромому две бутылки рому. Он выпил обе. Потом я...

Неприятно вспоминать. И не помогло. Нога продолжала пухнуть, чернеть и болеть. Хромой смеялся. Ну, оттого, что он умирает по такой глупой причине. Он сказал, что если бы тут были люди, то они вылечили бы эту болезнь в два счета. Я очень тогда надеялся, что люди вот-вот прилетят. Прилетят, дадут Хромому лекарство, и он все-таки выздоровеет. Очень-очень надеялся. Что чернота эта рассосется, и мы заживем, хорошо, как до этого жили, и даже лучше.

Хромой мучился. Иногда он терял рассудок и пускался рассказывать сказки. И рассказывал он их хорошо и с выражением, как тогда, когда я был совсем маленьким. Он рассказывал, я слушал. А что мне оставалось делать?

В моменты просветления я предлагал Хромому помочь, ну, одним словом, избавить его от мук, но Хромой отказывался. Говорил, что так нельзя, чтобы попасть в рай, человек должен хорошенько помучиться, это тоже обязательно.

Ну, он и помучился. Целых два дня еще, потом только умер, под утро. Я об этом сразу догадался — Волк развылся, и был не так, как на луну обычно, а мертвенно как-то, очень тоскливо.

Такая экстрадиция получилась.

Я спустился с чердака и убедился, что Хромой умер. Я хотел заплакать, но у меня ничего не получилось, как я ни старался. Тогда я вышел на улицу и как следует хлопнул себя по носу кулаком. Слезы выбились. Вернулся домой и стал плакать.

А Волк, ну, тогдашний наш Волк, он был. Я думаю, что он был на самом деле, от всей своей волчьей души, так что он возместил мою несердечность своею сердечностью. Хотя я

тоже на самом деле переживал, просто слезы не текли и все тут. Для того чтобы плакать, нужна привычка к этому делу, а я до этого случая даже от боли не плакал.

Хромой полежал день, а на следующий он уже совсем почернел, я сделал волокушу и потащил его к асфальтовому стакану...

Я открыл глаза и посмотрел на руку. Посчитал. Раз, два, три. На правой руке. Семь на левой. Только на руках десять укусов. На ногах еще больше. Сколько на теле, на животе и на спине, я не знаю. Много. Мне бы хватило тех, что на левой руке.

Но я не умер.

Времени прошло много, но не больше двух недель — листья на деревьях еще не опали. И тепло. Еще тепло.

Меня спасли дикие. Как это ни прискорбно.

Зайцы прошли через меня, как ураган. И каждый кусал. Каждый. Когда они скрылись в лесу, я не смог подняться на ноги. Укусы неглубокие, но их было много и каждый кровоточил. Следовало собирать смолу, она могла остановить кровь. Я стал собирать, хотя и знал, что это бесполезно — даже если я остановлю кровь, все равно мне это не поможет. Во мне уже столько заячьей инфекции, что на слона хватит.

Слона-на-на...

Я замазал покусыв смолкой. Достал из рюкзака корзинку с Волком. Волк задрал лапку, почесался и улегся рядом. Я высыпал всю рыбешку, которая осталась. Волк с удовольствием принялся за обед. А я лег рядом и стал ждать.

Полыхнуло скоро. Через час у меня задрожали руки. Еще через полчаса — ноги. Потом трясучка навалилась плотно, и я принялся щелкать зубами. Дальше я помню плохо, сознание потерял. Под конец было уже совсем не больно.

Очнулся я уже здесь, в дикарском стойбище.

И первое, что я увидел, — Рыжий. Его заскорузлую рожу, она нависала надо мной и ухмылялась. Я скопился на свои ноги. На месте. А я уж испугался, что этот рыжик мне ноги отрезал из чувства мести. Не отрезал.

Ноги целы, руки не связаны. Конечно, я не могу подняться, но я ведь поднимусь рано или поздно...

Или нет?

Я на всякий случай пошевелил пальцами ног. Ничего, пальцы двигались. И чувствовали. Я не парализован. Попробовал сесть.

Рыжий отскочил в сторону. Сесть я не смог, голова смутилась и поплыла, я свалился обратно. Успел заметить, что я голый почти, в одних шортах. Ни штанов, ни куртки, ни ботинок. Оружия тоже нет. Попробовал подняться еще раз.

Не поднялся. Ослаб. Еще раз поглядел на свои руки. Они были тощими, как пруты. И ребра сквозь кожу выпирали.

Рыжий гукнул, со стороны головы показалась дикая. Я узнал ее, та самая, ну, которую я освободил тогда, вместе с Рыжим. Дикая села рядом со мной, уставилась черными глазами. Смотрела и вроде как все время хотела меня потрогать...

Странно, подумал я, она не воняет. Или нос у меня забился. Я втянул воздух. Нет, не воняет. Дикая почему-то не воняла. Смотрела на меня и не воняла.

— Привет, — сказал я.

Дикая не ответила, протянула мне извилистый белый корень. Постучала зубами. Что мне было делать? Ничего.

И я стал жевать.

Корень оказался горький до помрачения. Но я его прожевал. И проглотил. Наверное, целебный. И вообще, зачем меня травить после того, как они вылечили меня от заячьей инфекции? Незачем.

Дикая сунула мне еще один корень. Второй мне таким горьким уже не показался. Я сжевал еще несколько корней, после чего дикая занялась моими укусами. Лечение было какое-то странное. Дикая стала меня трогать. Рукой. Как-то необычно, Хромой меня никогда

не трогал, лупил только, а иногда подзатыльник еще. А дикая трогала, едва касалась двумя пальцами за шею, за живот, за руки, быстро проводила по лбу, дула себе на ладони и снова трогала. И постоянно пыталась дотянуться до моего уха, того, что было оборвано или откушено далеким неведомым зверем моего детства. Эти прикосновения были мне приятны, от них хотелось спать, а по лицу дикой почему-то бежали слезы.

А потом она стала дышать.

Она приближалась к заячьим укусам и дышала на них теплым воздухом. Под кожей начинали прыгать озорные искры, и от этого почему-то хотелось смеяться. Но я сдерживался, не собирался я смеяться при этих тварях... Нет, неправильно. Твари — это не они, твари — это те, с берега. Которые на машине. Дикие — это просто дикие.

Дикая дышала мне в шею. И не пахла. А я лежал.

Так она продышала на каждый нарыв, и я почувствовал, как мне стало тепло, укусы точно лучились каким-то маленьким добрым электричеством. А под конец процедур она выдала мне еще один корень, только этот был сладким-сладким.

После сладкого мне сильно захотелось спать, и я уснул. А перед тем, как уснуть, подумал, что если дикие могут излечивать от заячьих укусов, то они, наверное, могли бы помочь и Хромому. И жив бы он был сейчас.

Я уснул, а проснулся оттого, что кто-то лизал мне нос. У меня почему-то возникло колючее подозрение, что это Рыжий. Я в бешенстве открыл глаза, собираясь пнуть Рыжего, а если придется, ударить его еще и в кадык — если нет под рукой оружия, бей дикого в шею, а именно в кадык.

И я уже собирался последовать этим заветам, но обнаружил, что никакого Рыжего нет. Ко мне на грудь забрался Волк и теперь с каким-то удовольствием облизывал мне лицо. Увидел, что я проснулся, и отпрыгнул.

Волк подрос. Вернее, поправился. Раньше он был таким тощим и скелетным, как крыса, а теперь стал круглым и эллипсовидным. Я испугался, что это у него глисты и пузо от этого расперло: если глисты, то надо ром в пасть вливать и давать жевать соты, а тут ни рому, ни сот, а если прижились глисты, то...

Не глисты. Просто Волк отъелся. Разжирел, по-щенячьи разжирел. И подшерсток еще вылез, так что Волк стал походить на меховой рыжий мячик, я поймал его за лапу и подтянул к себе.

Теплый и пушистый. И совсем не мрачный. Хотя хвоста нет. То ли зайцы откусили, то ли дикие. А может, дверью прищемило, отсох помаленьку. Где-то тут прищемили... Вот у позапрошлого Волка не было хвоста, и поэтому у него случались трудности. Он если прыгал, то всегда немного промахивался — волк в полете ведь хвостом рулит.

Я сел. В этот раз меня не повело, удержался. Даже на ноги поднялся. И оглядеться смог.

Приближался вечер, все вокруг было желтым от света и от листьев, я однажды какую-то книгу читал: там писали, что тот, кто любит желтый цвет, любит власть. Я желтый люблю. «Как управлять людьми» — так книга называлась.

Лагерь был хилым. Пять шалашей. Рядом тоже кривился шалаш, видимо, меня в него вносили на ночь. Вообще, дикие живут в норах. В мерзких грязных подземных норах, как черви, как крысы, как выухоль болотная. Вот эта их вонь — она от земли исходит. Они пропитываются земным духом и воняют. Когда я устраивал набег на их поселение, я всегда так делал — находил какую-нибудь пластиковую шутовину, обматывал ее немножечко берестой, поджигал. Береста разгоралась, и пластмасса тоже занималась, и тут я все это тушил. Все пускалось сильно дымиться, и после этого надо было кидать эту штуку в нору. Дым получался на редкость едким, так что скоро дикие в норе начинали задыхаться и кашлять. Но терпели. Долго всегда терпели, выскакивали, только когда уже совсем неумоготу становилось.

И я их встречал.

Нет, я не всех их убивал, только диких. Ни одну дикую, ни одного дичонка я никогда не

трогал. Смысл всего этого ведь не в истреблении был, а в том, что надо их было в остратке держать, чтобы не наглели. Да и не зверь я, чтобы всех направо и налево убивать.

Тут нор не наблюдалось, на поверхности что-то все располагалось, на скорую руку. Самих их, кстати, тоже не видать, только Глазунья. Даже Рыжий куда-то делся, наверное, пошел за мухоморами или личинок каких раскапывать. Глазунья сидела ко мне спиной и что-то делала. Я подошел к ней, она, конечно, меня услышала.

— Привет, — сказал я.

И тут же из кустов выскочил этот ее друг и встал между нами, принялся тыкать меня пальцем. Я не стал уже его бить, пусть, они тут главные вроде как. Он меня ткнул, а я отодвинулся, не стал эскалацию затевать. А Глазунья на дикого так зыркнула, что он смялся и в сторону убрался.

Глазунья усадила меня перед собой и смотрела на меня целый час, наверное. И улыбалась. Я заметил, что улыбка у нее красивая, все зубы белые и целые. Обычно у диких зубы — гниль, они от вони у них гниют, а у Глазуни ничего были, даже очень хорошие. Сидела, улыбалась и смотрела. Что это с ней, интересно? Мне даже как-то неловко сделалось, я принялся оглядываться, думал, что у меня за спиной кто-то там стоит такой... Нет, никого.

Так мы и сидели. Пару раз я собирался отойти, но Глазунья с улыбкой брала меня за руку, и мне приходилось оставаться. И так до темноты почти. Другие дикие, между прочим, так и не появились.

Ночью было холодно. Я старался подгрести под себя побольше еловых веток и даже земли, но это плохо помогало, холод все равно втягивался. Диким что, они привычные, а мне плохо. Я пробовал согреться Волком, прижимал его к себе, но толку от него было мало, тепло образовывалось лишь в месте, где Волк прижимался. Помучившись, я вспомнил про старый способ борьбы с холодом. Надо лечь на спину, спрятать руки под задницу и лежать не шевелясь, сначала будет холодно, но надо терпеть и не дрожать, потом постепенно-постепенно тепло станет распространяться, и ты уснешь спокойно. Правда, к утру несколько похудеешь.

Утром я тоже проснулся не сам. Но не от того, что меня лизали в нос. Проснулся от взгляда. Кто-то смотрел на меня. И я проснулся.

Дичата. Трое. Они сидели метрах в двух и разглядывали меня внимательно. А один из них был рыжим. Точно той же масти, что и большой Рыжий. А рожа не знаю, похожа или нет — слишком грязная, точно он всю ночь спал лицом в луже. А тот, что с краю был, еще и дразнил Волка дохлой ящерицей. Были эти дичата тощи и малорослы и угрюмы, как все дичата. Я вот читал, что дети не должны быть такими, они должны все время радоваться и пребывать в хорошем настроении, носиться и подпрыгивать. Наверное, дичата оттого такие, что жизнь у них невеселая, в норе не очень-то повеселишься...

Интересно, что будет, если дать такому конфету? Он, наверное, взорвется от восторга. А может, просто не поймет, что это. Волк ухватил ящерицу, и они с дичонком принялись за нее бороться, смешно, но никто не засмеялся.

Я перевернулся на живот и поднялся на ноги. Спокойно. Не покачиваясь. Подошел к дереву, стукнул кулаком. Присел. Подпрыгнул. Ухватился за ветку, подтянулся.

Ничего. Нормально. Локти только хрустнули. И есть захотелось. Впервые за последние дни я почувствовал, что мне хочется есть. И живот мой тут же замычал громко, просто заревел, мне даже самому смешно стало, дичата не засмеялись.

Не умеют, наверное, подумал я, и огляделся в поисках еды. Только я подумал о еде, как тут же появилась Глазунья. Просто вышагнула из-за ближайшего дерева, дикие, они здорово умеют маскироваться, я говорил. В руках у нее белела кора, свернутая в такой широкий... пандус, и весь этот пандус был заполнен орехами. Фундук. Ну да, беличьи запасы. Дикие отлично разыскивают беличьи запасы, нюхом нюхают.

Глазунья поставила орехи на землю и кивнула. Дичата медленно приблизились, и я тоже, мы уселись вокруг орехов и принялись их грызть. Молча. Только треск стоял. Съели

все. Посидели, разошлись в разные стороны. Дичата играли с Волком, я не знал, что делать. Просто сидеть было как-то глупо, бродить туда-сюда тоже не хотелось, к тому же я чувствовал себя голым, а голому всегда не по себе. Чтобы как-то себя занять, я взялся поправлять шалаши, хотя они и без того были сплетены неплохо, дикие оказались искусными ребятами.

Глазунья наблюдала. Она за мной вообще все время наблюдала, старалась, чтобы я из виду не пропадал. Это она зря. Я вполне самостоятельный человек, могу сам о себе позаботиться. Пусть за дичатами присматривает, остальные дикие куда-то запропастились, отправились по своим дикарским делам.

Надо и мне... Тоже уходить. Пойти, отыскать одежду, привести себя в человеческий вид. Ботинки добыть, без ботинок мне туго...

И вообще туго. Вдруг я почувствовал, что что-то не то со мной... Наверное, это от орехов. Орехи — жирная еда, их нельзя много. Я подумал про жирное, мне стало еще хуже.

Я опустил на колени. Глазунья тут же подскочила ко мне, принялась хлопотать, шептать на ухо, то есть не шептать, то есть дышать, дышала-дышала, и мне постепенно становилось лучше и спокойнее. И уже тошнило не так, а совсем по-другому, полегче.

Дичата смотрели на меня. Тут все на меня смотрят. И Волк, даже Волк на меня пялится, хотя раньше внимания не обращал. Одичал, что ли...

— Ничего интересного, — сказал я.

Нет, диким плохо жить, даже огня нет. Жри орехи, вот и все веселье. А тот же фундук, если его пожарить, становится гораздо вкуснее. Можно даже его не на сковородке, можно на углях. С жареных орехов не тошнит.

Я добрался до своего места, лег лежать. Глазунья держалась в отдалении, но на меня поглядывала. Огня развести бы... Но огня без кремня и железки не развести, а у диких вряд ли эти припасы есть...

Думать не хотелось. Нет, подвели меня орехи, надо их в меру, не стоит объедаться, это может быть опасно. А диким хоть бы что...

Глазунья приблизилась, но дышать на мои повреждения не стала, видимо, лечение подошло к концу, теперь осталось отъедаться. Пару дней на орехах я продержусь, потом отправлюсь на охоту. Попробую отправиться, лес пустой, твари распугали всех, вряд ли что-нибудь получится добыть. А мяса хочется. Сколько я тут провалялся, дней десять, никак не меньше. И все тихо было. То есть все эти десять дней со мной ничего не случилось, лежал, отдыхал, никакой вредной неудачливости. Может, моя лестница закончилась? По той, по которой я с большим успехом скатывался, ступаясь лбом?

Пора бы. Пора. Мне совсем не хотелось ни о чем беспокоиться — ни о жизни своей, ни о тварях, какое-то умиротворение со мной приключилось. Наверное, из-за орехов. Хотелось закопаться в листья, втиснуться между корягами, одним словом, успокоиться. И я успокоился. Подманил к себе Волка и снова стал дремать. А Волк все время, пока я спал, перемещался вдоль моего бока, тыкался холодным носом в ребра, поскуливал и вообще всячески шевелился, но это мне как-то не мешало. Вокруг был покой, но, несмотря на это, я иногда просыпался чуть сильнее и на всякий случай оглядывал окрестности.

Диких опять не видно, то есть была одна Глазунья, и все, а Рыжий и другой вонючка опять куда-то делись. Дичата еще. Я просыпался и видел одну и ту же картину — дичата играют в странную и непонятную игру — молча сидят друг напротив друга и стараются треснуть противника по голове кулаком. Сразу видно — дикие...

Больше ничего не происходило, только ветер шумел далеко в верхушках деревьев да мысли заплетались одна за другую. Так хорошо заплетались...

Вечером явился Рыжий со своим дружкой. Они забубнили что-то, принялись размахивать руками. Дичата сбежались к ним и принялись радостно подпрыгивать и выть, после чего все дикие устроились кружком и стали что-то есть, громко чавкая и по-совиному ухая.

То ли от голода, то ли от этих звуков мой живот застонал, причем так громко, что

дикие разом на меня посмотрели. Уставились, дураки.

А потом вдруг Рыжий махнул мне рукой.

Сначала я не понял, что это он сделал, но Рыжий махнул еще раз, и я догадался, что он меня зовет. Присоединиться к ужину.

Конечно, это было немного унижительно. И непонятно. Сначала мы вроде как воевали, пытались друг друга убить, а теперь...

Но, с другой стороны, чего мне стесняться? Я человек, они дикие. Все правильно, дикие и должны человеку служить. Как мы с Хромым раньше про это не догадались? Они должны все делать, а мы ими управлять. Это закон природы. Так что ничего плохого в том, что я немного поем.

Дикие ели мед. В сотах. Такие небольшие ячейки от лесных пчел. Бывало, что мы тоже натыкались на пчелиные семьи, грабили запасы, жевали соты, но это редко, выследить пчелу нелегко. А дикие пчел хорошо тропили, меду много. Соты лежали горкой на таком большом лотке из сосновой коры, мед из них не вытекал, он был осенний, густой и тянучий, я взял соты с краешку и стал жевать.

Это было кстати. Во-первых, мед — чрезвычайно питательная штука, можно пожевать с утра соты — и до вечера уже ничего не есть. Во-вторых, он мне весьма сейчас на пользу. В том смысле, что силы восстанавливает. И мозги начинают лучше думать. А мне сейчас думать как раз.

Поэтому я не стал стесняться. Я прожевал соты, выплюнул на ладонь комок воска. Из воска можно свечи делать, но тут нет огня, поэтому я не знал, куда этот воск девать. Хотел залепить за ухо, но Глазунья у меня этот воск отобрала. Она прилепила его к своему куску и передала следующему по кругу, маленькому дичонку, и он сделал то же самое. Воск пошел по рукам, и последним в кругу оказался Рыжий, поскольку так получилось, что он сидел справа от меня.

Рыжий присоединил к воску и свой вклад, и получился комок размером с кулак. Он принялся вертеть его всяко, и все дикие уставились на этот желтый комок, точно какой-то смысл в этом воске особый был. А я вдруг поймал себя на мысли, что не чувствую вони даже от Рыжего. То ли привык я, то ли сам стал вонять так же, как дикие, не знаю. Воня я не чувствовал, такая вот эстафета.

Рыжий тем временем скатал из комка шарик, положил на ладонь и принялся тыкать в него пальцем и чиркать ногтем. Я и опомниться не успел, как в руках у него оказался лось. Фигурка. Причем не простая, не такая, какие я лепил из глины, когда был совсем маленький, а настоящее произведение искусства. Как живой, я даже как-то растерялся...

Дикие могли делать статуэтки. Здорово. Очень здорово. Что же это получается... Получается, что дикие не очень-то и дикие, так, что ли? Они вроде как бы даже почти и люди? Так получается?

Рыжий вдруг подкинул лося в воздух. И лось исчез. Я точно видел, как лось полетел вверх, но вниз, на ладонь, ничего не упало. Лось точно растаял. Растворился.

Дичата сжались.

Так, подумал я, значит, Рыжий не только изваятель, но еще и этот... фокусник. Или магистр. Магией занимается. Хромой был тоже магистром, умел предсказывать погоду по полету ласточек, умел отъедать большой палец на руке, а иногда тоже подбрасывал в воздух монетку, но она у него не исчезала, а зависала, да так, что ее можно было потрогать пальцем. Рыжий, наверное, тоже что-нибудь такое умеет...

Рыжий замычал, горло у него завспучивалось, как у лягушки, он приложил руки ко рту, а когда отнял их, то на ладонях обнаружился все тот же восковой комок.

Дикие были в восхищении, на меня это особого впечатления не произвело. Рыжий снова принялся тыкать пальцем в воск. Я почему-то подумал, что сейчас он изготавит корову. Корова — чрезвычайно ценное животное, я его даже в глаза не встречал. Хромой встречал, но давно, он всегда мне говорил, что неплохо бы отыскать корову, тогда у нас было хотя бы молоко, а из него масло и даже сам сыр. Но Рыжий не сделал корову. Он работал

пальцем, и постепенно под этим творческим пальцем возникала тварь.

Тварь. В этом нельзя было сомневаться. Длинная, коряжистая, очень похожая на себя саму. Тварь стояла, ссутулившись и глядя вроде как ни на кого вообще и на каждого в отдельности. И на меня тоже.

Дикие зашипели. Узнали. Да и я узнал тоже. Рыжий взял щепку, подышал на нее, затем резко воткнул твари в лоб, располовинив голову почти до плеч. И тут же завыл Волк. Тоненьким щенячьим голоском. Но как-то страшно, как-то темно...

Дикие вскочили и разошлись в разные стороны, Рыжий исчез, Глазунья исчезла, я остался один. Волк продолжал выть, я подошел к нему. Волк был похож на ежа, колючки в разные стороны. Глаза были выпучены, а из-под задних лап расплзалась лужица.

Глава 16

Манекены

Случилась неприятная, но одновременно очень смешная штука. Конечно, во всем был виновен Бугер, из-за него все это и произошло.

Утром, все это утром случилось. Я как раз наладил себе ванну и уже собирался погрузиться.

Да, вчера я нашел ванну. Тут их вообще много, в каждом доме этих ванн — куча, люди раньше очень любили мыться. Я нашел посудину на первом этаже, выворотил ее из крепежей, вышвырнул в окно, вытащил на середину улицы. Установил ванну на больших крепких чурбаках, натаскал воды из протекавшего неподалеку небольшого ручья. Вообще, в идеале надо было еще наколоть дров, развести под ванной огонь, а сверху все покрыть шалашом из густой хвои, чтобы получилась настоящая человеческая баня.

Но со всеми этими тонкостями мне было лень возиться, шалаш я вообще ставить не стал, а вместо дров приспособил горелку. Скоро вода нагрелась, и от нее пошел вверх легкий пар, я разделся, сбросил комбинезон, отстегнул экзоскелет, стащил маску и забрался в ванну. Закрыв глаза.

Ощущения, как всегда, превосходные. Теплота захватила меня в свои мягкие подушки, сразу стало спокойно, сразу захотелось спать, я зевнул, намочил полотенце и положил его на голову. Через некоторое время я привык к температуре воды и перестал ее чувствовать.

Вода разогревалась.

Вообще, мы к этим ваннам пристрастились, конечно, сильно. Хитч залезал в горячую воду чуть ли не каждый день, а иногда еще и по два раза. Он отыскал длинную такую ванну, из меди, с литыми тяжелыми ножками, громоздкую и неудобную, возил ее за собой в грузовом отсеке и регулярно в нее занывивал. Нас он в эту ванну не пускал, пользовался своим начальственным положением. Причем способ купания у Хитча был весьма и весьма примечательный. Он купался, не снимая маски. Комбинезон, правда, снимал, трубку маски выбрасывал на воздух, чтобы дышать, а сам погружался под воду с головой. И спал полностью в воде, со всех сторон.

А еще вот что делал — разливал по поверхности воды спирт, поджигал и, лежа на дне ванны, как тритон наблюдал за огнем, образовывавшим на поверхности воды странные фигуры...

Одним словом, предавался не слишком предосудительным излишества. Я же просто болтался в воде, грелся, смотрел на дома, разглядывал окна... Потолки тут в квартирах низкие, как у нас, и двери маленькие, странно, что люди себе везде такие неудобные помещения строят... А, ладно.

Ванна маловата, конечно, но это мелочи, неудобства с лихвой компенсировала температура. Она росла, чугун равномерно разогревался, мне было хорошо и спокойно, когда вода достигла уже почти нетерпимого градуса, я добавил в нее соли.

Соль — отличное добавление к горячей воде, от соли кожа делается мягкой и эластичной, обновляется, после принятия соляной процедуры чувствуешь себя просто

помолодевшим, хочется бегать, орать... А еще я слышал, что иногда можно найти какую-то особую вообще соль, специальную, с разными ароматами, главное, чтобы йода не было никакого. Лежишь в ванне, а представляется тебе, что ты в море, на волнах... Нам в море нельзя из-за йода, а так можно хоть представить...

Вопль был страшным.

Диким. Вопили недалеко, рядом совсем, в соседнем здании необычной для этой местности архитектуры. Я дернулся, опрокинул ванну, вода залила горелку, я покатился голым по холодному асфальту. Вскочил, схватил фризер.

Из танка выскочил Джи, откуда-то сбоку вывалился Хитч, оба с фризерами, оба в растерянности, Хитч без маски, на лице озабоченность. Без маски ходить запрещено, особенно во время передвижения по лесу. Запрет вполне обоснован — в первых рейдах многие люди натыкались на сучки, а в полевых условиях офтальмолога не сыскать, даже сейчас на базе среди стариков можно встретить одноглазых. Сегодня многие носят специальные защитные линзы, так что вроде можно уже и без масок, но тем не менее запрет сохраняется. Правда, в этом вопросе масок Хитч проявляет широту взглядов и самостоятельность мнений, так что мы и без масок ходим. Особенно в поселениях и особенно днем. К вечеру маску надевать все равно приходится, поскольку уши начинают болеть из-за холода, а днем...

Без маски удобнее дышать.

— Кто-то кричал... — растерянно сказал Джи. — Я слышал...

— Ясно кто. — Хитч высморкался. — Дурак наш...

Бугера видно не было. И орал, видимо, все-таки он.

— Ладно, за мной. — Хитч высморкался еще раз и посмотрел на меня. — А ты чего голозадый такой?! Подружки дома остались...

Хитч понюхал воздух и уверенно пошагал к необычному зданию.

Я подцепил брезентовый лоскут, обвязал вокруг пояса и устремился за Хитчем. Без комбинезона и без маски бежать оказалось удивительно легко. То ли я за время рейда приспособился к силе тяжести, то ли еще что, не знаю, но без сервомоторов, демпферов и компенсаторов было свободно, от Хитча и Джи я совсем не отставал.

Входа не наблюдалось, он располагался где-то с другой стороны здания, а на стене, смотрящей на улицу, были только большие окна. С толстым, чуть зеленоватым стеклом.

— Туда! — И Хитч понесся прямо на эти окна.

Метров за десять он выпалил из фризера в витрину, стекло взвизгнуло и рассыпалось в мелкую острую пыль, мы проникли внутрь. Это было что-то необычное, я таких зданий не видел никогда. Нет, я вообще, конечно, никаких зданий никогда не видел, но это...

Совершенно пустое внутри. Даже для планеты слишком много пространства, да, люди раньше широко жили... И пол такой интересный — в черно-белый квадратик, сквозь пыльную пелену хорошо проступает, даже в глазах запрыгало. А еще...

— Что это? — Джи указал фризером на это самое еще.

Вдоль стены располагался ряд странных, никак не знакомых мне предметов. Какие-то стойки ниже человеческого роста, а на этих стойках лохмотья. Когда-то эти лохмотья были, видимо, разноцветными, теперь они приобрели жухло-серый вид, и пыли свисало много, почти до полу. У меня в носу немедленно зачесалось, и я чихнул. В конце этого дурацкого помещения располагались большие, практически до потолка, двери. С круглыми золотыми даже сквозь пыль ручками.

Я чихнул еще раз.

И тут же Джи тоже чихнул.

— Тише! — скрипнул Хитч.

Из-за дверей снова послышался вопль.

— А-а-а-а!

— Туда! — указал Хитч. — Туда! В двери!

— А-а-а! — Вопль стал глуше, будто Бугера там кто-то душил.

Хитч кинулся первым, как настоящий предводитель и начальник, мы за ним. И прямо с разбега Хитч влупился в двери. Двери вырвались из стены с арматурой, упали с грохотом и белой пылью, мы ворвались в зал.

Джи закричал. И выстрелил сразу.

Я не удержался и тоже выстрелил. И Хитч тоже стрелял, мы стреляли, воздух мгновенно выморозился, стало холодно, и в солнечном луче, падавшем справа из окна, вместе с пылью закружилась блестящая и нарядная изморозь. И в этих мелких льдинках я увидел нечто поразительное.

Перед нами были... Что-то... Было. Этот зал совсем не отличался от предыдущего. Такой же клетчатый. Разница лишь в том, что зал не был пуст. Он был заполнен...

Кем-то. Какими-то уродцами. Много, много уродцев, карликовых, разноцветных. Розовые, красные, черные, зеленые, они стояли в нелепых раскоряченных позах, голые, страшные, с поднятыми вверх руками, а некоторые вообще без рук, а некоторые даже без голов.

А некоторые лежали. На полу и на полках вдоль стен, а кто-то висел на петлях и железных полукругах... И мне показалось, что все они тянутся ко мне, что-то от меня требуют...

Я стрелял. Стрелял до тех пор, пока затвор фризера не щелкнул, переводя замораживатель на запасной магазин. Только тогда я остановился. Заряды надо беречь, фризерные контейнеры можно подзарядить лишь на корабле. Беречь заряды...

Вокруг валялись замороженные тела. Много, мне казалось, что тысячи. Все вокруг завалено этими телами. Одинаково мертвыми. Одинаково холодными.

Бугера не видно.

— Это... — Джи сделал длинную паузу. — Это что?

— Это не люди, — сказал Хитч. — Это... Это манекены. Так, кажется, они называются... Однажды я уже с такими вещами встречался. Просто тут их много почему-то... Наверное, склад...

— Манекены?

И тут я увидел. Действительно, не люди. Скругленные формы, похожие друг на друга фигурой, отсутствующими лицами, различаются только по цвету. И по росту. И некоторые, кажется, женщины... Для чего нужны манекены? Слово знакомое, не помню только для чего...

— Они уже мертвые? — спросил Джи. — Мы их убили?

— Они всегда мертвые. — Хитч стукнул по голове манекена. — Пластик... всего лишь...

И я тоже стукнул. Чтобы убедиться. А потом я толкнул, и их упало несколько, с мерзло-пластмассовым звуком.

— Он там, — сказал Хитч. — В конце, возле стены. Бугер там. Идемте.

Не знаю, как Хитч это учуял. Или увидел, он ведь повыше нас. Наверное, все-таки учуял, знаменитое хитчевское чутье...

Хитч убрал фризера за спину и двинулся через зал манекенов. И мы.

Это походило на страшный сон. Мы продвигались между поломанными угрожающими фигурами, и хуже всех было мне, голому. Они трогали меня своими холодными пальцами и касались ледяными телами, отчего я вздрагивал и прикусывал язык. На самом деле страшный сон, только обращенный в будущее. Я буду это видеть, потом...

Я поскользнулся, шагнул вправо и прилип к черному безрукому туловищу. Шарахнулся в сторону и тут же прилип к другому, моя разогретая ванной кожа примерзала к намороженным гладкостям, и я почти мгновенно оказался окружен этими фигурами со смазанными лицами, они окружали меня со всех сторон, пытались заглянуть в глаза...

Почти как живые.

Паника. Первый опыт в моей жизни. Я почувствовал непереносимое желание оторвать от себя это, я не мог дальше оставаться среди них, ощущать их, я завыл и стал отдиравать этих от

себя...

Мерзко. Истерично. Безднадежно еще как-то...

Я думаю, с Бугером произошло что-то подобное. Это была ловушка. Не специальная ловушка, а сама собой образовавшаяся, как болото, как зыбучие пески. Зыбучие пески — я читал про такое явление, они образуются рядом с морем или другой водой, стоит кому-либо попасть — и все, засосало. Трясина, если бы я оказался в таком помещении один, если бы я не знал, что рядом есть другие люди, я бы сошел с ума. Получил бы нервный срыв.

А то и об стену головой с разбега.

Но мне помог Джи.

Он засмеялся. Хихикнул. Справа.

Наверное, это на самом деле было смешно. И глупо. Человек с прилипшими к нему манекенами, от этого легко рассмеяться.

Я представил себя со стороны и тоже хихикнул и успокоился. Понял, что ничего страшного ведь не происходит, и стал отцеплять от себя эту дрянь. Планомерно. И отцепил. А после этого я продвигался уже по-другому, размахивал пошире фризером, освобождая дорогу прикладом.

Бугер был действительно у стены, лежал, обнимая что-то синее, с закрытыми глазами лежал. Громко дышал. Но был жив.

Я пригляделся и обнаружил, что Бугер обнимает рыбу. Большую, синюю, сшитую из какой-то мягкой материи. У рыбы были дурацкие пластмассовые глаза, она смотрела ими в разные стороны.

И вдруг я понял: Бугер спит. Самым наглым образом.

— Отключился, — сказал Хитч. — Психическая перегрузка отцепила мозг. Спит. Такое часто бывает.

— Ну и сволочь. — Джи злобно ткнул Бугера ногой. — Орал как ненормальный, я уж думал, тут что-то ужасное произошло! А он перепугался и уснул! Герой! Надо штаны проверить — не наделал ли?

— Повезло мне с экипажем, — вздохнул Хитч. — Один к одному, просто... Вас что, таких специально подбирали? Один от чертей с крыши прыгать собирается, другой в обморок падает...

— Кто от чертей прыгает? — насторожился Джи.

Хитч кивнул на меня.

— Не видел я никаких чертей, — сказал я. — И с крыши не прыгал, так, поскользнулся...

— Ага, — с сомнением покивал Хитч, — поскользнулся... От тебя, Джига, тоже жду сюрприза. Что выкинешь-то?

— Ничего, — сказал Джиг. — Ничего не выкину...

— В один рейд была эпидемия просто. — Хитч хмыкнул и почесал голову. — Пальцы себе отгрызали... Двадцать человек себе ни с того ни с сего пальцы отъели. Без объяснения причин. Просто захотелось, говорили. Ты, Джиг, может, тоже пальцы отъешь, а?

Джи промолчал.

— Ладно... — Хитч принялся изучать свою ладонь.. — Ладно...

Я вдруг почувствовал, что Хитч устал. Устал и немного боится. Планеты. Именно планеты.

Планета отвыкла от людей. Слишком долго нас здесь не было. Она стала чужим местом. И мы от нее тоже отвыкли. Вот я, когда ушел от родителей и переселился в свой бокс, мне долгое время было не по себе тоже. Я и опасность какую-то чувствовал, и вообще, угнетенное состояние души возникало периодически. Бессонница мучила. Потом отец мне объяснил, отчего это происходило. Из-за того, что в моем боксе до этого жил другой человек. Он умер. Не погиб, не пропал без вести, просто умер от старости. Но его мысли, его чувства, они не пропали, они остались в том месте, где он провел свою жизнь. Не навсегда остались, но на какое-то время. Наверное, в истории с игрушками-убийцами есть смысл...

Вот и здесь так. Планета пуста, но нам всем кажется, что это не так. Мы ощущаем Присутствие, хотя никого тут нет уже давно. Это оттого, что Планета, как и мой бокс, заполнена мыслями, чувствами, страхами, болью, судьбами людей, тех, что жил здесь давно. Они слишком долго тут были, быстро это не может выветриться. И от этого нам постоянно что-то чудится, и от этого Хитч рассказывает все эти свои мрачные легенды про чужих и пишет что-то в свою книжку, от этого мне частенько хочется оглянуться...

И от этого мы спим в танке. Потому что танк — часть дома. Нашего настоящего дома, того, что там, наверху.

— Ладно, — повторил Хитч. — Потом с ним поговорим. Надо его к танку отволочь. Вы берите за руки, я возьму за ноги. Давайте.

Я наклонился над Бугером. Попытался отодрать правую руку — Бугер прижимал руки к себе, обнимал эту свою рыбину, никак не хотел ее отпускать. Джи отстранил меня, вырвал у Бугера рыбу, опустился коленом ему на грудь и с мышечным хрустом развел его руки в разные стороны.

Я взялся уже за левую. Однако стоило мне напрячься и потянуть Бугера вверх, как я почувствовал боль.

Стало тяжело. Хрустнуло что-то в позвоночнике, я уронил руку Бугера, мне захотелось опуститься на четвереньки, а то и вообще лечь. Опускаться мне было стыдно, и я сел на стул. Он сломался, и я оказался на полу у стенки. В пояснице продолжала раскручиваться тяжелая тянущая боль, я попробовал подняться, но свалился обратно. И любая попытка хоть немного приподняться над полом вызывала неприятные взрывы в позвоночнике.

— Боль есть? — подоспел Хитч.

— Да... Руку дай, я поднимусь...

— Лежи, дурак, — остановил меня Хитч. — Сейчас принесу комбинезон. А ты не двигайся! Джига, давай этого...

Они подхватили Бугера под руки и потащили к танку. Волоком.

— Не двигайся там! — крикнул мне издали Хитч. — Хуже будет!

Я и не собирался двигаться, трудно двигаться со штырем в спинном мозге. Хитч ушел. Я лежал на полу и разглядывал манекены. Руки, ноги, туловища, тошнотворно...

Чего они на меня смотрят? Чего они так все свалились странно, все лица в мою сторону повернуты... У них и лиц-то нету, пустота. А все равно кажется, что смотрят...

Смотрят. Нет, у нас тут явно психоз у всех начинается... у меня точно... А Хитч предупреждал, предупреждал ведь, что тут разное случается...

Я протянул руку и щелкнул пальцем по пластиковой голове. Звук получился пустой, как лицо пустое, так и звук. Зачем столько манекенов нужно? Они ведь огромное количество места занимают, из-за них людям негде разместиться. Может, с этими манекенами что-то делали раньше...

Тут я заметил еще странное, я поглядел в потолок и обнаружил, что он блестит. Тускло, но и одновременно живо так, блестит, как расплавленный свинец или тускнеющее уже серебро. Потолок был выложен большими стеклянными квадратами, и в этом потолке отражался я.

Я видел себя, растянувшегося у стены. Видел уродливых калек-манекенов, валявшихся вокруг, в бледном потоке отражений трудно было понять, где я, а где манекены, тогда я пошевелил рукой и понял, где я.

Зеркало. Зеркало — запрещенная вещь, смотреть в него нельзя, может затянуть...

Я представил — зеркало заволнуется, чуть оживет и пробежит по его гладкой поверхности то ли рябь, то ли зыбь, и уже через секунду эта поверхность начнет протекать долгими тягучими каплями, они обнимут меня и сошьют вокруг кокон и, закрепившись как следует, поволокут меня вверх, к этому самому зеркалу...

Нельзя смотреть. Я смотрел в зеркало, глупо, как тогда на высоте, но ничего не происходило, никуда меня не затягивало, хотя на всякий случай я ухватился за какой-то подвернувшийся штырь. Единственное, что произошло, — я стал лучше различать себя, вот

я, а вот манекены, и все.

Появился Хитч. Неслышно умудрился пройти между всех этих опасных кукол, остановился рядом, швырнул мне комбинезон. Уставился в потолок.

— Понятно, — сказал он. — Понятно все. Зеркала. Бугер увидел зеркала, разнервничался... Ты давай одевайся, нечего тут валяться. Только лежа одевайся, лежа.

Я принялся натягивать комбинезон, а Хитч бродил по залу и поглядывал вверх. Улыбался зубасто — нравились ему очень эти зеркала.

Я влез в костюм, свинтил разъемы, подключил кабели, активировал аккумуляторы. Экзоскелет зашипел, и комбинезон обхватил меня, растянул, суставы и позвонки, и я ощутил, как уходит из спины боль. Достал из аптечки инъектор, вогнал в бедро обезболивающего. Попал неудачно, в нерв, опять больно. Ничего.

Через минуту уже поднялся на ноги. Все, нормально.

Бамц! Оглянулся. Хитч поднял с пола какую-то железяку и зашвырнул в потолок. Зеркала посыпались вниз крупными осколками. Бамц!

Хитч разбил несколько зеркал, подобрал сияющий треугольный кусок, долго в него глядел. Хлопнул об пол.

Интересно, почему все-таки зеркало запрещенная вещь? Мне кажется, что не только из-за этого затягивания. Надо будет потом спросить отца.

— Как они тут жили... — то ли спросил, то ли сказал Хитч. — Эти... Не, я бы так не смог... Пошли на выход.

Возвращаться обратно через лес манекенов мне не хотелось совершенно, поэтому я выбил фризером витрину.

Бугер уже был в сознании. Стоял рядом с внешним водяным баком, потягивал водичку через длинный коричневый шланг. Плюшевую рыбу держал под мышкой.

— Как? — спросил я.

— Нормально, — ответил он. — Перепугался просто. Вот, дельфина нашел.

Он потряс синей рыбой.

— Подруге подаришь? — спросил я.

— Брату. Младшему. Просил что-нибудь такое. Повезло, нашел.

— Не пропустят, — с сомнением сказал Джи. — Слишком большая.

— Большая, но легкая. Пропустят, я думаю...

— Давайте обедать, — сказал Хитч. — Время уже.

Хитч развел костер, и мы устроились вокруг огня. На самой середине улицы. Есть не хотелось, но Хитч выдал двойной паек капсул.

Бугер не хотел глотать капсулы совсем, отказывался, но Хитч разорался и велел ему не выделываться, а жрать, у него и так психика разболтана, а если он еще и питаться не будет, то совсем распустится. Для закрепления психики Бугера Хитч выдал ему еще три кристалла транквилизаторов. И пригрозил — если Бугер не станет его слушаться и жрать все, что ему дают, то он позаботится, чтобы этот выход Бугера в пространство был последним.

Так что Бугер сожрал и капсулы, и кристаллы.

Ну и мы тоже сожрали. Хотя мне тяжело было, то ли горло распухло, то ли капсулы набрали влаги, проскакивали плохо.

А потом мы стали пить чай. Для поднятия духа Хитч заварил тройной, от нескольких глотков сердце перешло вообще на запредельный режим, от кружки я ощущал необычайный душевный подъем.

Все остальные тоже.

После чая Хитч отправил нас в поход. Сказал, что его одолевают предчувствия, что вот там — Хитч указал вдоль улицы, — там есть залежи мультфильмов, украшений, конфет и вообще всего-всего, что стоит только немного прогуляться...

Против идеи прогуляться никто ничего не имел. К тому же Хитч нам смертельно надоел, все эти его распоряжения и припадки... Мы отправились в путь, шагали по улице, я, Джи, Бугер последним. Шагали, не забывая отмечать пройденный путь белой краской, после

каждого поворота рисуя на асфальте стрелки, указывающие направление возвращения.

От танка мы удалились, наверное, километра на три. Никаких залежей дисплеев, конфет и драгоценностей вокруг не обнаружилось, и вообще ничего примечательного, город плавно переродился в пригород, дома высокие сменились одноэтажными. Домики красивые, с виду новые, но при этом перекошенные и вросшие в землю. От дождей и ветров стены белые-белые, мне нравилось шагать между белых стен, в городах вообще много белого. В несколько домов мы заглянули, но интересного или полезного не нашли, беспорядок и ничего больше.

Мы шагали. Возле очередного белого домика остановились. Бугер, вернее, остановился. Я подумал, что сейчас Бугер опять уснет. Но он не уснул, он сорвал маску и зажал рот ладонью, шагнул к дому, и его вырвало. По стене поползло красное, густое, с комками.

Капсулы. Не переварились. В желудке у меня неприятно шевельнулось, я отвернулся.

Джи тоже отвернулся.

Бугера стошнило еще раз.

Он отошел чуть вбок, опустился на колени, сгреб в горсть пожелтевшую траву, вытер лицо, отбросил траву, сорвал еще. Он вытирался и вытирался и никак не мог успокоиться, потом принялся протирать стену, убирал с нее этот бордовый неровный язык, и тут уже Джи его остановил:

— Хватит, Бугер. Хватит.

Бугер поглядел на руки. Я снял флягу, свинтил крышку. Руки Бугер тоже мыл тщательно. Я помог ему подняться, и мы двинулись дальше. Но через несколько домов Бугер остановился снова.

— Не могу, — сказал он. — Не могу больше... Я не могу эти капсулы больше жрать...

— Не дергайся, Буг, — попытался успокоить его Джи. — Скоро найдем конфетную фабрику...

— С чего ты взял? — Бугер продолжал стоять, прислонившись к стене лбом.

— Просто. Должно же нам повезти? Я слышал, что в рейдах новичкам всегда везет. Найдем конфетную фабрику и до конца рейда будем есть одни конфеты. И еще с собой наберем, на корабль. На всю жизнь конфет нажрешься!

— Да... — помотал головой Бугер. — Нажрюсь... Вы знаете... Знаете, что в них? В капсулах?

— Белок, — ответил Джи. — Просто белок...

— Белок... — Бугер морщился. — Белок...

Бугер отравился. Капсулами. Ничего страшного. Капсулы — это на самом деле концентрированный белок, поэтому отравления периодически случаются. Организм перестает капсулы усваивать, и тогда тошнит. Ничего, это пройдет.

Я залез в аптечку. Выдал Бугеру шарик кислоты.

— Рассоси медленно, — велел я. — Станет полегче.

Бугер закинул шарик на язык.

Я тоже на всякий случай разгрыз кислый шарик. Для профилактики.

— Дальше пойдем? — спросил Джи. — Или хватит?

— Нет, — помотал головой я. — Не пойдем. В таких поселениях никогда ничего нет...

— Надо еще прогуляться, — вдруг возразил Бугер. — Хочу подышать...

И мы прошагали еще несколько кварталов. Молча. Топали по пустым улицам и скоро уткнулись в лес. Лес просто пророс через асфальт, деревьями, молодыми и здоровыми, причем граница была четко и ясно обозначена — вот лес, а вот асфальт. Хитч рассказывал, что граница случилась оттого, что в давние времена, когда болезнь только пошла по миру, опасаясь, что опустевшие города будут съедены жадным и молодым лесом, люди распылили над своими поселениями какой-то мощный дефолиант. Дефолиант выжег всю крупную растительность так, что она не проросла до сих пор и, видимо, не прорастет еще долго. Кстати, скорее всего, кролезубы — результат той самой химической атаки.

Для очистки совести мы обыскали несколько домов у самого леса, Бугер нашел велосипед. Велосипед был ему мал, а шины съедены непонятно кем, может, тараканами, но тем не менее Бугер выкатил его на улицу и принялся кататься с неприятным железным звуком. По кругу.

Он катался, это было смешно, мы с Джи смотрели на него и смеялись. А Бугер катался и катался и остановился только тогда, когда колесо попало в выбоину и сломалось. Бугера перебросило через руль, и он растянулся на асфальте, хлопнулся лбом. Мы засмеялись еще смешнее, и сам Бугер поднялся и тоже стал смеяться.

Мы хохотали довольно долго, мне стало легче. И физически, и психически, как-то отпустило внутри.

Насмеявшись, мы попили чая и отправились домой. То есть к танку. Немножечко заблудились, здания все-таки были одинаковые, но потом вырулили на нужную дорогу, нашли заветную белую метку.

Добрались до танка уже после полудня, солнце уходило за крыши и тени становились длиннее, из-за этого мы заметили издали.

Улица была заполнена людьми. Они стояли в дурацких позах, сидели на стульях, лежали, располагались возле стен. Если бы не утреннее происшествие, я бы, наверное, испугался. А так я сразу понял, что это манекены. Те самые. Уродливые карлики.

Кто-то...

Хотя почему кто-то, ясно кто — Хитч. Он вытащил их наружу и расставил. Зачем-то...

— Хитч сломался, — негромко сказал Джи.

— То есть? — уточнил Бугер.

Джи постучал себя пальцем по лбу.

— Шутит он просто, — сказал я. — Хочет нас повеселить.

— Не весело.

Я был согласен с Джи.

Мы направились к манекенам. Честно говоря, мне совсем не хотелось еще раз оказаться среди них, но Хитч расставил их так, что пройти нельзя. Кроме этого, Хитч не просто расставил манекенов, он им еще лица пририсовал. Белой краской.

Все улыбались.

— Точно псих, — прошептал Бугер.

— Нас учил, как с ума не сойти, а сам...

— Добро пожаловать! — продребезжал в мегафон Хитч. — Добро пожаловать на праздник!

— Я же говорю, свихнулся...

Самого Хитча видно не было, то ли в танке сидел, то ли еще где.

— Сегодня праздник! — продолжал невидимый Хитч. — Праздник посвящения вас, мои подземные сороконожки, в рейдеры! Поскольку во время перехода нам не удалось отпраздновать прописку, мы это сделаем сейчас!

— Что делать-то? — шепотом спросил Бугер.

— Молчать! — крикнул Хитч. — Молчать, я говорю! Не переговариваться!

— Да мы молчим! — громко сказал Джи. — Молчим. Ты, может, объяснишь все-таки?

Показался Хитч. Из-за угла. Он почему-то немного покачивался, был без маски и улыбался глупо. Мегафон у него на самом деле на груди висел.

— Идите сюда, — велел Хитч в мегафон. — Быстро, вам приказывает начальник!

Джи усмехнулся. Мне тоже стало смешно — сейчас Хитч совсем уж не походил на начальника. Но тем не менее мы подошли. На несколько шагов.

От Хитча чем-то пахло. Чем-то... Спиртом, что ли...

— Да он... — Бугер вытаращил глаза. — Он... как это называется...

— Я тоже не помню, — еле заметно помотал головой Джи.

— Он напился, — сказал я.

Я видел напившихся. Отец и другие пилоты, они как-то раз протащили домой

несколько бутылок, в них булькали какие-то напитки. Отец, помню, выпил совсем немного и стал очень странным. Смеялся, прыгал, рассказывал какие-то глупости... Покачивался вот так же, как Хитч.

— У него огнемёт вообще-то, — прошептал Бугер. — Сдурел...

У Хитча действительно был огнемёт. И не промышленный, а боевой, под локтем. Опасная вещь. Может, на самом деле Хитч сдернулся?

— Повторюсь. — Хитч подышал на руки. — Повторюсь: у нас сегодня прописка. Вы, салаги, должны пройти обряд посвящения... Это будет самый лучший день в вашей жизни, вы еще никогда... Что-то у нас тут скучно...

Он положил мегафон на асфальт, подключил к нему какое-то устройство, и тут же зазвучала музыка.

У нас музыку мало кто слушает, особенно такую, со словами. Песня. Это была старинная песня, я ее уже когда-то слышал. Слова непонятные, про весну и про то, что она будет долгой и светлой. В словах этих что-то такое трогательное... мне понравилось.

— Давайте потанцуем. — Хитч хлопнул в ладоши. — Какой праздник без танцев?

Хитч притопнул, подхватил ближайший манекен и принялся с какими-то нелепыми выкрутасами танцевать. То есть двигаться, танцем это, конечно, не было, выглядело это уродливо, неприятно.

— Он напившийся, — повторил я. — Совсем одурел...

— Да уж...

— Кавалеры приглашают дам! — хлюпая, сказал Хитч. — Кавалеры, прошу вас!

Мне танцевать вообще не хотелось, Джи и Бугеру — тоже. Так что Хитч кривлялся один. И это ему быстро надоело. Хитч остановился, чмокнул манекен в губы и отбросил в сторону.

— Ладно, — сказал Хитч. — Вы, как я погляжу, к танцам не приспособлены... Тогда приступим к прописке, не будем тянуть. Это простая процедура. Сначала вы должны есть землю.

— Что землю? — спросил Бугер.

— Съесть. Это старая рейдерская традиция — съесть горсть земли. Это символизирует...

Бугер огляделся в поисках земли. Мы стояли на асфальте, сбоку тянулась полоса почему-то еще не пожухшей травы.

— А вот и земелька, — ухмыльнулся Хитч. — Вообще-то, по правилам надо съесть три фунта, однако мы ограничимся одним. Сейчас я выберу без червячков...

Хитч вдруг остановился на полуслове и резко обернулся, уставился на крышу ближайшего дома. Я тоже поглядел в ту сторону. Тень мелькнула... Вроде бы. С точностью не могу сказать.

— Что там? — спросил Бугер. — Вы видели?

— Так... — Хитч поднял огнемёт, включил поджиг, перед форсункой заиграла синяя искра.

— Там кто-то был... — то ли спросил, то ли сказал Бугер. — Мне ведь не показалось...

Джи насторожил фризера. Я — тоже.

— Надо уходить из этого города. — Я оглядывался по сторонам, ноги дрожали так, что даже коленные демпферы не гасили эту дрожь. — Тут действительно в городах что-то происходит...

— Я согласен! — кивал Бугер. — Надо уходить!

— К танку. — Джи шурился. — К танку идем...

Хитч икнул, а затем хихикнул.

— Как я вас?! — спросил он. — Испугались?!

И тут я понял, что Хитч нас разыграл.

Джи сощурился.

— Испугались. Я так и знал, что после утреннего случая вы будете тени бояться! У вас

панические настроения, — продолжал хихикать Хитч. — У вас даже истерические настроения! Мы совсем недавно на планете, а у вас уже началась истерика! Я указал вам на пустое место, и вы подумали, что там кто-то есть! А это шутка! Шутка!

Хитч уже захохотал.

— Вы! — Он тыкал в нас пальцем. — Шутка! Вы просто дураки!

Это уже... Это... Одним словом, сейчас веселье самое начнется! Вы будете жрать землю, пить воду и вдыхать огонь!

Хитч потряс огнеметом:

— Я приготовил торжественный прием! Я пригласил гостей!

Хитч указал на манекенов:

— Вы сможете оценить тонкий юмор...

Он замолчал. Я подумал, что сейчас он опять собирается пошутить. Что-нибудь гадостное выкинуть. Но Хитч ничего такого не выкинул. Он просто рыгнул. Даже рыкнул, как какой-то лев.

Отвратительно.

— Кретин. — Джи плюнул на асфальт.

— А это чтобы вы не расслаблялись! — продолжил хохотать Хитч. — Чтобы всегда готовы были... Сами кретины...

Джи шагнул к Хитчу, взялся за ствол огнемета. Хитч огнемет не выпустил.

— Шутки, значит... — скрипел зубами Джи. — Веселье...

Хитч бешено улыбался, они стояли друг напротив друга, дергали огнемет, я отметил, что форсунка направлена в мою сторону, так что если ударит струя, то мне не очень поздоровится. Отодвинулся в сторону.

Джи крикнул и все-таки вырвал оружие у Хитча. И тут же направил его на нашего начальника.

— Ребята, вы что это... — растерянно пробормотал Бугер. — Перестаньте...

Джи громко дышал. Хитч продолжал улыбаться. Стояли, смотрели.

Джи крикнул. Я не разобрал, что он там крикнул, потому что одновременно с криком он выстрелил. Не в Хитча, Джи сместился вправо, и жидкий огонь выплеснулся на манекены. Пламя разошлось широким веером, и фигуры вспыхнули, но Джи не успокоился, надавил на клапан и выпустил еще одну длинную порцию.

Манекены затрещали.

— Во дурак-то...

Это Бугер сказал. А Хитч только хмыкнул. А Джи бросил огнемет на асфальт и пошагал к танку.

— Джига, Джига... — Хитч поднял огнемет. — Я не буду заносить этот печальный инцидент в отчет...

Хитч погасил искру и закинул огнемет за спину.

— Ну, вот и хорошо, — сказал зачем-то Бугер. — Вот и правильно...

И тоже побежал к танку.

— А ты что скажешь? — Хитч посмотрел на меня.

— Я?

— Ну да, ты.

— Наверное, мы устали, — сказал я.

— Устали? Ну да, это точно... Устали.

Хитч зевнул и пошагал вслед за Бугером.

Я остался. Мне захотелось чуть побыть одному.

Я стоял на улице незнакомого мне города незнакомой мне планеты и смотрел, как горят манекены. Огня не видно, он был какой-то мелкий и незаметный, казалось, что манекены просто плавятся, истекают жирным вонючим дымом.

Я поднял фризер и выстрелил. Огонь погас, дым замер и осыпался на асфальт сажевыми хлопьями. А через секунду манекены принялись трескаться, раскалываться,

ломаться, с сухим костяным звуком, через минуту улица была пуста и покрыта чернотой.

Глава 17

Рыбалка

Я чувствовал себя хорошо. И ночью не мерз — мед влился в меня весьма удачно, мне было жарко, кроме того, Глазунья притащила целый ворох прелых листьев и показала, как в них можно закапываться. Эта была здравая идея, я и сам сходил в лес, приволок листьев побольше, устроил себе берлогу и в первый раз поспал хорошо и спокойно.

И день выдался славный, солнечный, такое осенью бывает — тепло и солнечно, и целую неделю или даже две. Я выбрался из листьев и решил отправиться на рыбалку. В такой день рыбалка удачна. Поедим с дикими рыбки, отдохнем, а потом поговорим о наших дальнейших действиях. Если, конечно, эти бараны хоть что-то понимают в ананасовых огрызках...

В ананасовых огрызках — это я прочитал в книжке «Идиомы 21 века». Ананасовые огрызки — это идиома. Хорошее слово. Почти такое же хорошее, как аппендицит.

Вообще-то сначала я собирался просто уйти. Потихонечку. Инкогнито. Но потом подумал и решил, что это незтично. По отношению к Глазунье. Она ко мне как-то хорошо отнеслась, по-человечески, и нельзя так уходить, втихую. А потом я поразмыслил и пришел к выводу, что не стоит уходить так вот сразу. Можно сначала добраться вместе до спокойных мест, где нет тварей, где нет зайцев, а там уже и разбежаться. Вместе уходить — правильное решение. А пока рыбалка.

Тут речка недалеко. Или ручей. Глазунья приносила мне воду в стеблях растений, очень похожих на бамбук, не знал, что такие у нас произрастают. Вода свежая, значит, водоем находился недалеко.

Речка на самом деле нашлась недалеко, обычный ручей, ничего нового, вода течет, вода стоит. Я перепрыгнул на другой берег, потом обратно. Ноги работали, спина не болела, я был в неплохой форме. Подышал немного и отправился по берегу, выломал березку. Выбрал специальную — тонкую, длинную, с рогатинкой на верхушке, такая рогатинка как раз необходима для правильной рыбалки.

Теперь надо выбрать место. Рыба осенью зажратая, а вода холодная и прозрачная, поэтому рыба старается устроиться поглубже, под корягой или в омуте. Долго искать мне не пришлось — уже возле первого поворота я обнаружил нужную яму. Дно у ручья было песчаное, и рыба просматривалась прекрасно — темные спины, оранжевые плавники. Форель. В наше время рыбы очень много наводилось, ловить ее легко, особенно если есть опыт. Хотя несколько правил соблюдать все-таки надо. Заходить по солнцу, ну, чтобы тень обязательно падала на берег. И лучше пригнувшись. А еще лучше, конечно, подползать, но я так никогда не делаю, потому что человеку не пристало подползать к какой-то там форели, лучше я пятнадцать штук упущу, чем поползу. Шестнадцатая все равно моя.

Важно также спокойным быть. Рыба, а особенно форель, чувствует настроение. Вернее, состояние. Если ты зол, взбудоражен, если голоден, она уйдет. Опустится на глубину, как подводные лодки из старых времен. Поэтому рыбалка требует внутреннего успокоения. Внутри у человека есть душевные струны, примерно от головы до пяток. И если эти струны натянуты чересчур сильно и звенят, этот звон отравляет воду, делает ее горькой, и рыба уплывает. Поэтому перед рыбалкой просто необходимо привести в порядок свои габариты, ну, сердцебиение, дыхание, температуру, а самое главное, мысли. От мыслей эти внутренние струны и начинают трястись и звенеть.

Ага! Я увидел то, что мне было нужно — речка делала изгиб, образуя галечную отмель на одном берегу и омут на другом, отличное охотничье место. Я свернул в лес и нарисовал небольшой крюк, стараясь шагать чутко и негромко, чтобы вибрации не передались через землю в ручей.

Вышел к воде. Устроился на кочке, замер и стал ждать. Надо успокоиться. Ну, пульс,

дыхание, все остальное... И ждать. Ждать всегда приходится — как ни подкрадывайся, рыба все равно смещается вниз по течению, и надо замереть, стать похожим на камень и даже дышать почти через раз и носом.

Я сидел, и дышал, и постепенно чувствовал, как утихает сердце, остывает кожа и замедляется кровь. Минут через пятнадцать, когда я стал уже совсем каменный, появилась форель. Небольшая, до локтя, с розовыми веселыми пятнами. Нет, небольшая форель она даже лучше, вкус нежный и кости мягкие, и чистить легко, и вообще все, плохо одно — подбить ее трудно, годы опыта нужны. Удар должен был быть резким, и, что самое важное, надо точно рассчитать упреждение, то есть бить чуть вперед и в сторону, в зависимости от того, где берег. Реакция у форели лучше, чем у зайца, и она все равно успеет сместиться — маленькая дальше, большая ближе. Попасть трудно.

Попал — и тут все только начинается. После попадания ни в коем случае не следует тащить рыбу вверх — обязательно сорвется, особенно если не удалось прибить с одного удара. Надо давить в глубину, в дно, чтобы получше насадилась, а потом вбок, чтобы не сползла. И торопиться не стоит.

Маленькая форель шевелила хвостом и что-то вынюхивала, каких-то своих питательных подводных рачков и по своей подводной глупости меня совсем не замечала. Можно попробовать ударить и в эту, но если промажу, рыба сорвется, и придется дожидаться долго, пока соизволится другая.

Надо сейчас просто потерпеть — обычно вслед за маленькой рыбкой подтягивается большая.

В этот раз я тоже не ошибся — маленькая повихлялась-повихлялась, а потом из синей глубины поднялась другая, уже полномасштабная рыбина, укусила младшую в бок и заняла ее место.

Я не спешил. Рыбина тоже должна успокоиться, почувствовать себя в безопасности, расслабиться. И я ждал. И рыбина успокоилась. Легкомысленно поднялась к поверхности, чтобы перехватить запоздалого занозника...

Я целился, рыбы пошевеливали плавниками и медленно смещались то вправо, то влево... Ударил. Сноровка у меня была, на рыбалку я часто ходил. Потому что с ней возни гораздо меньше, чем с охотой, к тому же безопаснее, да и чистить рыбу не в пример проще.

Ударил и тут же вдавил рыбину в дно. Она дрыгалась мощно, так, что копьё выскакивало у меня из рук, мне пришлось навалиться всем весом, и то еле удержал. В воде пробежала и быстро растаяла красная струйка. Я на всякий случай придавил рыбину еще раз, она взбрыкнула и замерла. Выждал минуты три и выкинул форель на берег.

Рыбина была большая, размером с мою полную руку, от подмышки до пальцев. Она еще чуть шевелилась, уже без смысла, просто так, от тока внутренней гальванизации. Мелко вздрагивали плавники, пошевеливались глаза, хотя зрачки уже плотно свернулись в точки, жабры раздувались редко и вскоре остановились совсем.

Все. Готова. Рыбу надо убивать, а не ждать, пока она задохнется, тогда рыба помягче делается и консистенция у нее улучшается.

Хорошо также взять бы и прямо сейчас обложить ее молодой жгучей крапивой, тогда еще лучше было бы...

Форель шлепнула меня хвостом и замерла. Ну, теперь действительно все, теперь надо ее почистить, чешуя, кишки, то-се. Почистить обязательно, чем скорее, тем лучше, если протечет желчный пузырь, рыба станет горькой, придется выкинуть. Так что надо потрошить.

Под рукой ничего острого, я сломал еще березку, расслоил древесину и принялся потрошить рыбину тонкой щепкой. Провозился долго, покрылся рыбьими соплями и золотисто-розовой чешуей, как настоящий водяной прямо, все-таки в разделке рыбы тоже нужна постоянность для опыта. Хотя результат был хорошим — получилось два длинных куса жирного, чуть розоватого мяса, килограмма три, хватит всем. Я растопырил мясо на прутьях и отправился к лагерю. То есть к стойбищу. К стоянке.

Пока я шагал, рыба как раз подсохла и чуть обветрилась, теперь ее вполне можно было есть. Конечно, лучше бы ее поджарить, но огня нет. Впрочем, форель рыба чистая, ее можно употребить безо всякого ущерба для себя даже всыромятку.

Я шагал по лесу в хорошем настроении, посвистывал и радовался направо и налево. Добрался до лагеря. Диких не было. Ну, взрослых. Опять куда-то убрались, муравейники, наверное, раскапывать, яйца искать. Дичата же присутствовали. Сидели и молчали. Издали я думал, что они решили сидя поспать, но когда подошел поближе, обнаружил, что они не просто сидят. Лица у них были совершенно мертвые, глаза выпученные, кроме того, они не дышали. Я не понял к чему это все, стоял, смотрел, потом вдруг рыжий дичонок вдохнул и повалился на бок. Остальные два тоже вздохнули и тут же принялись лупить рыжего. Оказывается, это была игра на задержку дыхания, мы с Хромым тоже в такие раньше играли, Хромой меня всегда обыгрывал, я подозревал, что он как-то дышит ушами.

Я похлопал для внимания в ладоши.

— Вонючки, слушайте меня, — сказал я голосом по возможности добрым. — Слушайте!

Дичата повернулись в мою сторону.

— Сейчас я покажу вам, как надо жить. — Я принялся делить рыбу на куски. — Как надо правильно жить...

Получилось много, на двадцать мозгов хватит. Я воткнул в каждый кусочек по острому прутику и спросил:

— Знаете, чем отличается человек от дикого?

Дичата смотрели на меня непонимающе. Я подбоченился, совсем как Хромой, когда тот рассказывал про что-нибудь важное.

— Человек отличается от дикого тем, что он ест мясо. И рыбу. А в них много белка. А белок питает мозг. Человек стал человеком тогда, когда перешел с грибов и орехов на мясо, так пишется в умных книгах, жаль, что вы не знаете, что такое книга! Ешьте мясо — и поумнеете. А еще лучше рыбу, в рыбе еще больше полезных вещей. Вот я — всегда ел рыбу и умел читать уже в шесть лет, как настоящий экстрактор! А вы едите орехи и не то что читать, говорить не умеете... Смотрите, как надо!

Я взял самый большой кусок форели, попробовал. Рыба была ничего, вкусная. Я принялся жевать. Старался делать это с аппетитом, причмокивая, закатывая глаза, вздыхая. Дичата смотрели на меня уже с любопытством.

Я взял второй кусок. Конечно, хорошо бы еще соли, но и без соли нормально.

Дичата наблюдали с интересом.

— Попробуйте. — Я протянул им сразу несколько палочек. — Попробуйте, это вкусно!

Не выдержал рыжий, конечно, как по-другому? Весь в папочку. Схватил прутик, сунул в рот, стал жевать, лицо ничего не выражало. Сжевал. Взял еще. Остальные тоже схватили по прутику.

— Вы на глазах очеловечиваетесь, — подмигнул я. — Еще немного, и можно подумать о штанах. Штаны — это такие...

За спиной у меня послышался неприятливый рокот. Я оглянулся. Рыжий. Тут стоял. И, судя по оскалу, пребывал в бешенстве. Эскалоп какой-то...

— А что такого? — спросил я. — В чем дело-то?

Забавно, подумал я, я сто лет уже ни с кем не спорил. Разговаривать-разговаривал, с Волком старым, но спорить-то ведь с ним не будешь, бесполезно. И вот опять.

А я люблю поспорить.

— Рыжик, ты чего нервничаешь?

Рыжий оттолкнул меня, подскочил к дичатам и принялся лупить их по мордам. А мелкого рыжего своего сынка он схватил за щеки и принялся выдавливать рыбу у него изо рта.

— Ты чего?! — Такие безобразности мне уже не понравились совсем.

Ну хорошо, не ешь ты мяса, но рыба-то при чем? Рыба ведь не мясо, она совсем

наоборот, плавает и цвета белого...

Рыжий принялся выдавливать рыбу из остальных двух дичат.

— Остановись, — сказал я более-менее спокойно. — Зачем? Пусть ребята покушают...

Рыжий-старший повернулся в мою сторону и глаза такие зверские сделал, что я даже шагнул назад от испуга. Мне показалось, что он припомнит мне сейчас все — и расстрел своих приятелей, и ранение в ногу из арбалета, и попытку спалить его на столбе... Но потом-то я его выручил. Зря я, наверное, это сделал, надо было оставить его...

— Послушай, Рыжик, попробуй! — я протянул Рыжему самый мягкий и сочный кусок. — Это вкусно... И полезно...

Рыжий ударил меня по руке, и кусок упал на землю.

— Да ты что...

Рыжий схватил балык и зашвырнул его в кусты.

— Я... — Рыжий вырвал у меня вторую половину балыка и с омерзением отбросил его в сторону.

— Зачем выкинул рыбу?! — уже злобно спросил я.

Рыжий начал меня злить. Я рыбу ловил, а он ею швыряется!

И вообще, нельзя кидаться едой, этому с самого детства учат. Однажды Хромой набрал полудикого ячменя, растер его двумя камнями, сделал муку и испек лепешку. То есть хлеб. Я всегда мечтал о хлебе, во всех книжках едят хлеб и рассказывают об этом удивительные вещи. И всегда я думал, что хлеб — это что-то экстраординарное, съешь кусочек — и волосы зашевеливаются от восторга! И я ожидал этих лепешек, я слышал запах, бегал по дому, бурчал животом... А потом, когда все было готово, я схватил первую. Она была еще горячая, и я, разумеется, обжег себе язык. И сломал зуб — в лепешке обнаружился камень. Но самым большим разочарованием оказался вкус. Вкус был никакой, хлеб оказался скучной тянучей субстанцией, он плохо жевался, застревал в зубах и не хотел глотаться. Хромой сказал, что это из-за того, что лепешки он испек не по правилам, без дрожжей и без закваски.

Одним словом, хлеб меня разочаровал и ожиданий моих не оправдал, я рассердился и швырнул кусок на землю. И тут же Хромой влупил мне мощный подзатыльник, я щеку чуть ли не до наружи прокусил и полетел вслед за этим куском. А Хромой принялся разглагольствовать о недопустимости моего поведения и ругал меня так почти до вечера, пока у меня сопли не потекли. И я навсегда запомнил, кидаться едой — очень нехорошо.

— Зачем рыбу выкинул?! — повторил я. — Ты ее ловил?

Рыжий рыкнул в ответ. Дичата отбежали в сторону и выглядывали теперь из-за деревьев, интересно им было, чем все это закончится.

Мне тоже было интересно. Вот в такие моменты человеческая история совершала всяческие эскапады и кулевины, перенаправлялась в другие русла, а иногда и вовсе наоборотничалась, одним словом, дальше все по-другому продолжалось.

Рыжий наклонился, поднял палку... даже дубину и, постукивая по здоровой ноге, двинулся на меня. Решил все-таки разобраться. Нет, дикие злопамятны... Когда я его первый раз тогда увидел, сразу понял — покоя мне от него ждать не стоит...

— Ладно, — улыбнулся я, — ты сам напросился, магистр вонючий...

Буду бить в шею, подумал я. Такой здоровый если дотянется, не выпустит уже, придушит или раздавит просто. Надо подальше от него держаться, беречься по возможности. И вообще, человек должен уметь защитить свое человеческое преимущество.

Рыжий стал раскручивать палку над головой. Быстро так и мощно, со свистом. Я даже подумал: не стоит ли просто убежать? Рыжий меня не догонит...

Нет, бежать нельзя. Это стыдно. К тому же Глазунья... Надо с ней попрощаться как-то, она мне все-таки помогла...

Вжжих!

Рыжий не стал меня бить дубиной — он этой дубиной в меня запустил. Увернулся я. Только не совсем, дубина меня все-таки достала. По плечу. Я покачнулся, если бы он попал в меня по-полному, я бы на ногах не устоял, а то и умер бы вообще.

Дичата вскрикнули. Рыжий тут же запустил в меня еще дубиной, поменьше, и пока эта дубина летела в мою сторону, я быстренько придумал план. Палка хлопнула меня в грудь, и я упал. Рыжий, удовлетворенно булькая, побежал ко мне, приблизился на расстояние вони — метра на полтора. Он снова вонял, вернее, я снова чувствовал его вонь, когда расстояние вони стало расстоянием вони уже слезоточивой, я предпринял вот что — с силой вытолкнул вперед правую ногу. Жаль, что ботинки пропали, ведь моя голая пятка особенного вреда Рыжему не могла принести, ему моя пятка как блошинный укус, но все равно, некоторый эффект был — я попал этой дичаре ровненько под колено больной ноги. Хрящ хрустнул, а может, мениск подорвался. Рыжий завопил громко, больно, конечно, если бы ботинок был... Ну, да ладно. Я вскочил на ноги, быстро припрыгнул к Рыжему и быстро ударил его в хитрую точку прямо над верхней его косматой губой, в кадык не стал бить, убивать мне его не хотелось сразу.

Рыжий схватился за губу, потерял равновесие и упал, хлопнулся, задрогал ногами, и тут откуда-то, мне показалось из-под палой красной листвы вылетел Волк. Маленький, но очень злобный, с встопырщенной шерстью и оскаленной пастью, Волк пролетел мимо меня, блистая зубами, как какой-то заяц, цап — вцепился зубками своими в руку Рыжего.

Приятно. Мне приятно, Рыжему неприятно, конечно, он отмахнулся рукой, и Волк усвистел в сторону, покатился, об осину ушибся. Это меня уже совсем возмутило. Я наклонился над Рыжим и ударил точно в левую сторону его заросшей рожи, туда, в лицевой нерв. Несильно ударил, но попасть попал — Рыжий попробовал подняться, и его тут же бросило на березу. Теперь его долго еще болтать будет, и голова трещать с месяц. Так ему и надо. Если бы у меня не потерялся огнестрел и арбалет, я бы Рыжего застрелил не задумываясь, просто так на месте.

А так я его еще просто раз треснул, уже левой рукой по уху, чтобы зазвенело. И все.

Волк поднялся и захромал ко мне на трех лапах, скулил, покачивался. Если этот ему ногу сломал, я тут уже не выдержу, позабуду, что они меня от зайцев выручили... К тому же от зайцев меня выручил не этот Рыжий, а Глазунья...

Подхватил Волка, проверил состояние. Нога была вывихнута, но косточки целы, я, чтобы не откладывать, сразу дернул за лапу, поставил сустав на место. Волк даже не ойкнул, я же говорю, молодец. Отпустил его на землю. Один из дичат поманил Волка к себе. Правильно, пока старшие грызутся, младший не мешай. Повернулся к Рыжему.

— Вонючая рыжая сволочь, — сказал я спокойно. — Зря я тебя не пристрелил тогда. Зря. Но ничего. Сейчас исправлю все. Руками.

Появилась Глазунья. Посмотрела на все это и как кинется! Я думал, она на меня это, ну, за то, что я отлупил Рыжего, руками закрылся на всякий случай. А она не на меня, она на Рыжего набросилась. И как давай его лупить и царапать! С таким бешенством, просто какая-то эриния настоящая! Рыжий только уворачиваться успевал! Смешно все это выглядело, дичата тоже засмеялись, захихикали. И у меня вся злость тоже как-то отступила. И даже жалко как-то этого дурака Рыжего стало. Не везет ему в жизни определенно, даже свои дикие его не любят.

Тем временем Глазунья совсем рассердилась и от царапаний и пощипываний перешла уже чуть ли не к укусам. Рыжий сопротивлялся... даже и не сопротивлялся, отмахивался просто, дичата веселились.

Интересно, с чего это вдруг Глазунья меня так любит? Нет, понятно с чего, я все-таки на человека похож, а дичата эти такие жалкие и некрасивые, немые, нестриженные...

Глазунья терзала Рыжего. Я уже подумывал сказать ей, что все, хватит, пусть он живет, я не против. Если не хочет, чтобы дичата мясом питались, — его дело, что мне в жизнь диких вмешиваться, пусть сами в себя вмешиваются...

Я уже даже сделал к Глазунье шаг, как вдруг...

Вдруг случилось что-то. В небе что-то крыкнуло, как тогда, во время грозы, мы замерли и поглядели вверх. Небо потемнело. И белые стволы осин тоже потемнели, и на этом фоне красные листья выглядели очень красиво... Или это у меня в глазах потемнело...

Из верхушек деревьев потекло молоко. Я никогда не видел молока, но прекрасно знал, что оно должно так выглядеть.

Только это молоко было не жидким, а воздушным, как редкий густой туман. Да, точно, как туман. Он опускался вниз и перед самой землей раскладывался и превращался в дождь, в такую мелкую липкую изморось. Я мгновенно оказался ею покрыт, причем эта изморось обладала необычным еще качеством — она была какой-то живой и текучей, пробежала от плеч и затылка до пяток и ушла в землю, оставив на всем теле ощущение змеиного прикосновения. Вокруг все стало каким-то флюидным, земля превратилась в серую грязь, мох в кашу, по стволам осин зазмеились белые ручейки. И листья стали падать. От этого тумана. Красные листья. Обычно листья падают как? Весело. Кружатся, пляшут по ветру с легким шорохом, сплошная эквилибристика, а эти не так падали. Они падали... Ну, как если бы они были бы из тяжелого пластика вырезаны. И гремели.

Я растерялся, смотрел по сторонам, пытаюсь понять, что все-таки происходит. Второй дикий уже исчез куда-то, Глазунья тоже, не видел я ее, дичата пищали и закрывали от листьев головы руками, надо было бежать, а они... ну, растерялись, как я.

Рыжий что-то зашипел по-своему, по-дичарски и попытался поползти, но не смог. Или я в нем что-то нарушил, или внутренности ему из-за страха скрючило, судорога разбила, так, он только руками греб, а ноги и не шевелились. Он завыл. Даже не завыл, а как-то заплакал. Лежал в этой липкой листовенно-грязевой жиже и плакал, листья ему на спину еще так смешно прицепились...

Я почему-то к Рыжему подошел. Шагать было тяжело, ноги распухли, а суставы схватились и раздулись, как чаги... Но я шагал. Рядом с Рыжим встал и стоял, все думал, что глупо это мы с ним как-то... Из-за ничего, из-за пустяка... Оцепенел я. Окоченел. Совсем ополенился. Смотрел, смотрел, потом почувствовал, что глаза даже уже шевелиться перестают, не только ноги...

Появилась Глазунья. Она могла шагать, она схватила меня за руку, и где-то сбоку громыхнуло. Как гром, деревья качнуло и, как мокрые волки, стряхнули с себя белую дрянь, и дышать стало тяжело, я закашлялся, видно стало совсем плохо. А дикая... ну, Глазунья то есть, вдруг мощно сжала мою руку, даже косточки хрустнули.

Я обернулся.

Из тумана выдвигались твари. Корявые подводные ходячие яблони.

Глава 18

Тридцать первый

— Эй, Алекс! Просыпайся!

Мать. Она всегда будила меня так. Брала за плечо и хорошенько встряхивала. Так что когда я просыпался окончательно, я частенько ощущал во рту вкус крови от прикушенного языка. Это у нее от прежних времен — привычка подниматься за десять секунд. Она тоже минитмен. И привычка будить так же, чтобы все вскакивали и немедленно неслись куда-нибудь, задраивать прорывы в системах охлаждения, латать метеоритные пробоины, тушить пожары в гидропонных садках, замораживать дренажные системы. Мать выросла еще до введения в строй Большого Щита, и подобные приключения во время ее молодости случались достаточно регулярно, постоянно требовалось что-то спасать и кого-то выручать. Твердь над головой была тогда не совсем еще твердью, и жить было тяжело.

Поэтому мать не спала спокойно и всем остальным тоже мешала спать, а будила дико и резко. Меня каждый раз точно хватали за шиворот, подкидывали вверх, били о потолок, а потом роняли обратно в койку. И я просыпался.

— Эй, Алекс! Просыпайся!

Я тоже Алекс. Меня назвали в честь Алекса У, моего давнишнего родственника и героя. Имя придумал отец, а мать была не против.

Но сейчас меня разбудила не мать.

Я открыл глаза. Хитч.

— Что?! — Я вскочил. — Что случилось?!

— Тише! — прошипел Хитч. — Не ори!

Я кивнул.

— Поднимайся, — сказал Хитч.

Я поднялся.

В комнате холодно. Костер прогорел, не осталось даже углей, Джи спал в одном углу, Бугер — в другом, в обнимку со своим синим дельфином.

Эту ночь мы провели не в танке. Бугер раздавил регенерационную камеру, аммиак растекся, и дышать было нельзя. Пришлось устраиваться в ближайшем доме, впрочем, переночевали мы спокойно, ничего не произошло. Что-то произошло уже, видимо, под утро...

— Позвать их? — спросил я. — Джи и Бугера?

Хитч помотал головой. Мы осторожно вышли на улицу. Совсем еще раннее утро, такое свежее-свежее, зубы ломило, подошвы приставали к холодному асфальту и скрипели при отрыве. Что-то явно случилось, в противном случае Хитч меня не разбудил бы.

Оно и случилось. Хитч кивнул, я посмотрел и увидел, что в конце улицы стоит танк. Той же модели, что наш. Но не наш — на борту был намалеван похожий на цветок черно-белый крест. И номер другой.

— Танк? — спросил я.

— Да. Пойдем. Только осторожно.

Мы направились к машине.

— Что случилось?

— Не знаю. Один из экипажей. Тридцать первый...

Хитч кивнул. Тридцать один на броне, бортовой номер.

— Знаешь их? — спросил Хитч.

— Нет.

— Я тоже. Они, наверное, оружием занимались. Весь грузовик забит винтовками...

— Винтовками? Зачем нам винтовки? Ну, не нам... Там, на Меркурии? Дома?

— Не знаю. Я ничего не знаю. Пробовал связаться с кораблем — ничего не получилось, магнитные бури, кажется, начинаются...

— А что они говорят? — Я указал на танк. — С тридцать первого?

— Ничего не говорят, — ответил Хитч. — Закрылись внутри. Я стучал по борту, ничего. Глухо.

— Может, там нет никого? — предположил я.

— Как танк тогда приехал? Нет, там люди, сам знаешь, тут автопилоты не работают. Они приехали, не знаю, почему они не выходят... Может, они там угорели...

— Угорели? — спросил я.

— Ну да. Проводка могла выгореть, газ... Или как у нас — регенератор потек... Надо что-то делать...

До танка было немного, метров двадцать, мы остановились.

— Зачем они собирали оружие? — спросил я.

— Кто знает...

Зачем нужно огнестрельное оружие, если у нас есть фризеры? Фризеры — штука мощная и удобная, сначала замораживаешь, а потом уже решаешь, что дальше. А если взять винтовку, то это ведь сразу насмерть...

— И что будем делать? — спросил я. — Все-таки?

— Ты стой тут. А я пойду к нему. А ты фризер держи наготове. Ясно?

Чего неясного? Хотя непонятно, конечно, если он уже стучал по борту в одиночку, то почему теперь боится, когда нас двое?

Хитч приблизился к танку. Поднял с асфальта железную трубу, принялся долбить в борт. Азбука Морзе.

Вы здесь?

Вы здесь?

Это он выстукивал, я определил.

Хитч долбил минут пять, но безрезультатно. Хотя нет, результат был — мне стало в очередной раз жутко. Поскольку удары железом по железу отражались от стен и наполняли улицу лязгающим многократным эхом, звуками совсем неуместными в этом месте и в это время. Потом Хитчу надоело стучать, и он отбросил трубу в сторону.

Я тоже подошел к танку.

— Надо резать, — сказал Хитч. — Броню...

Он постучал кулаком по металлу.

— Где самая тонкая? — спросил он. — Под днищем? Надо залезть со стороны...

— Не надо ничего резать, не надо никуда лезть, — сказал я. — Шлюз открывается шифром. Рядом со шлюзом выжжен. Только надо на три разделить. Ты забыл?

— Точно! — Хитч хлопнул себя по лбу. — Забыл...

Он легко запрыгнул на броню, добрался до шлюзового отсека...

— Нет тут шифра!

— Я же говорю, число надо на три разделить. Это специально сделано, чтобы предотвратить случайное проникновение...

— Нету тут шифра. Кто-то все срезал...

Я стал думать.

Броня у танка, конечно, мощная. И хитрая. Сотовая керамика. Тот же материал, из которого делали космические корабли. Выдерживает холод, выдерживает высокие температуры, механические воздействия.

Но уязвимые моменты, конечно, имеются.

— Слезай. Слезай сюда, — позвал я Хитча.

— Будем резать? — Хитч спрыгнул вниз. — Кажется, с кормы там тонкое место...

— У тебя горелка есть?

Хитч снял с пояса баллончик.

Я указал пальцем место.

— Жги здесь. Поставь форсунку на максимум.

Можно было за огнеметом сбегать, однако пойдет и так, портативные горелки тоже мощные.

Хитч взял баллончик, направил на борт танка, поджег.

Через три минуты на броне образовался достаточно большой синеватый треугольник. Я осторожно отстранил Хитча в сторону и влупил в этот треугольник заряд из фризера. Броня громко щелкнула и осыпалась мелкими чешуйками.

— Ого, — удивился Хитч. — Как все оказывается ненадежно...

— Это лишь верхний уровень, — пояснил я. — А всего их восемь... Или больше... Давай, жги.

Хитч снова запустил горелку. Слой за слоем мы разрушали один из самых надежных материалов в мире, на все понадобился почти час. Через час перед нами красовалась довольно неровная дыра. Дыра не дымилась, просто была черной и неприятной почему-то. Мертвой какой-то.

Мы стояли, смотрели. Хитч крикнул в эту дыру какую-то глупость, никто не отозвался.

— Ну и что дальше? — спросил я.

— Надо внутрь заглянуть, — сказал Хитч.

— Загляни, — ответил я.

Хитч мялся — лезть самому в дыру ему явно не улыбалось, но и демонстрировать свою трусость ему не хотелось тоже. Я его понимал — совать голову в такую дыру вряд ли было приятно. Но Хитч все же собрался с духом и полез. Только ногами вперед. Просунул ноги, затем туловище, подождал. Никто его внутрь втаскивать не стал.

Хитч исчез. Я ждал. Не было его долго, как-то слишком даже.

Потом зажуужжал шлюз, вокруг люка забегали огоньки. На всякий случай я прицелился из фризера. Мало ли кто выскочит? А я тут его и уложу...

Но кабина поднялась пустой.

Никого в ней не было.

— Тебе лучше самому залезть, — позвал из дыры Хитч.

— В дыру?

— Нет, лучше не в дыру, лучше в шлюз...

Я стал карабкаться на броню. Получалось плохо, пластик покрывала водянистая слизь, на ступеньках особенно густая, лезть непросто. Но в люк я все-таки забрался. Шлюз съехал вниз, и я шагнул внутрь танка.

И сразу понял, что тут произошло что-то нехорошее. Опасное, может, даже страшное. Все внутренности танка были залиты чем-то неопрятно бурым.

— Осторожно, — сказал Хитч.

— Что осторожно?

Хитч указал пальцем.

За штурвалом сидел человек. Спина к нам. Лопатки как-то выворочены кверху, а голова, наоборот, глубоко втянута в плечи.

— Кто это? — спросил я.

— Не знаю... Подержи его на фризере, я... я посмотрю.

— Может, это... — Я указал на спину. — Приморозим его немножечко?

— Нет... Надо с ним поговорить... Остальные куда-то ведь делись... Целься лучше.

Хитч стал медленно, шажками, приступать к человеку. Я целился. Хитч перекрыл пространство, теперь, если надо будет стрелять, придется ему в спину стрелять. Ничего, потом разморозим. Видимо, Хитч тоже это понял и сместился вправо.

— Эй! — Он положил руку на плечо человека. — Ты кто?

Человек не пошевелился.

— Ты кто?

Человек молчал.

Тогда Хитч сунул руку за шиворот этому человеку, пошарил и выдернул желтый жетон. Стал его рассматривать. В танке было темно, полусумрачно, свет отражался только от стекол маски Хитча. Он поймал этот зайчик и прочитал жетон.

— Хопер, — сказал он, — ты знаешь такого?

Я помотал головой, Хопера я не знал. У нас на Меркурии, как в ранешней Исландии, — фамилий нет, только имена. Народа мало, так что на всех имен хватает. Но Хопера я не знал.

— Я тоже не знаю...

— Спроси его, — предложил я.

— Бесполезно, — махнул рукой Хитч. — Я уже спрашивал. Молчит... Наверное, кататония...

— Может, это... Что-нибудь ему вколоть?

— Бесполезно, в полевых условиях я не могу ничего сделать... Надо его вытащить. Убери оружие, он безопасен... кажется...

Я опустил фризер. Подошел к креслу пилота. — Берем за руки, — сказал Хитч. — И к дыре.

— Лучше в шлюз, так удобнее будет.

Хитч согласился. Мы подхватили этого Хопера под мышки и...

Вырвать его из кресла не удалось, человек сидел, вцепившись в рукоятки управления, мы дергали, дергали, добыть Хопера не получалось. Тогда Хитч вытянул нож и осторожно, стараясь не поранить, отогнул пальцы. Я слышал, пальцы словно ломались, отгибались с хрумкающим звуком. Хорошо хоть этот Хопер обратно пальцы не загибал, так они у него отогнутными и оставались. Мы отцепили его от штурвала, вытащили из кресла. Человек был тяжелым. Впрочем, это от скелета, все демпферы и гидроусилители спущены, и Хопер болтался сам по себе. А может, воды перепил, вода в организме — она тяжелая...

Мы вставили Хопера в шлюзовую камеру и запустили вверх. Камера пошла легко, выдавила Хопера на воздух, он скатился на землю, брякая шарнирами скелета. За ним выбрались и мы.

Странная штука произошла — Хопер опять сидел. Возле гусеницы. Он должен был лежать, а он сидел. Аккуратно так, словно посадил кто.

— Как это? — спросил я.

Хитч не ответил.

— А где все остальные? В экипаже должно быть четыре человека, трое еще куда делись?

Хитч поглядел на танк.

— Ты думаешь... Ты думаешь, что это... ну, там внутри... Кровь?

— Может, и масло...

Хопер вдруг оказался на ногах. Не вскочил, не поднялся, а просто оказался, раз — и уже стоит перед нами. Это так неожиданно вышло, что я даже назад шагнул.

— Ты что, очухался? — Хитч протянул к Хоперу руку.

Но тот мощно толкнул Хитча в грудь. Хитч упал, брякнул. Хопер побежал.

— Хватай его! — заорал Хитч.

Ни к чему хватать было — Хопер бежал прямо. То есть совсем прямо, не сворачивая. Он несся прямо на дом, на секунду я подумал, что Хопер хочет запрыгнуть в окно, однако все получилось не так. Со всего маху, не останавливаясь, человек ударился о стену, упал и не поднялся.

— Идиот! — крикнул Хитч, и я не понял, кому он это.

Мы поспешили к Хоперу. Он лежал под стеной. Хихикал. И как-то странно шевелил руками, как кого-то обнять пытался.

— Кто это? — спросили за спиной.

Я дернулся, резко обернулся, чуть не выстрелил. Бугер. Заспанный. В руках эта синяя рыбина дельфин. Матерчатая, с кривыми глазами.

— Дурак ты, Бугер, — сказал я. — Я бы тебя сейчас...

— Кто это? — спросил уже Джи.

Проснулись, пришли.

— Хопер, — ответил Хитч. — Так его зовут.

— И что с ним? — спросил Бугер.

— Что-что, свихнулся, — ответил Хитч. — Такое случается. Особенно с первоходами... Я вас предупреждал. Я вам говорил, что надо себя правильно вести...

— Это не первоход, — сказал Джи.

И указал пальцем на рукав. На рукаве Хопера красовалась двойка. Второй рейд. Этот человек был уже во втором своем рейде, он не являлся новичком.

— Второй рейд еще опасней первого, — задумчиво сказал Хитч. — Многие начинают думать. А лучше думать поменьше, побольше исполнять приказы. Тогда вернешься живой...

— Что тут произошло? — Бугер присел рядом с Хопером.

— Откуда я знаю! — нервно хрюкнул Хитч. — Утром вышел подышать, смотрю — танк стоит...

Хопер вдруг что-то прошептал.

— Что это? — спросил Бугер. — Он что-то сказал...

— Ничего он не сказал. — Хитч пнул Хопера. — У него просто судорога...

— Нет, он сказал, — упрямо заявил Бугер. — Он что-то сказал!

Бугер потряс своим дельфином.

— Они... — сказал Хопер уже громче. — Они... Были... Чужие...

Он засмеялся.

— Какие чужие?! — почти выкрикнул Бугер.

Хопер смеялся и никак не мог остановиться. Хохотал, хихикал, всхлипывал, а лицо его при этом совсем не менялось, и глаза тоже мертвые были, гладкие.

Мне вдруг захотелось домой. Очень. Домой, в бокс, в свою маленькую тесную комнату, к своим маленьким вещам, к запаху железа...

Рейд — самая прекрасная вещь, с этим трудно спорить. Но сейчас мне было страшно. Уже по-настоящему. Я чувствовал, что мы посторонние. Посторонние здесь. Люди ушли с планеты, и их место заняли они.

Чужие.

Здесь. Может быть, они действительно где-то здесь...

— Хватит, — мягко сказал Хитч. — Хопер, хватит смеяться.

Но Хопер не слышал.

— Хватит, — сказал Хитч уже серьезно.

Хопер засмеялся громче.

— Он не может остановиться...

— С ним надо поговорить...

— Эй! — крикнул Хитч. — Очнись!

Хитч, не размахиваясь, хлопнул Хопера по лицу. Потом еще раз. И еще. Только бесполезно все, Хопер смеялся.

— Он не остановится, — прошептал Джи. — Надо...

— Он остановится!

И Хитч ударил кулаком. В нос.

— Очнись! — рявкнул Хитч. — Очнись!

Он схватил Хопера за шиворот, выдернул с земли и ударил его еще несколько раз.

Смеяться Хопер перестал. На губах запузырилась кровь, Хопер обмяк, глаза косили в сторону. Хитч отпустил его, сорвал с пояса флягу, стал пить. Пил через силу, было видно, что через силу, вода выплескивалась.

Бугер глупо вертел в руках синюю рыбину, не знал, куда девать. Я не знал, куда мне самому деваться, этот Хопер... Чего его к нам занесло?

— Что будем делать? — спросил Джи.

— Не знаю, — поморщился Хитч и выплеснул на землю остатки воды. — Надо его на базу...

— Ему к психологу надо, — вмешался я. — Он явно пережил какой-то шок...

— Я же говорю, на базу. — Хитч отбросил флягу. — Чем скорее, тем лучше.

Хопер очнулся, сел к стене и принялся смотреть сквозь нас.

— Что с ним потом будет? — поинтересовался Бугер.

Ничего хорошего с ним не будет, подумал я. Его попытаются вылечить. Если ему повезет, то после лечения он станет сортировщиком на горно-обоганительной фабрике. Если не повезет...

Ну, если не повезет, то его посадят на половинный рацион. Станут сканировать мозговую активность. Если активность покажется низкой, то через пару лет его, скорее всего, пустят на запчасти. Законы у нас жесткие. Стратегия выживания.

— Так что же с ним... потом? — Бугер почесал голову дельфином.

— Там поглядим, — ответил Хитч. — На месте...

Он поднял фризера.

— Погоди. — Бугер прикрыл фризера синей рыбой.

— Что еще? — Хитч продолжал целиться даже через дельфина.

— Погоди, не стреляй...

— Почему?

— Не стреляй.

Бугер произнес это как-то не так, необычно для себя самого, и Хитч вдруг послушался и фризера опустил.

— Если ты его сейчас заморозишь, то он... то его... — Бугер мялся. — Его... ну, вы сами знаете...

— Что мы знаем? — спросил я. — Ничего мы не знаем! Ничего я не знаю!

— Неизвестно, что он сделал с остальными. — Хитч кивнул на танк. — Может, он всех их... А если он их бросил? Вы представляете, что с ними произойдет? Если они в лесу...

Мне почему-то казалось, что он их не бросил. Что все по-другому тут...

— Давайте его отпустим, — предложил вдруг Джи.

— Это не по правилам, — возразил Хитч. — Мы должны провести расследование, мы должны все как следует...

— Отпустим, — повторил Джи. — Дома его все равно ничего хорошего не ожидает.

— Его же вылечат... — сопротивлялся Хитч. — Он может дать ценные показания... Мы же должны узнать, что произошло...

Бугер шумно вздохнул.

— Что?! — повернулся к нему Хитч. — Что ты вздыхаешь? Что ты хочешь сказать?

— Вы не слышали, что было в позапрошлый рейд?

— Только не начинай, — скривился Хитч. — Я не хочу слушать сказки сейчас...

— А сам сказки любишь рассказывать, — вставил я.

Хопер замычал. Поглядел на меня. Открыл рот. Языка у него не было, только черный обрубок.

Языка нет. Остальные этого не заметили, а мне не захотелось почему-то про это говорить. Страшное что-то случилось с Хопером и его экипажем.

Ничего не поделаешь — рейд...

— Он привел сюда танк. — Бугер будто подслушал меня. — Значит, он не совсем безнадежен...

— Это рефлекс, — возразил Хитч. — Только рефлекс, не более...

— Если мы его возьмем с собой, он не будет жить. — Бугер уставился на Хитча. — Это точно. Ты сам знаешь...

— А мне-то что?! — Хитч пожал плечами. — Мне-то что до этого?! Парень отправился во второй рейд, и вяпался...

Хопер заскулил. И затрясся, точно внутри у него испортился какой-то механизм, Хопер дергался и хрипел. А мы смотрели на этого Хопера. Из него текло что-то. Из ушей. Кровь, наверное.

— Ладно, — Хитч убрал фризера за плечо. — Ладно. Пусть. Все равно... Пусть будет так... пусть...

Он взял Хопера за шиворот, поднял его на ноги.

— Иди отсюда. — Хитч толкнул Хопера в спину.

Тот не двинулся.

— Пошел отсюда вон! — заорал Хитч.

Хопер пошagal вдоль по улице. Прямо, как и раньше. Натыкался на стены, разворачивался, шагал в другую сторону, снова натыкался... Как большая заводная игрушка.

Смотреть на это было тяжело, из наших никто не смотрел.

— Все равно сдохнет, — уже тихо сказал Хитч. — Пусть...

— Надо договориться, — негромко произнес Джи. — Насчет всего этого... Чтобы показания не расходились...

— А тут нечего договариваться. — Хитч стянул маску и принялся усердно протирать стекла. — Нечего... Ничего не случилось. Я не внесу это в бортовой журнал, а вы вообще ничего не видели... Все просто.

— А танк? — Бугер указал на тридцать первый.

— Танк оставим здесь. Да и не утащить его... Прицеп с собой заберем. Скажем, что нашли брошенный прицеп, взяли с собой, нам это зачтется. Людей не было! Вы поняли?!

Мы понимали.

— Поняли?! Я слышать хочу!

— Поняли.

— Поняли.

Я тоже сказал «поняли».

— Надо отсюда уходить. — Хитч направился к нашему танку. — Сейчас же. Уезжать. Тут недалеко есть еще одно поселение, отправимся туда. Там... там подумаем. Десять минут на сборы.

Нам хватило пяти, через пять минут танк уже рвал через заросли. За штурвалом сидел Джи. Вел он скупое, уверенно и зло, двигатель ревел, машину подбрасывало на ухабах, а поселение, которое должно было уже показаться, по моим подсчетам раза три, все не показывалось и не показывалось. Джи начал ругаться, оказалось, что мы влетели в болото и теперь старались проскочить между топями. Я понял, что это дело долгое, и устроился спать, правда, поспать не получилось, пришла моя очередь вести. Поднялся, закапал в глаза антисон и почти четыре часа вилял между гнилыми деревьями. Прорваться не удалось, даже хуже получилось — заблудился еще сильнее, так что Бугеру, чтобы выбраться из болота, пришлось потрудиться. Впрочем, у него это получилось неплохо. Бугер не только вещи умел искать, он еще и дороги, как оказалось, искал отлично. Вывел в лес.

Когда машина вновь пошла по лесу, я успокоился и снова попробовал уснуть, только антисон действовал хорошо, и глаза почти не закрывались, веки точно остекленели. Пришлось мне маску надеть и стекла заклеить бумагой, чтобы темно было. Но даже так во второй заход уснул я не сразу, хорошенько помучился. Все этот Хопер у меня перед глазами стоял, лицо его страшное, плохо это, потом еще сниться начнет...

Психика у меня расшевелилась не на шутку, руки даже затряслись. Пришлось лезть в большую аптечку, транквилизаторы искать. Транквилизаторы помогли.

Проснулся от тишины. То есть не от тишины, а от того, что почувствовал — танк стоит. Открыл глаза.

Пощелкивала трансмиссия. Хитч. Говорил я ему, не отключай передачу слишком резко, не отключай, все-таки водитель он дрянной, двигатель чинить теперь придется. Скорее всего...

Огляделся. Остальные тоже молча сидели в своих креслах, не спрашивали ничего, ворочали головами, похоже, что тоже только что проснулись. Так мы просидели минут, наверное, пять, Бугер не вытерпел и спросил:

— Почему стоим?

— Навигация отказала.

— Как это?

— Не знаю... Помехи...

Хитч опустил перископ, принялся ворочать им в разные стороны. Не отрывался от резинового кожуха долго. Потом отвалился и направился к шлюзу. Молча. Выбрался наружу. Мы переглянулись, затем вылезли за Хитчем.

Ночь, но не темно, лес переливается разноцветным. В нем вспыхивали размытые огни, красные, желтые, зеленые, еще каких-то диковинных небывалых цветов. Сначала мне показалось, что огни эти выходят прямо из земли, но потом я посмотрел вверх.

Небо. Оно играло, заливало мир большим, удивительно красивым сиянием, и это сияние пронизывалось тонкими синими колючими и сплетающимися в клубки нитями. Деревья светились, и красные листья светились, и светилось все, и даже наш танк, и даже мы светились...

— Что это?! — восхищенно спросил Бугер. — Что это такое?!

— Не знаю... — ответил Хитч. — Я не знаю, что это такое, первый раз вижу такое... Электромагнитные поля, наверное... Они заставляют атмосферу сиять...

— Это магнитные бури, — сказал Джи. — Повышенная активность, разве вы не чувствуете? Солнечный шторм, ветер проходит через атмосферу, и она горит... Как красиво...

— Я не чувствую... — сказал Бугер. — Не чувствую совсем...

И указал пальцем в небо, а потом, чуть подумав, на горизонт. В сторону запада.

Я прислушался. И почти сразу понял, что Бугер прав. Я тоже не чувствовал Солнце. Оно исчезло, смазанное бушующими в эфире стихиями. Солнца не чувствовалось, и это

было... пока только неудобно. Но я знал, что если так продлится и дальше, мне станет страшно. Небо стало другим, ненадежным. Небо взрывалось слабо зеленым, который тут же переходил в красный, рассыпался на оранжевые звезды, которые мгновенно сворачивались в спирали и тут же распускались, словно живые дикие цветы.

А потом небеса выключились.

Глава 19

Твари

— ... Тогда Ильдык взял дубину и стукнул огненного Гундыра по всем его трем башкам...

Я поворачивал глазами.

— Но головы у Гундыра были крепкие, дубина раскололась и рассыпалась в мелкую крошку. Тогда Ильдык схватил железную гору перекинул ее из руки в руку и бросил в Гундыра, но тот выдохнул огненным выдохом, и гора растеклась красной медью...

Дичата смотрели на меня, разинув рот. Да и некоторые взрослые тоже. Даже Рыжий из своего персонального вонючего угла смотрел. В диковинку ему, когда человек разговаривает, не привык еще.

— Что вылупился, Блохастик? — сказал я ему ласково.

Рыжий отвернулся. Повезло мне. С Рыжим в одной клетке. Глазунья в соседней. Не повезло.

Вот такое эскимо.

Глаза болели. Сильно. Чесались. Я думаю, это от газа, он не только парализует, он еще ослепляет. Первое время я их даже открыть не мог. Я уже испугался, что ослеп, но нет, проморгался. Но все равно вижу плохо. Дальше руки не вижу, расплывчато все.

Глазунья тоже болеет. Кажется, у нее сломана рука — она держит ее на весу, а рука опухла. И трясет Глазунью сильно. Мне ее жалко. Только я ничем не могу ей помочь. Хотя могу, когда она смотрит на меня, я улыбаюсь. И она через боль улыбается мне в ответ, я не вижу, но знаю.

Дичата тоже тут. Все трое. Все трое попались. Твари залили нас усыпляющим газом и покидали в клетки.

Теперь мы тут и живем. Самое забавное, Волк со мной. Не знаю, каким чудом он со мной остался. Между лесом и клеткой было еще что-то... Я открывал глаза, пытался то есть. Темно, я лежал на железе, Волк со мной. И еще я чувствовал, что перемещаюсь, плыву над землей...

Сверху опять тек туман, и я засыпал...

— Сказала тогда первая голова: «Руби еще, Ильдык, не стесняйся!» Но понял Ильдык, что нельзя рубить, что тут неспроста что-то...

Волк цапнул меня за палец. Он в последнее время стал что-то кусаться много, как заяц почти, наверное, зубы новые лезут, чешутся. А может, есть хочет. Волку тут туго — сидим два дня, а еды никакой. Правда, Рыжий, ну, не старый Рыжий, а молодой, дичонок, поймал крысу. Волку этой крысы хватило на день, так что уже полтора дня Волк голодный. В его возрасте это плохо, голодать противопоказано, энтропия может сделаться запросто. Я пробовал поискать тут земляных червей, но черви тут не водились. Так что голод скоро станет серьезной трудностью...

Пить тоже хочется, но не сильно — утром прошел дождик, все напились. Рыжий, старая скотина, так широко растопырил под дождем свою пасть, что в нее запросто могло войти, наверное, целое море воды.

Я тоже сидел с раскрытым ртом, как какаду какой-то, и все капли почему-то мимо пролетали, а потом Волк подсказал мне, как правильно пить под дождем. Волк слизывал воду с моей правой ноги, я подумал и тоже стал слизывать, ну, не с ног, конечно, а с рук.

И глаза немножко промыл.

А Глазунье от этого дождя только хуже стало, затрясло ее сильнее. Хорошо хоть потом солнце вышло. Только настроение ни у кого не улучшилось, дикие совсем грустили, а дичата вообще плакать стали. Тогда я и решил им сказки рассказывать. Все утро рассказывал, сказки кончились, и я стал уже придумывать, брал несколько сказок и вместе их соединял, переделывал, переставлял имена. Но и переделанные сказки стали подходить к концу, и Волк вовремя меня за палец укусил.

Дичата засмеялись, а этот стал мой палец уже совсем нешуточно грызть, до боли даже.

Дичата веселились. И Глазунья улыбнулась. И этот рыжий гoblin Рыжий тоже попытался улыбнуться. Зубы гнилые. Почти все. Красавец. Вождь. В каждом зубе такая дырка, что можно засунуть мизинец. Улыбнулся. А совсем еще недавно меня убить неоднократно хотел...

Да... Зрение чуть подвыправилось.

Я сижу в клетке. Уже два дня. Настроение у меня не очень жизнерадостное. А у кого может быть жизнерадостное настроение, если он очнется в клетке с дикими?

Справа и слева от нас тоже клетки. В правой клетке звери. То есть животные. Олени по большей части, кабаны еще, лось. И дикие. И дикие, и животные — все вместе, набиты так туго, что с трудом шевелятся. Но сидели как-то смирно, как пришибленные. Наверное, на них этот газ еще действовал. А может, просто одурели уже до ооченения. Даже лось, свирепое животное, и тот спокоен был, рога в решетках застряли, глаза кровавые, страшные, как у меня, наверное.

В левой, в той, где Глазунья, дикие. Немного, видимо, место оставлено для других диких. Мы в центре. В нашей клетке только люди. Много. Тесно. Вонюче.

А есть еще пустая клетка, никого в ней. Вообще, меня, как человека, следовало бы в нее посадить, но эти твари в людях ничего не смыслили. Ладно.

Первое время пребывания я пытался выбраться. Старался протиснуться между прутьями, пытался их раздвинуть — бесполезно. Клетка была крепкая, а плечи не проходили. Надо попробовать еще разок. Через пару дней. С голода быстрее всего щеки вваливаются и плечи. Голова худеет через неделю, несильно, но все-таки худеет. Через пару дней появится шанс.

Замок я тоже проверил. Не сломать. Все, попались плотно. Я, все остальные. Не уйти. Остается только сидеть, дрессировать Волка да вокруг поглядывать. Местность здесь интересная. Другая. Совсем. Какие-то холмы вокруг, деревья хвойные, в тех лесах, где мы с Хромым жили, все больше березы разные, осины стоеросовые, ели темно-зеленые, а тут сосны вроде бы. Хорошие, из таких дома надо строить. Однажды мы с Хромым попали в такую деревню — все дома из дерева, и все как новенькие. Вокруг, конечно, все разрушено, а дома стоят. На одном доме из клинышков дата выложена, так по дате дома этим уже за двести лет, давным-давно еще построены. А тут как раз везде сосны...

Север, наверное, это. Нас завезли на север. А может, и нет, сейчас же все поменялось... Пусть север. Сидел я в клетке на севере с дикими. Дикие были все тихие, я уже говорил, все сидели в центре кучей, поскуливали и воняли невыносимо. Но не это меня удручило. Другое. Меня удручило то, что люди не прилетали. Самое бы время...

Всю свою жизнь Хромой мне говорил, что люди должны прилететь, а они не прилетели. Вместо них появились твари. Подводные хоботастые яблони. А где обещанные люди?

Нет людей. Есть твари. Интересно, зачем они нас в клетку посадили?

Я долго думал над этой проблемой, а потом понял только. Рабство.

Рабство. Точно, рабство! Я вспомнил! Нет, Хромой все-таки был умный! Какой умный! Заставлял меня читать! Говорил, что чтение — это одно из самых важных человеческих качеств! Читает только человек! Дикий не читает! Я читал. И чтение мне помогло, я вспомнил про рабство.

Рабство, это когда одни заставляют работать других. Сильные заставляют работать слабых. Умные заставляют глупых. Вот я — сильный и умный, я бы мог запросто заставить

на себя работать диких. Волков я приручать умею, диких как-нибудь тоже сумел бы приручить.

Но, во-первых, я об этом никогда не думал, а во-вторых, я бы никогда не хотел иметь в рабах таких вонючек и дураков. Но, может, у них, у ходулин этих, совсем туго с рабами? И они решили набрать себе диких. Наверняка эти твари хотят заставить нас всех работать на себя. Выращивать какую-нибудь пшеницу или в колесе огромном бегать. Точно, они собираются нас заставить бегать в колесе, чтобы выпаривать электричество...

А я тут вполне случайно, между прочим, я человек, просто одежда у меня потерялась...

Только вот вопрос: кто они все-таки? Подводники или...

Я толком их и не видел даже. Тогда на берегу. Глядеть глядел, а не запомнил, как будто смыло все из головы... И тут только издали, да и то в сумерках, с тех пор, как очнулся в этой клетке, они близко не показывались. Два дня. Но это все-таки они. Те самые. Ходячие яблони...

Они появились на третий день. На своих машинах. Сначала заревело громко, дикие кинулись в угол, и зверье в соседней клетке принялось биться, какого-то дикого раздавили, и он стал орать так глупо и бесполезно...

Потом из-за холмов показались машины. Много, больше десяти. На пузатых круглых колесах, совсем такие, как там, на берегу. Машины объехали вокруг клеток и остановились. Двери в них открылись, и наружу полезли эти чудища. Черные, страшные и какие-то горбы желтые на спинах, будто нарывы огромные... Явление сообщило дичарам и зверью еще большего ужаса, в общей клетке вообще какая-то мясорубка наступила.

А один из диких в моей клетке, здоровенный такой, как стог, попытался закопаться, принялся с визгом рыть землю, дурак. Дурак потому, что думать не умеет. Клетки ржавые, давно тут стоят, и земля эта только сверху, надо же понимать. Так оно и случилось, дичара обломал себе все ногти и докопался до решетки. Я бы засмеялся даже — морда у него такая безнадежная сделалась, что смеяться мне захотелось. Но общий момент неподходящий был. Должно было что-то тут случиться, и смеяться не стоило.

А Глазунья тоже металась по клетке и все на меня смотрела. Я сделал ей знак — все хорошо будет, но она, конечно, не поняла, так все и суетилась, как птичка совсем.

А я не стал прятаться. Стоял возле решетки и глядел на все это. Решил, что не буду больше прятаться и бегать, набегался, я не страус какой-то. И лицо я постарался сделать такое, презрительное, чтобы знали эти яблони — не боюсь я их. И шурился изо всех сил, глаза-то болели.

Ну, и Рыжий тоже. Не испугался. Наверное, устал всю жизнь бояться, хорек волосатый. Что ж, это первый шаг. Не бояться. Человек не боится, ну, во всяком случае, старается со страхом бороться, только так и можно стать человеком.

И Волк мой тоже повел себя крайне мужественно — оскалился и зарычал. Молодец, звереныш, я в нем не ошибся.

Чудища занимались своими чудовищными делами. Открыли пустую клетку и принялись выгонять из своих машин зверей и диких. И те и другие пребывали в заторможенном состоянии, двигались вяло, как во сне. Наверное, это от газа, твари легко набили пустую клетку животными вперемежку с дикими, сопротивления никто не оказывал.

Затем рядом с клеткой, в которой сидели звери, установили что-то вроде пушки. То есть сначала мне подумалось, что это пушка, нет, к пушке присоединили две кишки, которые утянули аж за холм. Одна тварь устроилась за пушкой, что-то там сделала и из ствола ударила водяная струя. Мощная — она попала в того самого лося с запутавшимися рогами, и рога сломались, а самого лося отбросило от решетки. А струя принялась месить всех остальных, через некоторое время они все даже кричать перестали, сплелись все в один мокрый тяжелый ком и лежали, а одна тварь приблизилась к решетке и кинула что-то внутрь, и тут же клетка заполнилась белым газом.

Твари выждали немного, открыли клетку и стали вытаскивать оттуда. Сначала животных. Набрасывали на голову петлю из троса и вытаскивали. Сильные, очень сильные,

одна тварь легко справлялась с медведем.

Животных подвели к открытым люкам машин, что-то делали с ними, и животные падали. Просто падали. А твари брали их за лапы и забрасывали внутрь.

А потом пришла очередь диких. Их тоже вытаскивали петлями, они тоже падали, их тоже зашвыривали...

Дикие, те, что остались в других клетках, стали кричать. А я не мог почему-то... Я смотрел на все это, во мне что-то такое сдвинулось, я точно окаменел...

Над клетками стоял вой, ужас, ужас был сильнее вони, он будто собрался в воздухе в тяжелые сгустки, и стало трудно дышать. Я поглядел под ноги. Волк извивался на земле, хрипел, глаза вылезли, Волк грыз переднюю лапу. Я наклонился и ударил его по голове. Сильно, чтобы он отключился. Волк отключился, я продолжил смотреть.

Я увидел слоненка, он был привязан к одной машине, к дальней. Тот самый слоненок, Дружок. Вид у него был не очень. Синий какой-то. И ребра торчали. А одно ухо почти совсем оторвано, как у меня почти. Даже не оторвано, даже измочалено как-то, свисало до земли кровавой бахромой. Хобот болтался, а вокруг глаз круги бордовые. Нехорошо выглядел Дружок.

Его подвели ближе, и тварь стала мыть его из пушки. Дружок был крепким, на ногах держался. Его мыли, потом вдруг грохнуло, и я узнал огнестрел, так грохать мог только огнестрел, я огляделся и увидел у одной из тварей в руках оружие. А в голове у Дружка образовалась большая красная дыра. Слоненок упал, твари зацепили его петлей за задние ноги и втроем потащили к одной из машин.

Они тащили, за слоном тянулась широкая красная полоса. Зачем они его убили? Им же рабы...

Я повис. Руки держались за прутья... Но я поднялся и продолжил смотреть, надо было смотреть и запоминать...

Я увидел ягуара. Это был настоящий ягуар. Даже больше, это был черный ягуар, королевский — очень редкий. Ягуары такие ловкие, не знаю, каким образом твари его схватили. Наверное, тоже газом. Пустили газ, ягуар с дерева брык...

Я смотрел. Глаза болели, я боялся, что они вдруг могут лопнуть, но все равно смотрел.

Ягуар, он был как все — не сопротивлялся, одна из тварей тащила его за шиворот, как котенка совсем. Хвост болтался по земле, я заметил, что этот хвост был раздавлен. Сильно раздавлен, был похож на хвост бобра, плоский такой, я еще подумал — теперь с таким хвостом ягуару будет очень удобно плавать...

Тварь подтащила его к люку машины, но почему-то остановилась. И к ней подошла другая тварь. Первая подняла ягуара, вторая взяла его за горло. Не знаю, что им от него было нужно — в колесо его не посадишь, работать не заставишь никак, хоть разорвись... Я читал, что раньше вроде как была такая привычка охотиться с леопардами, может, для охоты... А может, просто на мех. Мех у ягуара хороший, густой, подшерсток толстый, никогда не намокает. Из ягуара можно отличную осеннюю куртку сделать — и теплую, и водоотталкивающую. Может, тварям нужна куртка? Комбинезоны у них резиновые, наверное, не очень теплые... Зачем-то они слоненка убили ведь...

Тут это и произошло.

Ягуар дернулся, изогнулся и ударил тварь лапой по морде.

Тварь зарычала, сжала кулак, и я услышал, как хрустнула ягуарья шея. Просто. Просто.

Все, ягуар был мертв. Он обвис как мешок. Вторая тварь заухала, то ли в ярости, то ли в одобрении. Первая зарычала, подбросила зверя в воздух и одним стремительным и неуловимым движением содрала с него шкуру. Всю, разом.

Представить не мог, что такое возможно. Я вообще не мог снять шкуру без того, чтобы не прорезать мездру, даже Хромой, даже Хромому требовалось почти полчаса на ошкуривание... Тварь сделала это за секунду. Непонятно как...

На землю упала красный и ободранный кусок мяса. Дикие за моей спиной замолчали.

Тварь повернулась в сторону нашей клетки. Дикие сбились в кучу в противоположном

углу, вокруг Рыжего.

Я смотрел.

Тварь направилась к нам. В несколько широких шагов она приблизилась к клетке.

Я не отступил и не отвернулся. Я же человек. И должен смотреть. А чудовищ я не боюсь уже с трех лет. Чудовищ нет. Хромой мне всегда говорил, что чудовищ нет, и я приучился в это верить, однако оказалось, что Хромой был неправ...

Чудовища есть.

Чудовище приблизилось к клетке и швырнуло в меня шкуру ягуара. Я закрыл глаза.

А когда я их открыл, то я уже знал, как я отсюда выберусь. Шкура попала мне в лицо. Она была еще теплая и еще живая, она сползла по моему животу до ног, и, когда она сползла до ступней, я понял.

Тварь вернулась к своей машине. Ссутулившись, царапая руками по земле, желтый горб на ее спине желтел почему-то более ярко, тварь убила ягуара и будто наполнилась внутренним удовлетворенным светом...

Шкура сползла, и я оказался перемазан липкой кровавой юшкой. Я посмотрел на себя, взял шкуру, свернул ее в валик, вернулся в свой угол и стал ждать. И отдыхать. Я должен был отдохнуть.

Стемнело скоро. Небо и без того было затянуто тучами, и сумерки спустились быстро и глухо. Твари затихли в своих машинах, дикие затихли, только ветер шумел деревьями и негромко урчал во сне Волк, после того, как я ударил его кулаком, он взялся спать, наверное, устроил я ему легкое сотрясение рассудка.

Потом время пришло, я выдохнул и стал как всегда — спокойный и уверенный.

Я огляделся. Было тихо. Я поднялся на ноги, распустил шкуру. Она не засохла, так, немного подзагустела, но это было даже и лучше. Я надел шкуру на голову и тщательно измазался в жиру и внутренних кровавых соплях. Потом измазал плечи, спину, руки-ноги, одним словом, покрылся весь этой подшкурной ягуаровой жижицей. После чего прижался к решетке.

Эти сразу все поняли. Дикие. Я был удивлен. Дикие заволновались, загукали, зашевелились, грязные вонючие животные. Поняли.

За моей спиной замычали.

Я обернулся.

Дикая. Незнакомая. Смотрит на меня через свои космы. Дрожит нижней губой, воняет. И я воняю. Я стал как дикий. С дикими поживешь — сам завоняешь. Выберусь отсюда — первым делом побегу к ближайшей реке и хорошенько вымоюсь. Пусть вода холодная, пусть, буду мыться, растираться песком, пока не стану скрипеть. А потом еще натрусь еловой хвоей, чтобы хорошо пахнуть. И буду жевать смолу, чтобы из легких ушла эта вонь.

И забуду, все забуду. Забуду.

Дикая опять промычала. Дура. Мне захотелось треснуть ее по морде, если она так мычать будет, твари могут и услышать.

— Замолчи, — твердо сказал я. — Замолчи.

Дикая замолчала. Только смотрела на меня своими глупыми глазами.

Вообще-то, я догадывался. Что она от меня хочет.

— Нет, — сказал я.

И сделал свирепую морду. Ну, примерно, как у самих диких. Дикая отступила.

Так, знай свое место, лягушка.

Я приблизил голову к прутьям и стал осторожно просовывать ее в железный квадрат решетки. Голова пройдет — пройдет и все остальное, учил меня Хромой, я запомнил это. Голова прошла легко.

Дикие опять замычали, на этот раз более просительно и жалобно.

Я вернулся головой в клетку. Зачем?

Не знаю.

Вернул голову в клетку и обернулся уже раздраженно.

Теперь к дикой присоединился еще и Рыжий. Выбрался из своего угла, прихромал, поглядел на меня. Тоже промышчал что-то. А рожа такая умоляющая, ему совершенно не идет. Мычит и рукой своей вонючей в сторону дичат тычет, пальцами грязными пошевеливает, колдует, заколдовать меня хочет.

— Я не смогу с ними уйти, — сказал я. — С ними меня догонят.

Они смотрели на меня. К дикой и Рыжему присоединились еще несколько глаз, никогда на меня не смотрело столько людей разом. Они, все эти дикие, придвинулись ко мне и дружно в один голос заскулили, как стайка невымытых жалких шакалов, хорошо хоть они у нас не водятся.

Я поглядел в сторону, на Глазунью. Она тоже смотрела на меня. И что-то у нее в глазах такое...

— Ладно, — проскрипел я. — Ладно...

Я взял за руку какого-то дичонка, ближайшего к себе, подтащил. Я это сделал только для того, чтобы дикие от меня отстали. Зря я это сделал. Дикие засуетились еще сильнее, и стали толкать мне своих отпрысков, и в глаза старались заглянуть, но все равно — ни один из них не мог выдержать моего взгляда. И я не успел даже ойкнуть, как вокруг меня оказалось шесть штук дичат, они мне до плеча еле доставали. Трех я и раньше знал, Рыжий-младший среди них, сын Рыжего. Такой же уродец...

Они толкали их и пихали их, а эти соплястики вдруг все как один вцепились в меня и стали дергать, и кто-то хныкал, и воняло, воняло...

— Ладно! — рявкнул я негромко. — Ладно! Ладно!

Они сразу замолчали все.

— Ладно, — повторил я уже спокойнее. — Не галдеть! Тихо! По одному! Натирайтесь!

Я швырнул Рыжему-старшему шкуру, тот немедленно принялся натирать недомерков, а я вернулся к решетке. Просунул голову. И начал медленно проталкивать через прутья плечи. Плечи лезли плохо, даже несмотря на то что я был весь перемазан кровавой юшкой, протискивался я туго, по сантиметру. А в какой-то момент мне показалось, что я вообще застрял. Руками я не мог ни за что уцепиться, ноги тоже болтались в пустоте, я дергался, пытался вертеться, не получалось ничего, застрял плотно.

И вот когда я уже начал было переживать по поводу этого своего застревания, кто-то подтолкнул меня сзади. Крепко так подтолкнул — я выскочил вперед и прокатился по земле.

Поднялся, оглянулся.

Дичата тоже стали пролазить. Сразу все и сразу в нескольких местах. И почему-то ногами вперед.

Глупцы. Дикие. Что с них возьмешь?

— Не так, идиоты! — негромко шикнул я. — Головой надо лезть!

Но они уже тоже позастревали и теперь шевелили ногами, стараясь освободиться.

— Головой! — повторил я.

Но они не понимали, пришлось мне помогать. Я затолкал всех шестерых обратно и собрался было начать вытаскивать их за головы, но тут подумал: а зачем мне это все надо? Я снаружи, дикие внутри, можно спокойно бежать...

Видимо, дикие почувствовали эти мои колебания, они прилипли к клетке, просунули наружу руки и стали тянуть их в мою сторону.

— Хорошо, — прошептал я, — хорошо...

Я сделал шаг к клетке.

— Головой! — Я постучал себя по голове. — Головой лезьте!

Дичата полезли головой вперед. И у них возникли такие же трудности, как у меня, — плечи. И хотя сами дичата были мелкие — мне по грудь самый высокий, но при этом на редкость плечистые и прямоугольные. Во как — мяса не жрут, а плечи имеют крепкие, мосластые. И эти мослы как раз и мешались. Даже ягуарья шкура не помогала.

Дикие волновались. Тогда я придумал по-другому.

— Руки! — велел им я.

Не понимали.

— Руки! — Я похлопал по рукам. — Руки!

Рыжий дичонок высунул руки. Я схватил его за кисти, уперся ногами в основание клетки и рванул. Дичонок хрустнул. Кожу ему содрал. С этих самых плеч. Но вытащил.

Дикие в клетке радостно загукали. После первого дичонка дело пошло — я стал выдергивать их одного за одним и минут через пять выдернул всех. Шестеро. Шесть дичков стояли передо мной. Грязные. Косматые. Блестящие.

И точно такие же, грязные, косматые и блестящие, — стояли в клетке. Только те, что в клетке, были большими, а те, что рядом со мной были маленькими.

Та самая дикая просунулась до плеч сквозь решетку, один из дичат рванулся было, но я поймал его за волосы.

— Уходим, — сказал я. — Сейчас...

Кто-то просунул через решетку Волка. Он все еще спал, это мне не очень понравилось, но пока все равно ничего нельзя было сделать. Я положил Волка на сгиб локтя, пока его понесу, потом, может, проснется...

Я вспомнил про Глазунью. Она стояла возле решетки, дышала тяжело. Я подошел. Она через прутья погладила меня по щеке. Коснулась моего половинчатого уха. Рука у нее была горячая. Я хотел...

А она оттолкнула меня и убралась в угол.

Мне вдруг стало больно. Совсем по-другому больно, не так больно, я не знал, что мне делать с этой болезненностью, я не знал, что делать.

И я побежал.

Дичата сорвались за мной.

Глава 20

Память воды

Город был незнакомый и мрачный. А может, это мне оттого казалось, что погода стала портиться. До этого все дни светило солнце, и я чувствовал себя комфортно. У нас у всех, не только у меня, у Джи, у Бугера, у всех нас врожденное ощущение Солнца. Мы все чувствуем Солнце, не только с закрытыми глазами, но даже через многометровую железную, бетонную и железобетонную броню, мы чувствуем, где оно.

Даже опускаясь в пещеры, идущие к самому сердцу Меркурия, мы можем с поразительной точностью определить направление на Солнце.

В свое время наши ученые занимались этой проблемой, но толком ответить не смогли. Что-то такое в костном мозге, вроде навигационной системы у здешних птиц, умудряющихся даже из незнакомого места находить верную дорогу домой.

Солярный компас.

Вот и сейчас, небо было затянуто тучами, тучками, а если еще вернее, то однородной серо-синей облачностью, холодно и беспросветно, но я все равно точно знал, где находится Солнце.

А вчера, когда в небе разразилось это электромагнитное безобразие, я не знал, где Солнце. Оно будто исчезло, сгнуло в Космосе, и от этого было страшно, словно потерялся дом. К счастью, сегодня ощущение Солнца вернулось, но все равно, даже Солнце не помогало. Грустно мне было. Там, дома, мне никогда не грустно, просто некогда грустить, все время работал, а когда не работал, то с ног просто валился. А здесь работы мало — спасибо Хитчу, а времени свободного много. Вот и грустил. Интересный опыт для человека.

Отец всегда говорил, что рейд — это прежде всего опыт. Что только после рейда человек понимает, что он такое и что такое все человечество вообще. Что хорошо бы, чтобы каждый сходил в рейд, тогда бы мы, люди, научились ценить жизнь.

Опыт есть. Будет о чем подумать. Людей на самом деле узнаешь. Вот сейчас я понимал, почему Хитч устроил эту дурь с манекенами. Это сброс. В голове просто накопилось разной

дури, Хитч испугался, что дурь эта выползет наружу уж совсем безобразным пузырем, и поэтому решил сдуть его пузырем забавным. Дурацким, диким, но безопасным в общем-то.

Опытный рейдер Хитч. Если бы не сбой навигации, он бы, конечно, не заблудился. Если бы не это прекрасное небесное безобразие. Я не жалел, что мы заблудились, рано или поздно навигаторы заработают, и мы вернемся к кораблю, а такой праздник в небе я вряд ли когда еще увижу. Я вообще не знал, что раньше такие сияния в небе случались, так что нам повезло.

Мы въехали в этот город утром. Всю ночь двигались наобум — в небе не прекращался световой праздник, и под утро он, кажется, даже еще и усилился. Навигация не работала, по монитору плясали разноцветные линии и зигзаги, и определить свое положение было совершенно невозможно. Хитч смотрел в инфравизор и старался не наткнуться на слишком уж большие деревья, когда он устал, за штурвал сел я. Потом Бугер, потом Джи, все как обычно — один ведет, остальные отдыхают.

Разбудил нас Джи.

— Город, — сказал он. — Город!

Я проснулся окончательно.

— Забавный. — Джи потер глаза. — Башня такая необычная, точно с крыльями...

Хитч вывалился из кресла, подскочил к пульту, вытряхнул из-за него Джи и прилип к перископу. Не поворачивал, просто смотрел, впился лицом и смотрел долго.

— Надо отсюда уезжать, — сказал он, отцепившись наконец от окуляров.

— С чего это вдруг? — спросил Бугер. — Всю ночь через лес перлись....

— Надо уезжать. — Хитч поморщился.

— Танку требуется ремонт, — возразил Джи. — Во-первых, я попробую починить навигаторы, возможно, придется всю систему перезапускать. Во-вторых, трансмиссия раздергана, сами знаете. Если сейчас не посмотреть, может рассыпаться на марше. До корабля будем пешком добираться?

Хитч почесал щеку.

— Лучше танк проверить здесь, — повторил Джи.

— Ладно, — согласился Хитч. — Только быстро.

— Конечно, быстро. Я думаю, нам надо въехать в город со стороны...

— Я знаю, — Хитч взялся за штурвал. — Со стороны набережной лучше.

Хитч выжал сцепление, трансмиссия щелкнула, танк рванул с места. Минут двадцать нас трясло по несусветным кочкам, таким, что слабо помогали даже амортизационные кресла, зубы стучали, я стал бояться, что вот-вот они начнут крошиться, но тут Хитч танк остановил.

Мы вылезли наружу.

Город был невысоким. Сначала я подумал, что этот город так и задуман — приземистым, может, в этой местности сильные ветры или еще чего, поэтому дома и приплюснутые. Но, приглядевшись, я обнаружил, что дома эти низкими не построены совсем — срезало их словно, а может, сами развалились. Рассыпались. Наверное, тут землетрясение случилось, вот город и подмело...

А из всей этой разрухи торчала башня. Как гвоздь. Высоченная, а сверху и в самом деле вроде как крылья приделаны, наверное, антенны, похоже, что на башню села отдохнуть птица, да и окаменела там.

Перед нами изгибалась река, по каменному берегу ломались синие здания, справа над водой дугой изгибался ржавый железный мост, когда-то бывший красивым и ажурным и ставший теперь кривым, страшным и выкрученным. Я подумал, что даже землетрясение не могло так исковеркать железо, кажется, война тут у них случилась все-таки...

Впрочем, точно про это ничего не известно.

На берегу, на котором остановился Хитч, располагался парк, так это, кажется, называлось. Он сохранился, деревья особо не разрослись, просто утратили ухоженный вид и одичали. И дорожек не виделось, все оказалось похоронено под толстым слоем желтых

листьев. Из этой листвы торчало множество отбеленных дождями и ветром статуй, но ни одна из них целой не выглядела, в основном сохранились только ноги.

Танк стоял рядом с фонтаном. Фонтан — это водоем, из которого бьет вода вверх. Ни за чем. Просто так. Я видел фонтаны в мультфильмах. Фонтан был заполнен водой, чистой, прозрачной, никакие водоросли не завелись из-за дефолиантов, а вот рыбы почему-то завелись. Маленькие — шустрая серебристая стайка мелькнула и пропала, а я долго смотрел в воду, пытаюсь их встретить.

Рядом был еще один фонтан, круглый. Такой же прозрачный, но рыбы в нем не водилось. Мне, как всегда при виде воды, захотелось пить, и я зачерпнул горсть и напился.

Вода пахла дождем.

Я не видел ни одного дождя. Пока мы здесь, ни один дождь с неба не пролился, но я почему-то знаю, как он пахнет. Наверное, генетическая память. Вообще, у воды оказалось много вкусов и запахов, сейчас я, наверное, мог бы составить словарь воды. Вода никакая. Дистиллированная, ее можно найти в редких сохранившихся аптеках. Снадобья, хранящиеся в них, давно уже стухли и стали белым прахом, а вода в синих пластиковых бутылках осталась. Пережила долгие годы и осталась прозрачной и чистой. Эта вода — просто основа, смазка для суставов. Не полезна, не вредна.

Вода речная. Пахнет другим миром. Очень интересная вода, она течет, она касается миллионов камней и миллиардов существ, она странная. Если выпить много речной воды, то начинает сниться. Места, в которых мы никогда не бывали, удивительные, красивые, память воды, она вползает в наши сны, я вижу то, что не видел никогда.

Вода из скважин. Каменная, твердая, даже кажется, что она скрипит на зубах. Большинство некогда пробуренных скважин уцелело, и вода из них идет до сих пор и разливается ручьями. Эту воду приятно пить, а еще лучше под нее подставлять голову, от этой воды внутри все успокаивается и затормаживается, точно кто-то спокойный и добрый кладет тебе на голову тяжелую руку.

Роса, вода, которая появляется утром. Ее собирал Хитч, я уже говорил. Вкусная. Пахнет небом. Вот как эта, в фонтанах.

Джи достал из багажника ящик с инструментами, расстелил под танком дерюгу и полез под днище.

Рядом со мной, у фонтана, устроился Бугер. Он опустил голову в воду и принялся водить ею туда-сюда, стараясь, чтобы вода затекла в уши, ему почему-то это нравилось. Затем направился к бассейну с рыбками и стал пытаться рассмотреть их сквозь толщу. Он веселился.

А Хитч разглядывал в бинокль город. Руки у него почему-то немножечко дрожали, а фризера он держал не за спиной, а под мышкой, под локтем. Бинокль он скоро отложил, сунул в зубы изумруд и принялся его мусолить. Давно он камень свой не доставал, да и зачем, собственно, воды-то полно...

Джи выругался, буркнул что-то неразборчивое, и тут же из-под днища танка побежала темная дымящаяся лужа, масло протекло. Джи принялся ругаться и звать на помощь, пришлось лезть под машину.

Под танком мы провалялись почти три часа. Джи настраивал коробку передач и никак не мог восстановить герметичность сальников, масло брызгало теплыми струйками и каждый раз стремилось попасть в глаз. Так что через три часа я был масляный и злой, выбрался наружу черным и вонючим. Джи раздал специальные противомасляные салфетки, комбинезоны мы очистили, но масло пробралось и внутрь, липко разошлось по коже...

Бугер разделся и собрался мыться, Джи посоветовал ему выбирать тот фонтан, где нет рыбок, поскольку рыбки подозрительно малы, и может статься, что это не простые рыбки, а мутанты, вроде кролезубов. Могут и накинуться! Залезть под кожу! Слопать внутренние органы!

Бугер забрался в безрыбий бассейн, а Джи мыться целиком не стал, только лицо сполоснул.

Я помыться тоже думал, но лезть в воду вместе с Бугером не захотел, найду потом себе отдельный бассейн, город-то, кажется, немалый...

Хитч. Пока мы возились с танком, он все смотрел в бинокль, изучал окрестности, а когда мы закончили, Хитч предложил прогуляться. Мне. А пока мы будем прогуливаться, Бугер и Джи пусть помогут танк, он такой грязный, что при его виде чесаться хочется.

И Бугер, и Джи стали мыть танк, ругаясь, что меньше по болотам надо рыскать, тогда грязи не будет. Они отволокли шланг в круглый бассейн, запустили насос и стали поливать броню, устраивая над гусеницами маленькие радуги.

Мы же с Хитчем отправились вдоль берега, мимо ног статуй, затем свернули направо, через парк и на широкую улицу. Улица была завалена ржавыми и разорванными машинами, мы шагали сбоку от машин, не спешили и молчали. Я думал, когда Хитч начнет, но начал он, лишь когда мы углубились в машины достаточно.

— Странная это история, — сказал вдруг Хитч. — С этим, Хопером.

— Почему странная? Ты же сам говорил, что такое часто случается. Ты каждый день нам это говорил, что такое случается. Люди сходят с ума...

— Случается... Но обычно это случается среди охотников.

— Почему среди охотников?

— Ну... — замялся Хитч. — Так... Потому. Специальность такая. Специфическая очень.

— А чего специфического? Идешь по лесу с фризером, стреляешь в зверей, потом грузишь...

Хитч помотал головой.

— Нет, — сказал он, — нет, все не так просто...

Хитч хлопнул автомобильной дверцей, звук получился громкий и неприятный.

— А почему тебя не берут в охотники? — спросил я. — Ты же уже сколько раз в рейды ходил? Ты же опытный...

— А я не стремлюсь в охотники.

Мне показалось, что я ослышался. Великий Хитч не хотел быть охотником! Поэтому я даже переспросил:

— Ты не стремишься в охотники?! Ты серьезно не хочешь в охотники?!

Хитч отрицательно помотал головой.

— Почему?! Охотникам же на год повышенный паек выдают! Там же... там привилегии, там же почет...

— Точно. Почет...

Хитч принялся озираться.

— Что? Другие опять? Пришельцы?

— Нет никаких других, — ответил Хитч, но озираться не перестал, — нет... Это выдумки. Рекомендованные к распространению. Нет никаких других. И пришельцев нет. Есть...

Хитч принялся нюхать воздух.

Я тоже понюхал, но ничего, кроме кислого запаха старого железа, не чувствовал.

— В моем прошлом экипаже был человек... — сказал Хитч. — Ну, это неважно, как его звали. Знаешь, он рассказывал альтернативную версию истории.

— Какой истории?

— Нашей. — Хитч обвел руками изрубленные машины. — Так вот, этот человек говорил, что раньше имелся другой вариант истории, что болезнь, переросшая в пандемию, была специально вызвана.

— Как это?

— Людей стало слишком много, планета не могла их больше прокормить, и решили просто сделать поменьше народу. Распылили в воздухе вирус, который должен был убить четыре пятых всего населения планеты. А он убил не четыре пятых, он убил всех.

— И что? — Я не понимал, к чему клонит Хитч. — К чему ты все это рассказываешь?

— К тому, что надо соображать головой. К тому, что говорят одно, а на самом деле все другое... Процент смертности в рейдах очень велик. А ты никогда не думал, что рейды — это возможность регулировать население? Нет, конечно, и польза большая, но и население... ну, тоже.

Вот это да. Никогда не мог подумать, что Хитч — мыслитель. Что он думает о таких вещах.

— Ерунда, — сказал я. — Таких теорий много можно придумать.

— Ну-ну. — Хитч пнул ржавчину. — Ну-ну.

Он стоял возле машины, пытался вывернуть зачем-то давно разбитое зеркало.

— Ты просто, Алекс, парень хороший, — Хитч справился с зеркалом, — как я погляжу. Нормальный парень. Отец вот у тебя... Отец тебя будет, конечно, продвигать, а для того, чтобы продвигаться, надо побывать в охотниках. Но я бы тебе этого не советовал.

Хитч был серьезен. Он был странно и необычно серьезен. Мысли, правда, он излагать не очень хорошо умел, но зато говорил, кажется, от всего сердца.

— Я уже не первый раз в рейде и немного повидал людей. Поэтому я тебе это и говорю. Джи может быть охотником, возможно, даже Бугер сможет стать со временем. Ты вряд ли.

— Почему?

Но Хитч ответил вопросом на вопрос:

— В следующий рейд пойдешь со мной?

— Не знаю...

— Ребята из мастерских налаживают вертолеты.

— Вертолеты?

— Три штуки, нашли два рейда назад. Грузовые. Два года наматывали лопасти, к следующему рейду они будут готовы. Пойдем на юг. Будем сушить фрукты, я уже договорился. У нас фрукты еще не сушили, а они очень полезные, от них лучше желудки работают. Будет здорово, поверь...

— А меня Эн просила котенка привезти, — вдруг признался я. — Что? — сбился с мысли Хитч. — Котенка?

— Ага. Котенка ей хочется. Представляешь?

Хитч усмехнулся.

— И вот что мне делать?

— Ничего, — ответил он. — Ничего не делай.

— Но она...

— Скажешь, что не нашел. Свалишь все на бипер на танке. Бипер всех зверей распугивает, в том числе и кошек.

— Точно ведь!

Я обрадовался. Как я про бипер забыл? Так ей и объясню — не подходили к нам животные, шарахались от нас животные, никаких котят.

— Глупая идея — провезти котенка! Кому может прийти в голову провозить котенка...

— Я провозил котенка, — сказал Хитч. — Даже двух.

Этим меня Хитч почти прикончил. Из винтовки. Прямо в лоб. Нет, рейды определенно учат. Начинаешь разбираться. И в жизни и в людях.

Глаза у тебя откроются, увидишь мир, как он есть. Так сказал отец.

— Девчонки, — покивал Хитч. — Обычное дело. Не тебя первого просят, у них на котят просто страсть какая-то...

— Говорят, что они лечат.

— Лечат, — согласился Хитч. — У меня было защемление в шейных позвонках, я два дня поприкладывал — и как рукой сняло.

— Живую? — глупо спросил я.

— Конечно, живую, какой смысл дохлую кошку прикладывать? Кошка — друг человека.

Изрек Хитч, и я поглядел на него уже даже не с удивлением, уже даже с каким-то

легким восхищением.

— Что ты смотришь? — хитро прищурился Хитч. — Не надо смотреть так пронзительно. Да, кошки на самом деле помогают. Сейчас на базе живут четыре кошки.

Я только глупо рот раскрыл, зубы чуть на асфальт не просыпались.

— Четыре, — повторил Хитч. — Раньше больше было, но... трудные времена, сам понимаешь. Но кошки у нас живут.

— А как же... Как же биокарантин?

— Нет никаких правил, которые нельзя нарушить. Я провез двух котят. И многие провозят. Тут другое просто дело, сложнее. У нас там ведь не курорт, сам понимаешь... Короче, из десяти котят выживает один только. Потомства он не дает, разумеется. Да и вырастает, в общем-то, урод. Так что жизнь гораздо сложнее, чем кажется из твоей драги.

Это уж точно.

— Кошка — это хорошо. — Хитч уже весело пнул по трухлявому железу. — Так что если увидишь котеночка — стреляй метче. А если штук пять найдешь — вообще отлично будет, повезем вместе. Хорошо?

— Хорошо.

Мне захотелось еще кое-что рассказать, Хитч был совсем другой, с ним стало вдруг интересно, с ним хотелось дружить... Но я быстро понял, что рассказывать мне нечего. Кроме котенка, у меня не было никаких тайн.

— Вообще, все идет пока хорошо. — Хитч постучал согнутым пальцем по черепу. — Все хорошо... Все слишком хорошо. В прошлом году к этому времени у меня уже двое калек было. Один раздробил руку, другой язык себе откусил.

— Язык?!

Я вспомнил безъязыкого Хопера. Может, он тоже себе сам откусил?

— Угу. Дорога была тряская, он подпрыгнул и откусил себе язык. Я пробовал пришить, так он мне еще палец едва не отгрыз. Так без языка и остался. Прошлый рейд был вообще...

Хитч поковырял ногтем в зубах.

— Но, с другой стороны, и удачный тоже. Много добра взяли.

Хитч щелкнул по изумруду на шее.

— Я знаю одно местечко, — подмигнул мне он. — Там наверняка есть много чего... Знаешь, что мне обидно? Что у нас дома культуры никакой нет.

— Культуры?

— Ага. Старую культуру нам запрещают провозить, а своей у нас нет. А между тем цивилизация становится цивилизацией только тогда, когда у нее появляется культура...

Оказывается, у Хитча еще культурные амбиции. Вот так-так!

— А у нас ни музыки нет, ни литературы, я уж не говорю про кино...

Тут я понял. Догадался. Что от меня Хитчу нужно. Почему он тут разыгрывает эти откровения, почему в сторону от остальных отошли. Ясно. Ну что ж, это, может быть, даже лучше.

— Я люблю читать, — соврал я. — Мне было бы интересно... Ну, если ты занимаешься литературной работой, то я бы с интересом ознакомился...

Хитч отвернулся. Застеснялся, что ли? Ну да, в таких ситуациях люди почему-то стесняются, заниматься сочинительством — это все равно что ковыряться в носу. Никто не думает, что предлагать другому почитать свои записки — это все равно что предлагать поковыряться в чужом носу.

Ну да ладно...

Хитч принялся шарить в многочисленных карманах комбинезона, а я представлял, как мне придется читать его записки. Вместо того чтобы лежать в горячей ванне, попивать чаек, расслабляться и представлять себе свою счастливую будущую жизнь с Эн, грядущие рейды, славу, достаток и спокойную старость, мне придется изучать рукописные откровения Хитча. Я с печатными буквами плохо разбираюсь: как возьму книгу, так через полчаса голова начинает гудеть и в челюстях ломота происходит. А с самодельными книгами я вообще дела

не имел, к тому же и не с книгами совсем, а с записками. И если эти записки окажутся плохими, то мне все равно придется изображать, что они мне очень понравились, а это весьма неприятное занятие.

— Вот. — Хитч протянул мне небольшую книжечку в синей обложке.

Я с облегчением отметил, что объем ее невелик, тоненькая такая. Странно, вроде бы Хитч писал почти каждый день, старался, скрипел от усердия зубами, а написал так мало. Наверное, серьезно к слову относится, хочет стать большим художником.

— Это я нашел, — сказал Хитч. — В самом первом своем рейде.

Оказывается, это не его записки, оказывается, это... непонятно что такое это.

— И что тут? — спросил я.

Хитч упрямо сунул мне в руки книжку. Я взял. Книжка легкая, и в руках приятно держать, показалось, что я ее раньше уже держал, книжка была мне как-то привычна... Новое чувство. Я понял, что сейчас, вот именно в этот момент что-то происходит. От книжки просто исходила... Вибрация, что ли.

И беспокойство непонятное. Точно Хитч стал раскачивать маленький камешек, лежащий в основании огромной крепости, и крепость зашумела, задрожала и собралась обрушиться мне на голову тяжелым каменным потоком.

— Она лежала на асфальте, прямо посреди улицы. — Хитч указал под ноги, я машинально посмотрел вниз.

— И что?

— Город был пуст, мы шагали по нему — и вдруг я увидел ее. И поднял.

— Она могла там сто лет валяться, — сказал я.

Сразу же понял, что глупость сказал, не могла эта книжечка сто лет на улице валяться. Бумага... бумага стлела бы гораздо быстрее. Значит...

— Может, ее кто-то из наших обронил, — предположил я. — Проходили через...

— Открой.

Я открыл книжечку.

Какие-то каракули, непонятно. На буквы совсем не похоже, будто ребенок писал. Даже не писал, рисовал. Старательно, но совсем неумело. Но все равно ничего не получилось, я, как ни пытался, не смог разобрать ни слова.

— И что? — спросил я. — Крючки какие-то...

— Последние странички, — посоветовал Хитч, — рядом с обложкой.

Я открыл.

Человек. Несколько последних страниц были изрисованы схематическим изображением человека.

— Ты кому-нибудь показывал? — спросил я.

— Нет.

— Почему?

— Не знаю. Знаю, вернее. Мой начальник... Ну, в первом рейде... Я ему показал. Он решил, что это я сам нарисовал. А когда я стал настаивать, он назвал меня Болталой. И весь рейд меня дразнили Болталой и искателем пришельцев. Это не очень приятно, знаешь ли.

— А почему... Почему сейчас? Почему сейчас ты мне это все рассказал?

— Этот рейд странный, — ответил Хитч. — Я как-то сначала это предчувствовал...

— Из-за того, что этот рейд странный, ты...

Хитч указал пальцем на башню, ее было и отсюда видно.

— Это, — сказал он, — это тот самый город. Где я ее нашел. Мы попали сюда... Не знаю... Нас привело...

— Мы попали сюда случайно, — твердо произнес я. — Совершенно случайно. Сбой навигационных систем, вот и все. Случайность.

— Не знаю...

Он отобрал у меня книжку, спрятал ее в карман и пошагал обратно, к танку. Я остался один. Планета. Она... Когда-то была нашим домом. Только теперь... Мы были чужие... И не

чужие... И все одновременно...

В глубине ржавых машин скрипнуло. И тут же другие машины отозвались стоном, ветер или усадка почвы, или еще что... Я кинулся догонять Хитча, одному не хотелось мне здесь находиться.

Когда мы вернулись, танк блестел. Джи бродил вокруг фонтана с рыбками и изучал их с каким-то повышенным интересом. А Бугер волновался. Бегал вокруг бассейна со взъерошенным и восторженным видом.

— Бугер! — крикнул Хитч. — Ты что такой веселый?

Бугер немедленно подлетел к нам.

— У меня хорошие новости! — Он почти подпрыгивал. — Отличные новости! Смотрите!

Бугер сунул руку в карман. Я испугался, что сейчас он тоже продемонстрирует записную книжку. Но случилось по-другому.

— Смотрите, что я нашел. — Бугер вытащил горсть каких-то коричневых зерен.

— Что это? — с интересом спросил Хитч.

— Это какао-бобы. Или кофе-бобы. Они очень похожи, я их раньше видел только в энциклопедии, тут рядом!

— И что?

— Какао и кофе использовались в производстве конфет, — сообщил Бугер. — Так что радуйтесь — теперь у нас есть своя конфетная фабрика! Теперь мы сможем...

Хитч протянул руку, Бугер замолчал и высыпал в его ладонь несколько бобов. Хитч повертел их, понюхал, забросил в рот и стал жевать. Мы наблюдали.

— Не знаю... — Хитч выплюнул коричневую жижу. — Я настоящий не пробовал... Но похоже, наверное. Действительно, повезло.

Этому на самом деле стоило радоваться. Если мы найдем еще и конфетную фабрику... Такого пока никогда не обнаруживали. Конфетная фабрика позволит решить множество проблем. А если еще действительно кофе найдено...

— Где? — деловито осведомился Хитч. — Где нашел?

— А не скажу! — хихикнул Бугер. — Не скажу...

— Где?! — почти заорал Хитч.

— Да тут, — посерьезнел Бугер, — тут недалеко. Машина опрокинута, вся мешками забита с какао. Наверняка на конфетную фабрику ехала. Но это еще не все. Я нашел большой склад. Километра полтора отсюда, я прочитал на табличке. Это вон там. Оттуда конфетами пахнет...

Бугер указал пальцем и понюхал воздух.

— Только я хочу быть первым.

— Что? — нахмурился Хитч.

— Я хочу первым войти, — сказал Бугер дрогнувшим голосом. — В конфетную фабрику...

— Да пожалуйста, — хмыкнул Хитч. — Сколько хочешь.

Глава 21

Твари

Мы бежали.

Дичата бежали лучше меня, у них зрение, как у волков, — им что день, что ночь безразлично. Потом, когда стемнело уже окончательно, я все-таки перешел на шаг. Дичата тоже притормозили и тряслись теперь за мной грязной вонючей стайкой. Иногда я оглядывался и автоматически их пересчитывал. Шесть, все шесть на месте, не растерялись.

Волка я держал под мышкой, то под правой, то под левой, иногда забрасывал его на плечо, он совсем тряпичный сделался. Два раза Волк просыпался, я поил его из луж и проверял глаза. Зрачки нормальные, и осмысленность в них проскакивала. Значит, все в

порядке.

У меня с глазами тоже дела выправлялись, стеклянный песок из-под век рассосался, и мне даже стало казаться, что я стал видеть в темноте. Немного. Это, кстати, неплохо, пробираться через лес легче.

Мы прошагали всю ночь. Когда рассвело, остановились.

Перед нами тянулась дорога. Хорошо сохранившаяся, твердая, и деревья не проросли почему-то. Я давно заметил — есть дороги и города заросшие, а есть незаросшие. Почему так, я сказать не могу. Хромой мне когда-то объяснял, но я не запомнил. Только в тех городах, где не было деревьев, всегда чем-то пахло. Вот и сейчас я почувствовал этот запах, он заметно висел над дорогой, видимо, город был недалеко.

— Туда. — Я указал куда.

Надо в город, обязательно, экстренно в город. Город — это оружие, одежда, еда, другая экономика. Город — это обувь. От отсутствия одежды я не очень страдал, от отсутствия обуви маялся гораздо сильнее. Нет, пятки у меня крепкие, но ходить босиком мне не нравилось, я все время вспоминал про Хромого и про тот самый гвоздь. Наткнуться на гвоздь и умереть от красноты мне не хотелось. Люди не летят, когда прилетят неизвестно, продолжаем ждать. Уйду подальше, пристрою где дичков по пути — и ждать. Дождусь.

Дичата смотрели на меня непонимающе, с каким-то психическим экстазом.

— В город! — прикрикнул я.

Они не сдвинулись.

— Мы — идем — в город, — отдельно произнес я. — В город!

В город дичата идти явно не собирались. Стояли, насупившись, на зайцев были похожи.

— В город! — рявкнул я. — За мной! Быстро!

Дичата сели на асфальт. Все вместе, разом, не сговариваясь. Я начинал думать, что между всеми дикими существует мыслепередача — один подумает, а остальные уже делают. Как между зайцами, к примеру. Ведь они, когда стаей несутся, делают все, как вожак. Вожак влево повернет, и все — влево, вожак вправо — и остальные за ним. А эти уселись и не смотрят на меня.

— Ладно, — сказал я. — Ладно. Ладно-ладно, как хотите...

Не хватало мне еще в няньку превратиться! Я, человек, нянчу диких! Но отвязаться от них пока нельзя, я обещал... Хотя нет, я никому ничего не обещал.

— Надо в город, — сказал я как можно спокойнее и дружелюбнее.

Не смотрят. Упрямые, как все дикие. Ну, тогда я взял и тоже уселся перед ними. Волка на колено себе положил.

— Волку нужно в город. — Я указал пальцем на Волка. — Ему нехорошо.

Я еще раз указал пальцем.

— Нужно помочь. Идемте в город. Пожалуйста.

Я попытался поставить Волка на лапки, но он тут же свалился, жидкий совсем.

— Пожалуйста, — повторил я.

Дичата разом поднялись.

— Вот и хорошо, — сказал я. — Это вы правильно. Сейчас мы сделаем небольшую экскурсию... Вам понравится.

Я выставил палец в сторону города и сказал:

— Город. Это называется город.

Никто из дичат не знал это слово.

К моему удивлению, город оказался знакомый. Дома невысокие, разрушенные, без крыш, выше двух этажей почти ничего нет. Прямые улицы продольные. И такие же прямые поперечные.

И башня. Ее я сразу узнал — та самая. С крыльями. Сейчас я подумал, что она похожа на летучую мышь, обтрепалась она...

Башня.

Тут я уже был. Башню я уже видел. Наверное, это знак какой-то... Я помню, как эта башня с крыльями на меня еще в первый раз впечатление произвела, потом я думал о ней много. И сейчас я оказался в городе с этой башней. Наверное, это не случайно все-таки... Хотя я в таких тонких вопросах и не разбираюсь совсем, ласточки сами по себе летают.

Далеко, однако, нас занесло...

Мы вошли в город и стали продвигаться в глубь улиц. Дичата сбились за мной в плотную кучку, затихли и даже шагать стали, кажется, в ногу.

Да, твари действуют с размахом, ездят на своих машинах по лесам, ловят себе рабов, связят их в клетки, усыпляют, а потом...

Куда они их девают потом, сказать было нельзя, наверное, собирают в одно место. Чтобы потом переправить...

Куда?

Тоже не знаю... Куда-то. У тварей наверняка есть куда.

Не знаю. В клетке я снова пытался думать, кто такие эти твари? И я все-таки склонялся к версии пришельцев.

Пришельцы. А что, это вполне. Они могли за нами наблюдать в свои телескопы, потом смотрят — у нас дела пошли плохо, все развалилось, часть народа вообще вымерло, вся цивилизация испортилась. Они подождали немного и прилетели. Или всплыли. А что, им теперь раздолье. Людей мало, я один, сопротивления нет, знай лови диких и сажай их в клетки.

Вот они и сажают. А когда наловят столько, сколько надо будет, уберутся обратно, к своим звездам. Или в океан нырнут.

Твари — это инопланетяне. Это по ним самим видно — головы блестящие, хоботы болтаются, уроды. А люди так и не прилетели. Наверное, они там на своем Меркурии совсем вымерли. Получается, что я последний человек. Наследник всего, что тут есть. Получается, что эти твари меня грабят. А я ничего не могу с этим сделать...

Могу только бежать. Пока остается только это. Потом, ну, когда мы заберемся куда-нибудь подальше, я попробую, конечно, разузнать — прочно ли у нас обосновались твари или прилетели просто так, на время. А сейчас...

Сейчас у меня трудности. В количестве шести штук.

Дичата выглядели угнетенно. Еще бы, город на всех так действует. Я помню когда я первый раз в город попал, то вообще не понимал, где я и что это вокруг. После леса город пугает. Слишком много правильных линий.

— Есть хотите? — спросил я дичат.

Они поглядели на меня непонимающе. Я указал пальцем на рот, пожевал. Дичата издали одобрительное гудение.

— Значит, хотите.

Хотя эти дикие могут, наверное, месяц без еды обходиться. А мне вот нечего голодать, подкрепиться не мешает. Явно не мешает.

— Тогда подкрепимся, — сказал я и свернул к ближайшему дому.

Дома все были одинаковые, как шишки. Близнецы. Поэтому разницы, к какому дому идти, не было никакой.

— Держитесь рядом, — велел я дичатам. — Рядом!

Я очертил пальцем невидимый круг.

— Никуда от меня не отходите!

Конечно, слов они не понимают, зато, как любые дикие животные, прекрасно чувствуют интонации и выражение лица. Поэтому я сделал страшное, внушающее уважение лицо и пнул дверь. Дверь вылетела, и мы вошли.

Такие дома долго стоят, дерево обработано специальным составом, а пластик так тот вообще не гниет. Снаружи они почти как новенькие — дождь моет, ветер обдувает. А внутри пыль. Не во всех — в некоторых нет, в некоторых есть. В этом была столетняя пыль, даже больше, чем столетняя. Наверное, в палец толщиной. Во всяком случае, ноги мои утонули.

— Добро пожаловать, — сказал я.

Дикие опять сплотились в кучку, я показал им знаками, что следует стоять здесь, посреди. А сам направился в сторону кухни.

Если в домах и есть что съедобное, то всегда на кухне. Когда началась пандемия, многие собирали продовольствие, поэтому на кухнях встречаются кое-какие запасы. Жители этого дома тоже туда же — весь кухонный буфет оказался забит жестянками. Круглыми, продолговатыми и высокими.

Консервы — не лучший вид припасов. Плохо выдерживают время. Хромой говорил, что когда он был маленьким, редко, но еще встречались неиспорченные консервы, особенно из рыбы и разных подводных осьминогов. А я вот ни одной не протухшей рыбной банки в жизни не встретил.

Но на всякий случай я решил проверить, исключения ведь случаются всегда. Взял кухонный нож, распечатал крайнюю банку, продолговатую. Раньше, кажется, тут тоже была рыба. Теперь ничего, коричневая, перепревшая в сплошную однородную бурду жижа, рыбой даже не пахло. Бросил банку в раковину и принялся пересматривать остальные буфетные шкафчики.

Вообще из сыпучих, допустим, продуктов хоть что-то сохранилось только в жестянке и разных плотных картонных упаковках. Можно найти сахар, муку, иногда фасоль. Достаточно часто случалось масло в пластиковых бутылках, но масло есть нельзя, разве что растираться.

Я нашел печенье, на жести такие желтые колесики нарисованы — значит, печенье. Несколько банок. Повезло, печенье — редкая вещь, восторг просто. Я разрезал упаковку.

Печенье засохло, превратилось в твердые, как дерево, квадратики, кружочки и треугольнички. Сверху сохранилось застывшее насмерть варенье, кусочки орехов и какие-то зеленые крапинки. Хромой всегда удивлялся, говорил, что хлеб — единственная вещь, которая сохраняет вкус на протяжении долгих лет. Я вскрыл вторую коробку, заглянул в гостиную, кинул жестянку дичатам. Показал, что нужно грызть и жевать, сам вернулся в кухню. Стал сам грызть и жевать.

Печенье оказалось протухшим. Горьким, видимо, скопились в нем какие-то вредные вещества, есть нельзя. Я швырнул банку в окно, затем вернулся в гостиную. Дичата уже вовсю грызли печенье, послушные, однако. Жрут, а оно горькое. Слушаются, хорошее качество.

Я отобрал печенье, тоже его выбросил.

— Есть нельзя, — сказал я. — Нельзя. Нельзя.

Я соорудил отрицательное лицо — видно было в окне. Надо убираться... А этих как оставить?

— Сидеть! — рывкнул я и указал пальцем в пол. — Сидеть! Здесь!

Дичата собрались в кучку и сели. Молодцы.

Дикие — они ничего не знают. Когда приключилась болезнь, все взрослые умерли. Да и дети тоже умерли, мало детей осталось. И никто не смог этих детей научить, как правильно жить. Они одичали. И их дети уже были совсем дикими. Дальше и пошло, все дикие и дикие. Так людей и не осталось совсем. Ну, кроме меня. Дикими надо руководить.

За дикими надо следить.

Еды не было. Но можно поискать одежду. Я обследовал дом по второму этажу. Одежды тоже нет. Видимо, люди ушли. Забыли припасы, а одежду забрали. Остались какие-то штуки с веревочками, непонятно для чего, я уж не стал их надевать, они разваливались при первом же прикосновении. Нашел, правда, полезную вещь — корзинку опять, теперь буду в ней таскать Волка. Это удобнее.

Спустился. Дичата сидели, как я их оставил.

— Молодцы, — сказал я. — Хорошие. Теперь за мной. Дальше.

Мы вышли на улицу и направились к следующему дому.

В следующем доме тоже ничего интересного не встретилось — ни одежды, ни еды.

Даже консервов. Скучно.

Так мы обследовали почти всю улицу. Напрасно. Ничего не нашли.

После пятого дома я остановился. На перекрестке. Если много одинаковых домов, то должен быть магазин. Это обязательно. В конце улицы всегда магазин, чтобы люди за едой в него ходили.

— Туда, — указал я пальцем.

Мы пошагали по улице и почти добрались до магазина, я был в этом уверен, я чувствовал присутствие магазина, тут, совсем рядом...

На дорогу вышел лигр. Прямо перед нами. Метров двадцать.

Мы остановились. Волк в корзинке завозился. Дичата затихли.

— Не шевелиться! — прошептал я.

Лигр — это кошмар. Барсы, пантеры, леопарды, кое-где даже львы... Почему-то именно кошки лучше всего из зоопарков прижились. Все эти кошечки вполне терпимые звери, понятливые, от человека стараются подальше держаться. Да и мы с Хромым им спуска не давали никогда, чтобы помнили, что люди главные. А вот лигры...

Лигр — это ужас, я уже говорил. Помесь льва и тигра, на редкость крепкое существо. На редкость злобное, шустрое и умное. На снегу может спать. Камни гложет. Вот почему бегемоты не прижились, а лигры прижились? Может, они бегемотов и зажрали, кстати...

Волк в корзинке пискнул. Очнулся. Почуял.

Лигр посмотрел в нашу сторону.

Все.

Лигр — самый опасный хищник. Однажды лигр загнал Хромого на дерево, и тот просидел на нем почти два дня, хорошо, что Хромой с рыбалки возвращался, и было ему что поесть. И град случился — тоже повезло, лигр испугался, в лоб ему попало.

Сейчас града не намечалось. А лигр, судя по круглым бокам, как раз пребывал в поиске легкой добычи, жиры на зиму запасал, перед тем как в дупло залечь, надо сало нагулять.

— Стоим на месте! — прошипел я дичатам.

Главное тут — не бежать. Все равно не получится. Тем более от лигра. Догонит в три прыжка.

— Не бежим, — повторил я. — Только не бежим!

Но что делать, я не знал. Честно говоря. Бежать нельзя. Стоять нельзя. Что делать?

Я огляделся, не головой, одними глазами. Поблизости никаких деревьев. Только дома. Эти самые невысокие дома, лигр на эту крышу запрыгнет легко. Бежать некуда. Столб бы погодный... Я бы на него залез. Ну, как старый Рыжий. При виде лигра куда хочешь залезешь...

И нет ведь ничего. Треугольный нож, взял на кухне, где печенье было. Короткий. Зачем я его взял вообще...

Волк снова запищал. Вовремя проснулся. Я машинально прикрыл ему пасть. Но было поздно, лигр почувствовал интерес. Приплюснутая морда вытянулась в нашу сторону, круглые плюшевые ушки зашевелились, а клыки вылезли наружу.

Глаза, вытянутые, узкие и страшные, нашли самую крупную добычу, то есть меня, и сощурились еще сильнее. Лигр мурлыкнул. Они всегда мурлыкают перед едой, настроение у них перед едой хорошее...

Лигр мурлыкнул громче и сладко понюхал воздух.

— Когда он прыгнет — бегите в разные стороны, — сказал я.

Все равно не поняли. Будем надеяться, сами догадаются. Лигр, конечно, кинется на меня, пока он будет... пока... Дичата смогут убежать. Если, конечно, он не решит сначала перебить нас поодиночке, а потом уже позавтракать...

Лигр облизнулся. Язык у него был красный и длинный, так что получилось, что он не облизнулся даже, а морду умыл. И вздохнул еще.

Вот в книжках я читал про крокодильи слезы. Будто бы крокодилы, когда кого-то жрут, очень об этом жалеют. Жрут и жалеют. И плачут. Но не жрать не могут. Лигры такие же.

Когда намереваются кого сожрать, вздыхают. Горестно так, с тяжелым сердцем, даже с виной. Экстерьер у них такой, лирический — надо сначала три раза вздохнуть, а потом уже кидаться.

Хорошо хоть крокодилов у нас нет... Хотя лигры ничуть крокодилов не лучше, хуже даже, крокодилы только в воде, а лигры везде.

Лигр вздохнул во второй раз. Уже протяжней. Я почувствовал приближение неконтролируемой и тяжелой паники и задрожал, как это было ни позорно для человека...

И тут случилось так. Дичата вдруг выскочили из-за моей спины и выстроились все перед, все шестеро. Я подумал, что они свихнулись от страха или что они просто дурачки и не понимают ничего...

Лигр поглядел уже с нескрываемым аппетитом, рыкнул и шагнул к нам.

Дичата завывали. Как-то не по-человечески. Ну, конечно, не по-человечески, они же дикие. Но даже для диких это было как-то ненормально. Что-то в этом все было страшное и дремучее, этот вой поднимался будто из самой земли, у меня зашевелились волосы хуже, чем от лигра.

И лигр. И он почуял, почуял, зарычал, припал к асфальту, шерсть поднялась дыбом, и я почему-то увидел почти каждую шерстинку в отдельности.

Этот вой, он распространялся как-то странно. Не в разные стороны, как полагалось распространяться любому человеческому звуку, а вперед, направленно и намеренно, и вроде как даже осмысленно. Лигр прижал уши, хвост его изогнулся и принялся лупить по бокам. И он остановился совсем, лапа зависла в воздухе, над асфальтом.

Дичата выли все громче и громче, у меня заложило уши, несмотря на всю грязь на моей голове, волосы продолжали шевелиться, как живые совсем.

Когда вой стал уж совсем нестерпимым, лигр не выдержал. Он стал отступать. Шаг. Потом другой. Потом лигр повернулся и побежал. Медленно, быстрее, потом галопом вообще. Свернул, исчез между домами.

— Молодцы, — сказал я через слипнувшееся горло. — Хорошая песня. Потом меня научите...

Дичата повернулись. Рыжий кашлянул, сплюнул на асфальт кровью. Надорвали горло. Ладно, масла вокруг много, смажем...

— Пойдем теперь, поищем, где спать можно...

Больше сегодня мне уже не хотелось путешествовать. Здесь водятся лигры, чего здесь бродить? Осторожнее надо быть, бережливее. Я выбрал дом, аккуратно вскрыл дверь ножом, и мы вошли.

Я, конечно, обшарил кухню, но ничего интересного на кухне не нашлось. Даже консервов. Имелось мумифицированное варенье в стеклянных банках, я его и открывать не стал. Решил с обедом потерпеть до завтра, завтра будет день, завтра поглядим. А пока надо отоспаться.

— Спать, — скомандовал я. — Всем спать.

Дичата поняли, улеглись прямо на пол. На доски. Собрались кучей, чтобы не так холодно. Я хотел устроиться на диване, но, как оказалось, диван сопрев в труху, так что пришлось и мне улечься на полу. Дичата уснули сразу, а я ворочался и уснуть не мог. Сначала на улице было тихо, потом началась обычная ночная возня, я стал прислушиваться, и сон вообще исчез. Я поднялся и отправился бродить. Книжку. Лучше всего найти книжку, надеюсь, что здесь есть еще не съеденные книжки.

Но книг в этом доме было мало, одна полка. Правда, все несъеденные, все листы целые, один к одному. Ассортимента никакого, почти все книги про готовку. Даже не почти, а все. Я взял книгу, а там как готовить еду из уток и грибов советы. Написано интересно. Про то, как правильно замариновать утку в вине, как правильно набить ее яблоками, как подобрать грибы, тоже правильные. Я читал перед сном и думал, как хорошо жили раньше люди все-таки. Мариновали уток, сушили грибы, запекали все это в глиняных ямах. А теперь у нас лигры, непонятно, что теперь у нас...

Ничего. Люди прилетят. И мы будем мариновать уток. А я их научу грибы собирать самые вкусные. Правда, твари завелись какие-то... Ничего, люди с ними разберутся. Быстро. Я в этом больше чем уверен. Раз-два, и разберутся.

Много советов было, мне нравились, все вкусные, я в голове их все представлял. Забавность одну заметил, в конце книги оказались пустые страницы, и на них кто-то написал еще несколько советов — про грибную икру, про утиную печенку с боровиками, яйца, фаршированные лисичками, еще про опята, мы их за грибы даже не считали.

Хорошая книга. Почитал немного, и в животе так тепло стало, так приятно, что спать захотелось. Но я не уснул. Я переуспокоился. А если переуспокоишься, уснуть потом трудно. Лежишь, будто провалившись в яму, почти не думаешь, почти не дышишь, но сон при этом не идет. Вот и я. Лежал, слушал город. Он тихий был, то есть рычали совсем мало. Может, из-за этого я и не мог уснуть, из-за тишины...

Так я и не проспался. Лежал, глаза стекленели, наверное, это еще того газа действие сохранялось. Потом больно стало, и я почему-то подумал, что если повернуться лицом вниз, то болеть будет меньше. Так оно и получилось, я лег на живот, глаза закрылись под собственной тяжестью. Но я не уснул. Просто так и лежал с закрытыми глазами.

Утром уже, когда рассвело, почувствовал взгляд. На меня смотрели. Все. Дичата и Волк. Волк очнулся, выставился из корзинки и преследовал меня голодным глазом.

— С добрым утром, — сказал я по-правильному.

В ответ мне они ничего не сказали. Ну, это ладно, с животными главное — терпение, скажут, когда придет время.

Волк забурчал, и я понял, что он совсем выздоровел и хочет есть. Да и дичата, наверное, хотели, когда мы там в последний раз питались... Рыбой. Той самой, из-за которой подрались... Давно уже не ели. А я еще вчера книжку вкусную почитал...

— Жрать потом, с утра человек должен умываться, — сказал я и повел дичат к ближайшей луже.

Показал, как умываться, затем ножом обкромсал космы. Дичатам, не себе. Они не сопротивлялись, спокойно стояли, видимо, признали, что я тут главный.

Произведя обстригание и умывание, я указал вдоль улицы и сказал:

— Там еда.

И указал на рот.

Сразу поняли. И пошли за мной уже с правильным энтузиазмом.

Я оказался прав. Пришлось прошагать больше, чем я ожидал, и труднее, дорога была завалена сгоревшими машинами, но все это того стоило — в конце улицы магазин все-таки обнаружился. Я сразу узнал его, такое большое квадратное здание серого цвета. Меня еще Хромой обучил магазины опознавать — на них всегда много всяких разноцветных вывесок. Удивительно все это — столько лет прошло, а вывески не выцвели, остались яркими. Умели раньше делать люди. Крепко. А я ничего не умею. Конечно, мне это пока ни к чему, вещей вокруг множество, мне хватит надолго. Но вот когда прилетят люди, придется учиться заново. Ничего, библиотек много осталось, книжки есть, а в книжках все написано...

Да, а я тоже кое-что сделал — оставил вокруг много человечков. На стенах, на деревьях, на асфальте...

Ну а пока люди не прилетели, есть магазины. Хромой советовал: надо всегда выбирать большие — в них в потолке всегда есть окна, в которые падает свет.

— Туда. — Я ткнул пальцем и направился к входу, он всегда стрелкой обозначен.

Дичата неуверенно пошлепали за мной. Ничего, пусть привыкают.

Я увидел наше отражение в мутной витрине. Жалко мне нас стало, честно говоря. Кучка немытых непонятно кого. Да что уж там, взаправду кучка диких. Один дикий побольше, остальные маленькие. Но тоже дикие.

А побольше дикий — это я.

Вход открыт, наверное, когда-то там грабители побывали, мы проникли внутрь и огляделись. Магазин был большой. Два этажа, много места, стеклянный потолок, полки

кругом. Не, хорошо люди жили раньше. Надо тебе что-то — поесть, одеться, или книжку купить, — идешь в магазин, и все тут тебе сразу, только руку протягивай. Удобно. По-человечески. Экономия. Сейчас я покажу дичатам, что такое жить по-человечески.

Первым делом — обувь, устал я жить босиком. С этим никаких трудностей не случилось, одежда располагалась прямо возле самого входа, на полках. Я выбрал ботинки. Высокие, на толстой подошве, с крепкими шнурками. Носков поблизости не висело, я сорвал со стены какую-то тряпку, разорвал на две части, сделал портянки. Получилось неплохо. Хотел подыскать что-то своим диким, но решил не спешить, пусть пока пятками посверкают. Протер зеркало рядом, поглядел на себя.

Убого.

Тощий, в шортах, в ботинках. Грязный. Какой-то экзорцист прямо-таки...

Тут же на полках нашелся ремень. Слишком большой для меня, пришлось проделывать лишние дырки. И для диких тоже ремни нашлись. И что характерно, от ремней они не стали отказываться. Только с пряжками разобраться у них никак не получалось, они эти ремни вокруг себя попросту завязали.

С ремнями, стриженные и умытые, они вообще стали почти человекообразными, как Волк почти стали.

Надо было взять еще штаны и куртки и зимнего, но я решил, что этим всем потом займемся, сначала вооружиться. Вооружиться, в магазинах могут водиться... Да все подряд тут могут водиться, лемуры в магазинах стремятся все время обитать.

— Идите за мной, — сказал я дичатам. — И не гремите... Хотя нет, гремите лучше, может, распугаете кого...

Греметь они не решились, магазин их напугал. Я тоже раньше в магазинах терялся, потом даже нравиться стало. Дичатам тоже понравится. До еды доберемся вот только...

Я ободряюще улыбнулся, и мы отправились изучать второй этаж. Обычно в таких больших магазинах есть все, я уже говорил...

Инструменты. Отлично! Мы поднялись на второй этаж и сразу наткнулись на инструменты. Сейчас они мне, конечно, по прямому назначению не нужны, но многие могут и оружием еще служить. Вот топорики. Хорошие такие, железные, маленькие, со шнурками на ручках, шнурок этот называется...

Темляк. Вот как шнурок называется, я читал про него в книжке про кавалеристов, они рубили друг друга саблями.

Удобные топорики. Попытался раздать дичатам, однако они от топориков отказались. Просто в руки их даже брать отказались. Тогда в этом же отделе я нашел такие длинные дубинки, как называются, не знаю, но бить ими было удобно — я проверил на манекене, они стояли в проходе между полками. Дубинка оказалась разрушительная — голова манекена разлетелась на мелкие белые кусочки. Дикие одобрительно замычали, дубины им привычны были, похватили и стали тоже размахивать дубинками, лупить манекены. Разошлись, разъярились, видимо, представляли манекенов тварями, ну или какими-нибудь бабайками, не знаю, во что они верят. Мне даже пришлось на них шикнуть.

Дичата замерли и сразу успокоились. Смотрели на меня не мигая и с уважением. Я так раньше смотрел на Хромого. Это мне даже как-то приятно было, ну, такой вот экспромт. Наверное, я даже покраснел.

— Делайте как я! — Я ткнул себя пальцем в грудь. — Я вас научу!

Дичата закивали, а я продолжил дальше изучать магазинные сокровища. Очень скоро я обнаружил стенд с ножами и выбрал себе самый длинный и хороший, не тот, какой я взял на кухне. Отыскал моток с бечевкой, отрезал кусок, привязал его к дубинке. Перекинул через плечо. Сделал такие же бечевки для диких, они тоже закинули дубинки за плечи, и все стали уже совсем окончательно похожи на людей.

Что надо для того, чтобы стать похожим на человека? Взять дубинку и закинуть ее за спину.

Ого, подумал я радостно. Я стал придумывать пословицы! Или мудрости... Как-то это

называется, не помню. Афоризмы! Хромой так не мог. Хотя в чем-то я его превзошел... И думать я стал складнее, и уже даже иногда похоже на то, как в книжках люди думают. Не всегда, конечно, но иногда уже получается. А это значит, что я стану не просто человеком, но уже настоящим человеком, таким, как раньше. Человеком, который может придумать самолет, или полететь на Меркурий, или вот просто топорик сделать.

Я привязал к ножу веревку и повесил его на шею. Топорик прицепил к ремню. Теперь огнестрел. Свой прошлый огнестрел я нашел как раз в таком большом магазине, там было много полок с огнестрелами и арбалетами, и с другим интересным оружием, например, с мачете. Я тогда взял одно, потерял потом.

Я шагал вдоль полок и видел множество полезных вещей, еще больше бесполезных — люди их раньше почему-то очень любили; были вещи, назначения которых я вообще не знал, какие-то квадратные железные ящики, пластмассовые сундуки с дырками и на колесиках, стулья с зонтиками, длинные изогнутые палки, много еще чего другого...

Огнестрела не было. Придется искать отдельно, в особом магазине, а они редко встречаются, такие магазины.

Потом я увидел цепи. И остановился. Не знаю, цепи почему-то меня как-то зацепили. Я принялся на них смотреть и никак не мог оторваться, я даже хотел было взять одну, попробовал, но оказалось, что цепь — тяжелая штука. Топорик и дубина, хватит на первое время. Теперь надо подумать и о питании.

Я подумал и повел свою команду в пищевой отдел — на нем был нарисован сыр, колбаса и бутылка с зеленой жидкостью. Конечно, никакого сыра, никакой колбасы, никаких зеленых жидкостей и других эскалопов там не было, но что-то наверняка найти было можно. Я рассчитывал достать какой-нибудь сушеный горох или фасоль, они хорошо сохраняются, можно взять кастрюлю или горшок железный и сварить гороховую кашу — это очень вкусно и наедаешься быстро. Правда, только возни многовато, но...

Но нам повезло гораздо больше. Совсем повезло, видимо, не зря мы все-таки в этот город попали, не случайное это обстоятельство, так просто не может везти. Едва мы дошли до пищевых полок, так я сразу увидел.

Шоколадки.

Много. Начиная с пола и под потолок почти.

У меня чуть голова от радости не раскололась, шоколадки — это главная еда. А что самое-самое — легкая и быстрая. Две шоколадки съешь, и можно весь день бегать. Найдем рюкзаки, набьем ими...

Хотя надо сначала попробовать. Шоколадки редко портятся, в них вещества есть, которые препятствуют порчению, но все может быть в наше время, надо осторожничать на каждом углу...

— Это, дичары, шоколадки нашлись, — сказал я бодро. — Можно есть. Очень вкусно.

Я взял с полки шоколадку, разорвал упаковку, откусил. Сладко.

Я не удержался. Опрокинул полку, шоколадки раскатились, я опустился в них и стал есть.

Дичата смотрели на меня удивленно, потом я вскрыл несколько упаковок и кинул им, они попробовали. Рыжий попробовал первым. И издал звук. Даже вроде как почти осмысленный.

И Волк. Волк выбрался из своей корзинки и откусил...

И не мог остановиться. Я не мог остановиться: ел, ел, ел, одну за одной, пока не почувствовал усталость. Я поднялся и тут же сел обратно. Ноги не держали. Я хотел забраться куда-нибудь, но не успел. Уснул. Слишком много сладкого, перебор энергии.

Мне приснился странный сон. Мать. Моя. Я никогда не видел свою мать, ни во сне, ни тем более наяву. Нет, наяву я ее видел когда-то, когда был совсем маленьким и ничего не соображал. Но, конечно, не запомнил. А теперь вот, ну когда я встретился...

Все это ерунда. Моя мать — дикая. Хромой добыл меня, когда я только научился есть. Как это было, я не знаю. Скорее всего, он меня просто украл. Хотя, может, было по-другому.

Вполне могло случиться, что Хромой убил их. И моего отца, и мою мать, и моих братишек, и сестричек. Они ведь были дикими.

Их убил, а меня забрал. Как когда-то Крючок забрал его, маленького Хромого. Ну и все те, кто был до меня, они тоже забирали детей от диких. Так уж повелось. Потому что если не забрать ребенка от диких, он тоже вырастет диким. А если все будут такими, то человеческая линия оборвется, и, когда прилетят люди, им не с кем будет поговорить.

Мне снилась моя мать. Она сначала стояла в стороне, потом приблизилась и стала дышать. Я не видел ее лица, а потом мне вдруг стало больно. Я не понял где точно, но болело сильно, я проснулся.

Странно, но боли никакой, я ощущал себя, во всем теле спокойно, эта была боль, какая случается только во сне, ненастоящая.

Уснуть после этого я уже не мог и поэтому решил пройтись, погулять по магазину, может, еще чего полезного найду. Дичата спали, прижавшись друг к другу, Волк не спал, я достал его из корзинки и взял в свою компанию, скучно ведь одному бродить.

Волк не спал, я сунул его под мышку, в руку взял на всякий случай топорик и отправился в экспедицию. Обследовать второй этаж дальше. Почти сразу нашел одежду. Много и хорошей. Куртку нашел из крепкого материала, с карманами и молниями, решил, что оденусь потом.

Книжек нашел, но все съеденные, одни корочки остались. Еще разных незнакомых вещей, железные палки с кругляками на концах, кожаные мешки, из которых сыпался черный прах, велосипеды, я их узнал, железные лестницы... Всего было так много, что я даже заблудился. А вышел прямо к лестнице, только не к простой, а к механической, у которой ступеньки бегут, а ты стоишь, я про такие читал.

Так она блестела эта лестница, что захотелось мне по ней спуститься. Я и спустился. Ничем особенным эта лестница не отличалась, ходить по ней совсем как по другим.

Я опять попал в шоколадный отдел, оказывается, здесь шоколадки не только на втором этаже, но и на первом. Правда, тут они были другого сорта — такие плоские и квадратиками, твердые, как дерево. Нет, все-таки люди были очень умными — придумали заделывать шоколад в такие тонкие металлические оболочки, в таких он, наверное, тысячу лет может храниться. И носить удобно, везде пристраивается, хоть в кармане, хоть за поясом.

Вообще такие квадратичные шоколадки редко встречаются, это еще большая удача, чем простая шоколадка. Я взял с полки самую-самую, разорвал упаковку и стал грызть. С шоколадом надо всегда осторожно — зубы можно поломать легко, я уже говорил. Поэтому надо сначала как следует расслюнявить квадратик, а потом уже жевать. Ну, я и стал расслюнявливать. Шагал вдоль рядов, ничего не брал — некуда, просто изучал богатство, наслаждался этим чувством, жевал, квадратичный шоколад — самый вкусный шоколад...

Надо будет привести сюда дичат. Найти рюкзаков, набрать шоколадок...

Шоколадная полка закончилась.

Я завернул за угол и наткнулся на тварь.

Она стояла возле полки и разглядывала шоколадку. Точно такую же, какую жевал я. Еще я успел заметить книгу, тварь держала ее в другой руке, на обложке был нарисован синий слоненок и еще какие-то мелкие зверушки. Слоненок почему-то сидел на дереве, в гнезде, совсем как большая птица. А зверушки стояли вокруг и, кажется, смеялись. А под мышкой у твари была синяя рыба. А на шее — оружие, чем-то похоже на огнестрел.

Я все это увидел.

А тварь увидела меня.

Она выронила книжку, и я долго, очень долго наблюдал, как эта книжка падает. Потому что все как-то замедлилось. Остановилось. Такое бывает с сильного испуга.

Кажется, тварь меня тоже испугалась.

Я бы сам себя испугался, наверное. И ее я испугался.

Лицом к лицу. Раз. Тварь.

Тварь начала поднимать черную оружейную штуку, болтавшуюся на шее. А шоколадку

она при этом не выпустила. Нет, не выпустила.

Моя рука дернулась, опередив голову, опередив мысль, опередив даже предмысль — топорик вонзился точно между глаз.

Твари.

И только после этого я подумал. Что я поступил, в общем-то, правильно. Об этом еще Хромой говорил — сначала делай, потом думай.

Голова хрустнула, тварь упала.

Она извивалась на полу, я стоял над ней. Она хрипела и пыталась дотянуться до меня. А я смотрел. Просто. Все просто оказалось.

Тварь затихла и стала истекать чернотой.

Я смотрел, не мог оторваться.

Ойкнул Волк. Я сжал его слишком сильно, больно ему стало. Я очнулся.

Я стоял посреди шоколадного ряда, и передо мной лежаладохлая тварь. Я только что ее убил.

Я наклонился, взялся за рукоять, выдернул топорик. Он пошел туго, со скрипом, как из дерева. Я вытащил топорик, уронил, не смог взять. А потом не удержался и прихватил еще черную штуку. Оружие. Уж очень она была похожа на огнестрел — ствол, приклад, патронники, курок, все, что надо.

Сделал шаг назад.

Тут они, значит. И сюда добрались... Выследили. Или, может... Или, может, они везде уже тут? По всей Земле? Распространились. Надо уходить.

Экстренно!

Я рванул к лестнице, в сторону продуктового отдела, туда, где спали дичата...

Остановился.

На улице стояла машина. Я разглядел ее через витрину. Машина немного отличалась от тех, что я уже видел. Эта была не на колесах, а на гусеницах. И другого цвета. Яркого-зеленого. И наверху какая-то круглая штука. И сзади еще прицеплены две машины, и тоже на гусеницах.

Возле машины стояли твари. Трое. Черные, горбатые, страшные. Ждали. Своего. Который пошел за шоколадкой.

В следующий момент я понял, что делать.

Все просто. Так просто.

Я вышел на улицу. Прямо на этих. Я же человек.

— Эй, вонючки! — крикнул я. — Человек идет!

Я шагал нагло, набычившись, быстро. А они смотрели на меня. Растерялись. Когда до них осталось совсем немного, я вскинул это их черное ружье и нажал на курок. Оно не грохнуло, вообще ничего на первый взгляд не произошло.

Но тварь, та, что стояла в центре, окаменела. Как замерзла. Она как раз руку в мою сторону протягивала, да так и осталась с такой протянутой рукой.

И стала падать. Остальные подхватили ее, а я хотел еще выстрелить, но курок нажимался впустую. Тогда я рванул. Побежал. По улице. Между сгоревшими машинами. Бежал, оглядываясь. Тварей не было видно. Твари были удивлены. И растеряны. Я выиграл время.

Я ошибался. За спиной у меня грохнуло. Обернулся.

Они гнались за мной. Тварь. Одна. Бежала прямо по крышам машин, перепрыгивала с одной на другую. Я навел на нее оружие, вдавил курок. Выстрела не последовало. Штука не стреляла, я отбросил ее в сторону и снова побежал.

Улица сузилась, машины теперь стояли всмятку, впрытык, даже в два яруса, черные, обгорелые, кореженные, я полез на крыши. Это было ошибкой. Я подумал, что тварь запутается в железе, но это было ошибкой, она не запуталась.

Я перебрался через машины, распорол ногу...

Тупик. Поперек улицы стена. Справа и слева — тоже. Загон, в первый раз такой загон

вижу.

Она загнала меня в тупик. Я сам себя загнал, надо было в другую сторону бежать. Хромой всегда говорил — в жизни надо всегда выбирать правильно, куда бежать — вправо или влево. Выберешь влево — побежишь дальше, выберешь вправо...

Ну, я выбрал вправо.

Я прыгнул на стену. Кирпичи. Может, получится... Попытался влезть, цепляясь за выбоины, выбоин много, влез метра на два, оборвался, упал. Повернулся, прижался спиной к шершавому камню. Вытащил нож, стал ждать.

Тварь уже не торопилась. Шагала по машинам, и они с визгом прогибались под ее весом.

Потом тварь оказалась на нужном расстоянии.

Глава 22

Зверь

Зверь со стеклянным звуком упал на асфальт. На спину. Как большая сосулька. Я не видел раньше сосулек, теперь увидел.

Но не раскололся.

Я стоял в стороне, на сплюснутых автомобилях, рассматривал его издали. Раньше я никогда не видел зверей, хотя много о них слышал. От Ризза, он несколько раз ходил в охотничьи экспедиции. Чрезвычайно опасная тварь, на юге их много встречалось, там ребята с ними намучились. Быстрые, умные, поймать нелегко. Но зато стадами водятся — можно сразу много нагрести. Ризз рассказывал, что они как-то наткнулись на целую команду зверей, сразу прицеп к танку забили, а потом отдыхали почти месяц — купались и вообще бездельничали. Ну, как мы в этот раз.

Вот теперь и я увидел зверя. И даже подстрелил. Помню, Ризз говорил, что раньше они собирали звериные уши. На спор. Коллекционировали. Отрезали их, на проволоку насаживали, и на шею. Так и ходили. А потом, в конце рейда, собирались у костра, уши жарили — пили алкоголь. Алкоголь запрещен, но перед стартом немножко можно. Уши к алкоголю очень хорошо подходят...

Зверь лежал. Вообще, про зверей почему-то говорить не принято, мы вот уже сколько в рейде, а про них ни разу не беседовали. И не вспоминали даже. Про пришельцев, про зеркала, про кого угодно, но про зверей мы не вспоминали. Вроде бы не станция «Сол», вроде бы не плохая примета, а почему-то не принято про зверей говорить...

Не говорили, а вот он и здесь. Говори не говори, а все равно все сбывается само по себе.

Я достал нож. Но потом обратно спрятал. Зачем мне его уши? Ушами никого не удивишь...

Да и не охотник я.

Зверь не шевелился. И не пошевелится больше, заморозка мощная. Конечно, через пару дней он начнет потихоньку оттаивать, но по своим лесам он больше скакать не будет — если его не разморозить особым образом, то кристаллы льда при оттаивании разорвут клетки. Зверь погибнет. Заморозить — это все равно что убить.

Я приблизился. Стало почему-то интересно, я ведь никогда их не видел.

Зверь был какой-то мелкий, невысокий, наверное, с бескормилки. А может, молодой. Интересно, с чего это он на нас накинулся? Да еще с фризером? Да еще и выстрелил, Джи теперь придется размораживать...

Странный зверь. Ремень какой-то на животе, трусы, ботинки... Мимикрия, видимо. Я что-то слышал про такие случаи. Что звери инстинктивно пытались подражать людям. И выкрикнул этот зверь что-то... Или мне уже показалось? Наверное, этот зверь видел, как ходят люди, ну, кто-нибудь из наших, и пытался им подражать. И слышал их речь...

Нет, планета определенно удивительная, чего тут только не встретишь... Не зря Ризз

так грустил, что в рейд больше не берут, тут за один день увидишь больше, чем там, дома, за год. И приключений тут хоть отбавляй, расскажу Эн, как на меня напал свирепый зверь, как он сразил Джи, но я вступил в единоборство и заморозил его в честной борьбе...

Я обязательно в следующий рейд пойду, рейд — это здорово! Чтобы потом вспоминать. Ну, как тут все было.

Как хорошо тут все было...

Я вздохнул и собрался уже уходить. Пора возвращаться к нашему танку, к складу, надо его все-таки обследовать, наверняка там много всяких вещей полезных. Конфеты, Бугер уверял, что там конфет много. Хоть конфет поедим...

Я собрался уже уходить, но тут из-под бока зверя выползло что-то маленькое.

Я вскинул фризера, но не выстрелил. Это было... Я не знаю, какое-то небольшое животное. На котенка не похоже, скорее на маленькую собаку. На щенка. Точно щенок, я видел таких в мультфильмах.

Маленький. Конечно, не такой маленький, как котенок, но все равно — малявка, можно накрыть ладонью. Смешной такой, поглядел на зверя, лизнул его и пискнул.

Милый. Какое слово...

Мне в голову вдруг пришла отличная идея. Эн хотела, чтобы я привез ей котеночка, а я ей привезу щеночка! Какая, собственно, разница, котеночек или щеночек? Я вот читал, что собаки еще лучше, чем кошки, греют спину. Что даже почки от них выздоравливают. А Ризз рассказывал, что раньше из их шерсти вязали носки и рукавицы... Если щеночек выживет, если он как-то приспособится, вырастет и станет собакой, то от него будет двойная польза! Во-первых, можно будет его прикладывать к больным местам, во-вторых, из его шерсти можно связать свитер, а потом ходить всему в шерсти, сам как собака сделаешься.

А с котеночка шерсти не наберешь, у кошек шерсть мелкая и совсем не целебная...

Нет, собака определенно лучше. И важнее. И в случае чего оборона от нее может быть. За одну собаку дадут запросто семнадцать кошек.

Я присел и попробовал поймать этого щеночка. Так, двумя пальцами. Но он довольно ловко от меня отпрыгнул и спрятался опять за этого своего мерзлого зверя в ботинках. Выставлялся оттуда, поглядывал желтым глазом. Тогда я протянул руку и перевернул зверя на живот.

Не сразу понял. Не знаю, сколько прошло, прежде чем я *осознал*.

На спине. Несколько штук. Плохо исполненных, но все-таки я их узнал. Конечно, я их узнал, я не мог этого не узнать.

Я перевернул его на бок и увидел еще. На руке.

Я отпрыгнул в сторону. И хотел убежать. Стал пятиться к машинам. Щенок выскочил из-за зверя и побежал за мной. Повизгивая. Тогда я остановился.

И вернулся. Щенок сел возле моей ноги и стал неловко чесаться о ботинок, то и дело заваливаясь на бок. Совсем еще маленький. Я поднял фризера, нажал на курок. Щенок оледенел. Я поднял его и спрятал в набедренную сумку. Разморожу дома. Может, себе оставлю, кстати, не отдам Эн. Назову его...

Это не важно. Не важно, совсем не важно, я не о том совершенно думаю, надо о другом сейчас думать. Передо мной лежал зверь. В трусах, в ботинках, с ремнем. И на спине, и на руке у него был Знак.

Знак.

Наш.

Я смотрел на зверя.

Этого не должно было быть, но это было. Бугер тогда рассказывал про эти фильмы, про запрещенные там, в этих фильмах, звери...

Но как это могло быть? Как?

Я присел. Ткнул в зверя пальцем. Зверь был твердый, все правильно. Замороженный. Не знаю почему, но Знак при заморозке покрылся инеем и теперь блестел белизной, даже искрился.

Знак.

Что же тогда получается? Получается, что все это время, все рейды мы... Делали... Охотились...

Нет, этого не может быть... Этого просто не может быть! Я даже не хотел об этом думать, даже на секунду не хотел представлять...

Зверь... Я выпрямился, пнул его в твердый живот, хорошо, с размаха пнул, чтобы звякнуло. И звякнуло. Я выхватил нож. Нож у меня хороший, если ударить его по шее, то голова только так покатится. И не будет мешать! Ни он, ни его уродливая голова не будет мешать, не будет пытаться вползти в мой спокойный и правильный мир, не будут ломать...

Никаких мыслей! Успокоиться! Сейчас главное успокоиться! Что делать для успокоения? Что лучше всего делать для успокоения? Считать. Командор Алекс У всегда считал баранов, но баранов тут нет... Значит, просто считать. Считать. Я стал считать.

Это помогло. Я считал и успокаивался. Спрятал нож. Считать, считать, все мысли прочь, не буду думать. Спрошу у отца. Потом. Отец мне все расскажет. Как оно все есть на самом деле. Доказательства. Мне будут нужны доказательства. Я снова достал нож. Доказательства, что на нем были Знаки. Срезать. Надо просто содрать...

Нельзя. Нельзя сдирать шкуру со зверя — это не дело. Надо взять его и притащить целиком...

Мысль еще более правильная пришла мне в голову! Его надо притащить целиком. На базу. И разморозить! И, может быть, даже с ним поговорить! А вдруг этот зверь умеет разговаривать! Он же тогда что-то выкрикнул. И...

Я вдруг понял еще одну вещь. Очень, очень важную вещь! Просто страшную вещь! Знак был вырисован не только у него на руке, он был еще и на спине зверя! Следовательно, этот Знак ему кто-то сделал! Не мог же зверь сам себе нарисовать это на спине?! Тут есть люди! Точно! Тут есть люди! Настоящие люди! Эти люди приручили зверей, возможно, они их разводят как скот! Точно! Я ведь читал где-то, что когда раньше люди держали домашних животных, то они ставили им на спину клеймо! И эти люди тоже ставят своим животным клейма! А если люди разводят скот, то это означает, что на планете сохранилась цивилизация!

Цивилизация!

После эпидемии все-таки кто-то выжил! Не знаю как, но выжил! Может, в подземных пещерах, может, в горах, но люди выжили! А вдруг...

А вдруг это Алекс У! Командор Алекс У, мой прапрадедушка! Он со своими товарищами выжил при посадке! И основал тут новое поселение! Они живут в лесу! Они разводят зверей! Они ждут, когда мы прилетим и встретим их!

Я испытал такой мощный прилив энтузиазма, что решил разморозить зверя прямо тут, немедленно, сейчас! Потом, правда, одумался. Разморозка в полевых условиях не всегда заканчивалась успешно, довольно часто размораживаемый погибал. А тут рисковать было нельзя. Нельзя. Значит, отложим. Мы разморозим зверя в стационаре, и он приведет нас к настоящим людям!

Надо спешить. Надо спешить.

Спешить.

И я отправился назад, к танку. Зверя я просто тащил на себе, на плечах. Это было легко, зверь был нетяжелым, к тому же экзоскелет прекрасно держал нагрузку, все-таки отличное изобретение...

Хитч ожидал меня возле танка. Сидел на асфальте над Джи. Джи лежал как стоял — в скрюченном состоянии, руки вперед.

Бугера не видно. Наверное, бродит по магазину до сих пор, конфеты ищет...

— Приволок? — осведомился Хитч. — Зачем?!

— Ты знаешь... — начал было я.

— Надо было прикончить на месте, — устало сказал Хитч. — Зря напрягался только... Долго его держать собираешься?

Я бросил зверя. Подошел к Хитчу. Хитч измерял плотность заморозки у Джи. Плотность в норме, в зеленом секторе. Значит, с Джи ничего плохого не случится.

— Послушай, Хитч, произошло нечто...

— С глазами у него что-то... Сосуды расширены. Потом надо...

Хитч замолчал. И посмотрел на меня. Он выглядел не так, как раньше. Раньше он был таким самоуверенным и бравым, сейчас от героизма ничего не осталось. Хитч был растерян. Я заметил, что его трясло, лицо у него дергалось, мелко так.

— Что с тобой? — спросил я. — С Джи что-то не так?

— Джи? А, нет, все нормально... Потом разморозим... Пара месяцев из жизни, причем по нашему времени... Плохо все... Плохо.

— С Джи все-таки? Джи не так заморозился?!

— Джи ничего, говорю тебе... доберемся до корабля, исправим... Другое плохо...

Хитч указал головой.

— Что?

Хитч отвернулся.

— А где Бугер? — повторил я.

— Это и есть Бугер, — ответил Хитч.

— Что?!

— Бугер.

Я подошел к брезенту, сдернул его.

Бугер лежал на спине. В голове дырка. Длинная, голова Бугера была расколота почти пополам чем-то острым, лезвие вошло прямо между глаз.

Бугер был, несомненно, мертв. В руке он держал большую конфету. И синий дельфин был тут же. И книга.

Так.

Я сел рядом. Так. Что-то происходит... Что тут происходит?!

— Как... Кто? Кто его?

Хитч указал на зверя.

Зверь. Зверь убил Бугера...

Я взял конфету. Бугер не успел ее развернуть и не успел попробовать. Не успел найти свою конфетную фабрику и вообще не успел ничего... И вообще...

— Плохо все, — сказал Хитч. — Плохо... Его уже не разморозишь...

Конфета оказалась вкусной. Ничего вкусней я не пробовал. Самое вкусное, оно...

Хитч поглядел на меня с грустной улыбкой.

— Там еще много конфет. — Хитч кивнул в сторону склада. — Можешь сходить, если хочешь.

Я не понял, шутит он или не шутит, я... Во рту моем расплывался вкус шоколада, я ничего не соображал...

— Он прикончил Бугера, а ты его притащил... Зачем ты его приволок, Алекс?!

— Он может знать, где люди, — ответил я.

— Что?

— Он может знать, где люди. Он может показать...

— Может знать... — усмехнулся Хитч. — Да он сам... Он сам...

— Человек?

Глава 23

Лед

Холодно.

Тепло ли тебе, девица, тепло ли тебе, красная? Почему девица красная, ее что, сварили, что ли... Тепло ли тебе... Спросил Дед Мороз. А она ему сказала что-то. А он разозлился и посадил ее в мешок, там были пальцы отмороженные. И ноги тоже отмороженные. И уши.

Дед Мороз отнес ее к колодцу и бросил вниз, и там была уже только Матушка Метель со своими снежными перинами...

Тепло ли тебе...

Сказка. Холодно, осень еще, а холодно...

Я открыл глаза.

Боль опять. Везде, даже волосы, все болело. Никогда мне не было так больно, и я точно знал, что больше и не будет. Эта была абсолютная боль, такая боль, что в некоторые мгновения я ее даже не чувствовал.

Я попробовал закричать, но не сумел, потому что горло у меня оказалось забито снегом. Или инеем. Чем-то колючим и холодным. Я перевернулся на колени и закашлялся, кашлял и кашлял, даже ребра затрещали. Снег в горле разлился, и я закричал.

Я кричал долго, едва легкие заполнялись воздухом, как я выдавливал его криком, и постепенно я начинал чувствовать, что боль отступает.

Тогда я ощутил холод уже по-настоящему.

Я посмотрел на свои руки. Через кожу проступала кровь. Какой-то липкий кровавый пот, мерзкий, похожий на сопли. Он сползал со спины и сразу же замерзал, сосульки притягивали меня к полу, я дернулся, они с треском сломались. Я упал на бок. И заметил — из локтя правой руки торчала черная железная трубка, из нее медленно капала кровь, капала и тоже замерзала, раскатывалась по полу красным бисером. Я дотянулся до трубки, выдернул, отшвырнул подальше.

Я лежал в узком проходе, на самом дне. Сверху падал свет. Бледный желтый конус, холодный, как все вокруг. И снег. Мелкий, почти невидимый, снежная пыль. Полумрак. Поглядел вправо.

На меня смотрел Рыжий. Дикими, безумными, бешеными глазами. Красными. Из правого глаза выкатывалась кровавая капля, она разделилась на щеке — одна струйка ушла ко рту, другая неестественно, против закона тяготения, задралась к уху. Отчего казалось, что лицо Рыжего разрезано на три части острым лезвием.

— Эй, — просипел я, — эй, Блохастик...

Рыжий не ответил.

— Рыжий, они ушли, — сказал я. — Твой сын, он ушел...

Рыжий молчал.

— Ты чего... — Я протянул к небу руку и коснулся дичарского лба.

Лоб был холодный. Мертвый. Рука моя соскользнула, и я дотронулся до глаза Рыжего. Он был гладкий, как стеклянный шарик.

Я отдернул руку. Рыжий был как камень. Я стал отползать и наткнулся на твердое и острое, испугался, перевернулся рывком.

Медведь. Оскаленная пасть, и снова кровь и шерсть, замерзшая иголками.

А над ним олень. И дикий. И еще дикий. Дикие были везде, дикие уходили вверх, теряясь за границами светового конуса: руки, ноги, головы, рога, лапы, копыта, тела, тела, тела... во все стороны, рядами. Аккуратными.

Я пополз. На четвереньках. Куда-то. Примерзая ладонями и коленями. Втыкаясь головой в холодных. В твердых.

В мертвых и мерзлых.

Потом я увидел лицо. Еще лицо. Дикий. Или дикая. Не знаю. Что-то в этом лице такое было... Раньше все морды, морды, и вдруг лицо. Человеческое.

Нет, это был дикий — косматый, морда обветренная, глаза выпученные, но все равно, что-то человеческое...

Что-то... Что-то такое... Эти ряды, холод... Что-то...

Я попробовал встать на ноги. Поскользнулся. Под ногами был лед. Гладкий.

Лед.

Свет. Неожиданно зажегся свет, это был уже не один конус, а несколько. И я увидел.

Замороженные ряды тянулись во все стороны. Их было много. Десятки. Десятки рядов.

Плотных. Спрессованных. Аккуратных.

И еще я увидел.

Передо мной стояли твари. Две. Две длинные хоботастые твари. Смотрели. Поблескивая своими плоскими нарисованными глазами. Побулькивая. Распуская по сторонам пар из своих дыхал. Осьминоги.

— Что это? — глупо спросил я.

Но осьминоги на меня даже не поглядели, у них были свои дела. Проклятые твари, уроды, ублюдки. Я был как все, заморожен и уложен в штабеля, я лежал между каким-то диким и мороженым лосем, лежал, как бревно, как полено, как не человек совсем, потом меня достали, воткнули в вену трубку, и я ожил.

Зачем? Зачем меня разморозили эти твари? Что им от меня понадобилось?

Что?

Я попробовал подняться еще раз. И еще раз не получилось.

Как холодно...

Лед.

Лед...

Ледник.

Ледник!!!

Горло перехватило.

Не рабы!!!

Как я мог не понять! Им не нужны рабы! Какие рабы получатся из оленей и леопардов?!

Болван! Болван! Я ничего не видел! Ничего не понимал!

Им совсем не нужны рабы! Им нужна жратва!!!

Жратва!

Запасы!

Мы запасы! Мы все запасы! Тут! Тонны! Тонны замороженного живого мяса!

Олени, медведи, белки, кабаны, лоси, дикие. Мы.

Мы.

Кажется, я кричал. Твари опять повернулись в мою сторону. После чего ближняя шагнула ко мне, схватила меня за ногу и поволокла.

Я не сопротивлялся. Сил у меня не было, я чувствовал, что умер и воскрес снова. Наверное, так оно и было. Я сдох и возродился к жизни, я миновал асфальтовый стакан, меня тащили за ногу.

Меня проволокли через весь этот страшный склад, лязгнул железный люк, и я ослеп. Светло, так светло, что я ничего не видел.

Потом меня схватили за горло и подняли в воздух. Легко, примерно так легко я поднимал в воздух нового Волка. Как щенка. Я не брыкался, бесполезно было брыкаться. Можно постараться и укусить тварь за ногу, но я помнил, что стало с тем ягуаром. Я умный.

Если они меня разморозили, значит, им от меня что-то нужно. Может, они хотят со мной поговорить? Хотя они и твари, и людоеды, и уроды, но они вполне разумны — у них есть машины... А я единственный человек, если и говорить, то только со мной, я тут хозяин. И я им скажу, чтобы они убирались с моей земли. Я у них потребую отпустить всех. Всех, без исключения! И диких, и зверей, даже этих поганных зайцев, если они есть.

Рядом с моим лицом кто-то фыркнул, меня снова швырнули вниз и снова поволокли. Глаза мои привыкли, и я уже мог немного видеть. Потолок. Потолок высокий, на нем лампы, больше ничего.

Я закрыл глаза. Опять что-то лязгнуло, меня снова швырнули, я прокатился по полу и стукнулся обо что-то твердое и острое, кажется, даже о железное.

Почти сразу сел.

Комната железная. Узкая, но потолки высокие. Стол. Ну, что-то похожее на стол — железный куб не очень правильной формы. Тоже высокий. Тут все высокое. Двери высокие

— это чтобы твари проходили. Окон нет. Что им надо?

И вдруг я подумал: а что, если они решили сожрать меня прямо сейчас? Здесь. Я не шерстистый, аккуратный, выгляжу, наверное, аппетитно. Молоденький опять же...

Будут жрать живьем. Твари. Ублюдки. Сволочи.

Хромой, Хромой, где ты...

Я оглядел комнату. Ничего. Ничего, что можно использовать в качестве оружия. Все. Конец.

Не хочу так. Когда они вернутся... Я не дамся живым. Стены у комнаты железные, если что — разбежусь — и головой. Проломлю череп. Не дамся.

Шаги.

Я метнулся в дальний угол, сжался, привалился к стене. Ужас был настолько горячий, что я услышал, как мои плечи вдавливаются в стены этой камеры, плавят металл...

Дверь открылась. Вошла тварь. Блеснула на меня своими глазами, тряхнула хоботом. Три шага, и она оказалась уже у стола. Нет, все-таки эти поганые подводные твари здоровенные. Больше двух метров, а может, и вообще два с половиной; тварь здорово горбилась, так что лапы болтались почти у пола. Похоже на обезьяну, только все обезьяны меньше в три раза и хобота у них нет.

Она пялилась на меня, а потом вдруг взялась за свое лицо, оттянула его и стала сдирать. Со скрипом, с чавканьем...

Наверное, я кричал.

С лицом она справилась в минуту, бросила его на стол, оно масляно перевалилось и повисло на краю.

И я совершенно ясно увидел, что это не лицо. Совсем не лицо.

А раньше не видел. Почему я раньше не видел, что это не хобот и не глаза, а обычная резиновая маска? Противогаз, так, кажется, называется. Для облегчения дыхания. Или чтобы в дыму не угореть. Про противогаз в книжках редко встречается, но я его узнал.

Тварь глядела на меня. И я на нее. Я видел, как она выглядит на самом деле.

Голова большая. Гладкий коричневый череп, никаких волос, ушей тоже нет. Глаза круглые, как у совы. Нос. Сплюснутый, раздавленный, не нос а какая-то дырка, прикрытая кожистой пленкой. Рот...

Это было самое мерзкое во всем ее виде. Рот был большой. Огромный. Широкий. Голова делилась этим ртом на две совсем неравные части, губ не было. Никаких. Харя сразу переходила в десны и в зубы.

Тварь дышала тяжело, с присвистом, будто в легких у нее имелась изрядная дыра... А эта пленка на носу безобразно пошевеливалась. Чуть сбоку слева на щеке чернело отверстие, на другой щеке такого не было.

Она поманила меня пальцем.

Иди. Иди сюда. Иди.

И я, как загипнотизированный, оторвался от стены и сделал шаг. Хромой мог гипнотизировать, он мог загипнотизировать белку или кролика, но я так и не выучился этому, тварь смотрела на меня, и я послушно, как белка, шагал к ней до самого стола. Почувствовал под руками теплое, чуть шероховатое железо.

Тварь наклонила вбок голову и уставилась на меня желтыми круглыми глазами. Я смотрел ей в глаза не мигая, и она не отвернулась, вдруг я понял, что глаза у твари удивительно красивые. Не желтые, а золотистые, и с еще более золотистыми искрами в глубине. И эти искры, казалось, двигались внутри сами по себе, отдельно от остальных глаз, вращались вокруг зрачка, как планеты вращаются вокруг солнца.

Тварь протянула конечность, взяла меня за шею и приблизила к себе. Ее нижняя челюсть отвалилась, и я увидел, что за первым рядом зубов есть еще второй, поменьше и поострей.

Вот и все. Подумал я. Сейчас она вцепится мне в голову.

И я. Я. Сейчас. Сейчас я укушу эту руку, вырвусь и разбежусь. Головой в стену.

Разбегусь. Посильнее.

Дверь со скрежетом открылась, и вошла еще одна тварь. Такая же высокая. Такая же уродливая. Просто невыносимо уродливая, теперь я видел это, видел даже через противогаз.

Та, что держала меня, обернулась и проклекотала что-то. Новая тварь проклекотала в ответ, подошла ближе и ткнула меня в плечо. Затем принялась тыкать этим своим пальцем мне в спину.

Выбирает, подумал я. Где помягче. С чего начать. И булькает. Тычет и булькает.

Мама...

— Мама... — прохрипел я.

И вдруг тварь меня отпустила. Даже не отпустила, оттолкнула от себя. Так что я отлетел и снова хлопнулся о стену.

Твари забулькали оживленно, та, что была без противогаза то и дело указывала на меня, та, другая, тоже указывала на меня, видимо, по моему поводу у них возник спор. Гастрономического свойства.

— Жрите! — крикнул я. — Жрите, твари! Подавитесь! Люди прилетят — вас перебьют, как зайцев! Сдохнете все!

Обе замолчали и уставились на меня.

— Сдохнете! Сдохнете!

Твари стали переглядываться.

— Сдохнете! — повторил я. — Прилетят люди с Меркурия — и вы сдохнете! Они вас убьют! Люди! Тут будут жить только люди! Это будет наша земля!

Твари молчали.

— Что заткнулись? — спросил я. — Не слышали, как говорит человек? Слушайте...

Я хотел им еще обидного порассказать, но не получилось: та, которая была без маски, шагнула ко мне. Быстро, я не успел ни отскочить в сторону, ничего не успел, она очутилась рядом и стукнула меня по голове. Несильно так, только для того, чтобы вышибить сознание.

Глава 24

Гамма

Все должно было быть не так.

Я чувствовал. Чувствовал, с самого первого дня чувствовал: что-то должно случиться. Я старался об этом не думать, будешь думать и спугнешь... или, наоборот, накличешь... Старался не думать.

А все равно случилось.

Не так. Не так все. Буднично, банально, страшно. Человек. Мы должны были... Да, мы должны были... Все должно было быть не так...

Встреча. Слова. Мы должны были что-то друг другу сказать... Понять. Люди должны понимать друг друга, мы так долго оставались одни...

Время тут скачет. И все идет не по-правильному, мне же говорили...

Все оборвалось, осыпалось. Развивалось, раскручивалось, мы шли навстречу друг другу через космос, через лес и магнитные сияния, и должны были найтись слова и, возможно, рукопожатие, музыка. Пузырь надувался, ширился и рос, и он должен был взорваться с оглушающим грохотом... Но он взорвался как-то не так.

Он разорвался, и воздух вышел, и все повисло, и я ничего не понимал...

Топор.

Бессмысленно. Все бессмысленно до ужаса, скомкано... Раньше в моей жизни не было ничего скомканного, все текло прямо. Все изменилось.

Опыт. Отец говорил.

Все изменилось, все закончилось.

Отец закрыл дверь кают-компаний. Сел за стол. Молчал. И я молчал. Я не знал, как себя вести в таких ситуациях. Отец понял это и начал первым:

— Наверное, у тебя есть вопросы. Наверное, Хитч тебе рассказал не все. Спрашивай.

— Есть, — сказал я. — И много. Я хочу спросить...

— Лучше я сам тебе расскажу, — перебил отец. — Расскажу все, что знаю.

Отец снова замолчал. Он изменился. Похудел. Все мы поправились и расползлись от воды, а он похудел. Заботы.

Сейчас начнет врать, подумал я. Никогда не врал, сейчас соврет.

— Это тайна... — Отец потер голову. — Знают ее лишь...

Так и есть. Начал врать. Я перебил.

— Зверь умеет разговаривать, — сказал я. — И это не мимикрия! Это никакая не мимикрия, как нам говорили! Я хочу объяснений! И не надо придумывать историй, я не дурачок!

— Конечно, ты не дурачок, — кивнул отец. — Конечно... Просто ты еще недостаточно взрослый...

— Я достаточно взрослый. Я достаточно взрослый, чтобы понимать...

Отец приложил палец ко рту. Таким старинным-старинным жестом, какой я раньше видел только в мультфильмах. Я замолчал.

Отец поднялся из-за стола. Подошел к сейфу, долго набирал комбинацию. Я никак не мог представить, что сейчас отец из этого сейфа извлечет. Но, судя по всему, собирался он достать что-нибудь серьезное. Весомое. Чтобы этим аргументом меня раздавить.

Но это оказалась всего лишь папка. Старомодная папка для бумаг. В таких хранились только на самом деле ценные документы. Например, чертежи. Или законы колонии. Или личные дела.

Видимо, в этой папке тоже хранилось что-то важное.

Отец положил ее на стол и долго смотрел на обложку. Он вообще все делал как-то долго, медленно, ему было явно неприятно все это делать, даже двигаться было неприятно. Наконец отец решился. Он подышал на пальцы и раскрыл папку. Извлек желтый лист довольно большого формата.

Кажется, фотография.

— Ты хотел правды...

Я уж подумал, что сейчас он скажет — на самом ли деле я хочу узнать правду, готов ли я... Но отец обошелся без долгих предисловий. Просто передал фотографию мне.

На фотографии были звери. Четверо здоровенных зверей. Во весь рост. Стоят возле входа в наш Зал Собраний, за их спинами косматое оранжевое солнце. И буква «М». Знак.

Улыбаются.

Странно. Непонятно. Вообще непонятно...

— Что это? — спросил я. — Я не понимаю... Почему звери рядом с Залом Собраний?

— Приглядишься повнимательнее, — посоветовал отец. — Ты видишь не все.

Я сощурился.

Звери были в форме меркурианской базы. Форма новая, молнии блестят, застёжки блестят, все блестит. Интересно, кто это вдруг вздумал обрядить зверей в нашу форму, что за шутки глупые? Розыгрыш? Нет, у нас розыгрыши — популярная штука, даже праздник есть такой — День Мертвеца. Одно непонятно — почему этот розыгрыш хранится в особой папке?

Значит, фотография не розыгрыш?

— Ты не видишь? — спросил отец.

— Вижу. Шутка дурацкая, кажется...

— Ты не видишь. Смотри.

Я принялся всматриваться в фотографию в третий раз. Фотография как фотография, что такого... Я стал вглядываться в детали. Пол. Ничего. Стены. Ничего. Потолок. Не видно. Деталей почти не было. Разве что комбинезоны. Много блестящих деталей на костюмах. Я принялся изучать комбинезоны и почти сразу увидел.

Имена. На комбинезонах.

Я прочитал их слева направо, и самым правым был Алекс У.

У правого зверя на комбинезоне было имя. Над сердцем.

Алекс У.

Командор Алекс У.

— Что это? — спросил я. — Почему... Почему это? Шутка...

— Какой смысл? Какой смысл в такой шутке? Его нет. А значит, это не шутка.

— Как это?!

— Это, — отец указал на крайнего справа, — это командор Алекс У.

— Но как...

Как же это так?! Как?! Я не мог понять. Командор Алекс У в форме... в виде зверя в форме звездолетчика...

Алекс У. Зверь.

— Я скажу тебе, только ты не удивляйся. Алекс У — это зверь. Тут все просто.

— Алекс У — зверь?! — не понял я.

Отец кивнул.

— Вернее... — Он почесал подбородок. — Вернее будет сказать, что наоборот...

Отец замолчал.

— Что значит наоборот? — не понял я.

Не понял, но ноги у меня стали неприятно мягчать. Мягкость распространялась медленно, взползала вверх, скоро до локтей доберется, руки задрожат, у людей всегда мягчают сначала ноги...

— Что значит наоборот? — повторил я вопрос.

— Наоборот — это значит наоборот.

— Почему этот зверь в комбинезоне...

— Это... — отец отобрал у меня фото, — это — Алекс У.

Отец постучал по фотографии ногтем.

— Алекс У. Настоящий. Это настоящий Алекс У. Командор. Руководитель экспедиции «Гея». Пропавший корабль.

— Но ведь... Ведь на всех фотографиях...

— Все фотографии, сделанные раньше четырехсот наших лет назад, уничтожены, — сказал отец. — Кроме этой. Эта хранится для подобных случаев. Как у нас с тобой.

— Почему уничтожены?

Мягкость все-таки добралась до рук, пальцы задрожали, и сразу крупно задрожали, застучали по столу. Звук получался железный и неприятный. Почему у нас все из железа? Почему нельзя сделать хоть что-нибудь из дерева? Прошлые экспедиции ведь заготавливали дерево, и в этой дерево ищут, почему бы не сделать стол? И табуретки. Сейчас бы сидел себе на табуретке или за столом, звук получался бы совершенно другой, приятный, деревянный, почему все фотографии старше четырехсот лет уничтожены? Я не понимал.

— Ты нервничаешь? — улыбнулся отец.

— Зачем? Зачем были уничтожены все старые фотографии? Почему это настоящий Алекс У? Почему...

— Настоящий Алекс У — этот. — Отец снова указал на фотографию. — И команда тоже настоящая. Раньше все люди выглядели так.

Я потрогал голову.

— Тогда все люди выглядели так, — повторил отец. — Не только экипаж «Геи», все, кто жил на нашей базе...

— А как же мы? — Я снова потрогал голову.

И мне не понравилось это делать. Мне не понравилась моя голова. Я вдруг подумал, что она слишком большая. И что-то с носом...

— Мы не совсем люди. — Отец тоже потрогал себя за голову. — Вернее, совсем не люди. Меркьюри Сапиенс, пожалуй, так можно обозначить наш вид...

Наш вид. Наш вид. Мне стало противно. Мы — не люди. Не люди. Нелюди.

— Это Солнце. — Отец поглядел в потолок. — Это все Солнце. Солнечный ветер. Гамма-излучение. Недостаток кислорода. Грязная вода. Мутации проявились почти сразу, во втором поколении, в третьем поколении геном претерпел уже серьезные изменения. В пятом поколении... В пятом поколении мы убрали все зеркала. И изображения... Изображения людей были запрещены... Алекс У и его команда были последними настоящими людьми.

— Так быстро? — спросил я. — Разве мы могли измениться так быстро? Разве такое возможно?

— Эпидемия, — ответил отец. — Вероятно, вирус проник и к нам. Это неточно, но вполне может быть. Вирус был мощным мутагеном... Хотя и одной радиации вполне хватило бы... Одним словом, мы теперь — не они.

Отец спрятал фотографию в папку.

Я думал. Я так пытался все это выяснить, и когда выяснил...

— Почему это держится в тайне?

Хотя я знал ответ на этот вопрос.

Рейды.

Рейды продолжаются уже давно. Благодаря рейдам у нас есть пластик, благодаря рейдам у нас есть дерево. Инструменты, ткань, резина, редкие металлы, мультфильмы. Вода. Белок.

Мясо.

Мясо и вода — это главное. Меркурианская база существует только благодаря рейдам. Если они прекратятся, то мы вырем с голода...

Фильмы. Вот почему запрещены фильмы. Из фильмов легко было узнать, что звери, на которых мы успешно охотимся, совсем не звери.

Люди.

Колония питается...

— Они знают? — Я указал пальцем в небо. — Все? Все знают?

Конечно же, он не ответил сразу. Конечно же, он молчал долго. Возил пальцем по столу, скрипел.

Затем, наконец, сказал:

— Такие случаи бывают. Вроде того, что произошел с тобой. Почти каждый рейд. Почти каждый рейд кто-нибудь начинает подозревать... Нервные срывы случаются... Потом все понимают. Все, кто ходит в рейды, знают об этом. Ну, во всяком случае, взрослые.

— Ты понимаешь, что ты сейчас мне рассказываешь? — шепотом спросил я.

Отец кивнул.

— Ты говоришь о том, что мы там, на Меркурии, много лет... много лет... мы едим...

— Это что-то меняет?

Меня тошнило.

— Это меняет почти все, — выдохнул я. — Как можно жить так?!

— Ты предлагаешь так умереть? — спросил с иронией отец.

Я отвернулся.

Запрет на фильмы. Запрет на зеркала. Запрет на одежду — чтобы мы не видели, насколько мы длиннее их. Запреты. Вырванные из книжек картинки, переделанные фотографии, ворох лживых легенд, сотни лет вранья за спиной и неизвестно сколько вранья впереди...

И все для того, чтобы никто из нас не знал, что мы — уроды. Вырожденцы, мутанты, чудовища, что мы не похожи на настоящих людей. Что мы вообще не люди.

Вернее, для того, чтобы лишний раз не напоминать нам об этом.

Все для того, чтобы мы могли спокойно их жрать.

Все для того, чтобы нас не мучила совесть.

Ну, вот теперь я все знаю.

Что дальше?

— Твой случай, конечно, необычен. — Отец встал и направился к сейфу. — Весьма

необычен. Честно говоря, мы не ожидали, что на планете сохранился разум... Хотя в каких-то его проявлениях...

Врет.

— На планете есть люди! И они действительно разумны! Даже если они неразумны... Они люди.

Отец спрятал папку в сейф.

— Настоящие люди, — сказал я.

— Они люди лишь внешне. Биологически. На самом деле это дикие существа, которые давно уже утратили остатки разума. Это не люди в нашем понимании... Так что не волнуйся, сын, на планете нет настоящих людей.

— На планете есть настоящие люди! Планета Земля! И на ней люди! Этот человек, которого я притащил, — у него татуировка. Он в башмаках! И он разговаривает! И у него ремень. И татуировка... Спроси у Хитча, если мне не веришь! Кто-то сделал ему эту татуировку! На планете есть люди!

— Если и есть, то это ничего не меняет, — мягко улыбнулся отец. — На планете есть люди. И что?

— Как что?! Как что?! Мы же должны устанавливать контакт! Мы ведь так давно к этому стремились...

Отец снова приложил палец к губам. Ко рту.

— Контакта не будет, — сказал он. — И ничего не будет.

— Но это же люди! Тот, кого я притащил, он носит ботинки...

Отец начал говорить. Он говорил тяжело, слова будто выворачивались из него, не хотели лезть, а он их будто выплевывал кусками.

Я слушал.

— Те, кого мы называем зверями, — они ведь тоже люди, ты так говоришь... Наши трюмы забиты людьми почти на треть. А в прошлый раз они были заполнены наполовину — их легко ловить, знаешь ли... И все это время в капсулах были они. Ты говоришь контакт... Зачем нам контакт? Нам не нужен контакт... Нам нужен белок. Легкий белок...

— Их надо отпустить, — возразил я. — Разморозить и отпустить...

— И что же мы будем делать? — Отец кивнул в сторону Солнца, мы чувствуем его даже через броню корабля. — Там?

— Но тут же есть океаны! — воскликнул я. — Океаны! Они полны рыбы! И планктона...

Отец помотал головой. Отрицательно.

— Почему? Почему? Мы могли бы процеживать океан, океана хватит на миллион таких баз, как наша! Там моллюски, там водоросли! Нам хватит навсегда!

Отец потер рукой голову:

— Мы не можем использовать океан. Ни один из нас не может переносить морскую воду, ты же знаешь, она разъедает кожу. Йод, он нас убивает! И продукты... Мы не можем употреблять морепродукты. Аллергия. В первые рейды мы пытались... Вплоть до остановки дыхания. Только мясо. А мяса не так уж много...

В полированном металле стола мутнело мое отражение. Круглая коричневая голова, дырки вместо ушей. Желтые глаза.

— Все будет идти, как шло, — сказал отец. — Это, в конце концов, обычный белок...

— Это не белок...

— Это белок, — с нажимом сказал отец. — Всего лишь белок. А колония должна жить. У нас нет другого выхода. Мы можем умереть с голода...

Я поглядел на отца. Упрямо. И тогда отец нанес удар.

— Успокойся, сынок, — он дотронулся до моего плеча, — успокойся. Помни о матери. Помни об Эн.

— При чем здесь это?! При чем здесь они?!

— Мы возвращаемся домой, — сказал отец.

— Когда?! Почему?!

Отец положил на стол руки, они были большие, черные и длинные.

— Три дня, — ответил отец. — Осталось три дня. Все группы уже собираются к кораблю.

— Почему?! — Я вскочил. — Еще же две недели...

— Идет циклон.

— Что?

— Циклон. С запада. Мощный. Нам нельзя здесь больше оставаться. Мы не можем рисковать.

— Но ведь циклон не страшен кораблю...

— Не будем рисковать, — сказал отец с твердостью. — Это ни к чему. Мы уходим через три дня...

— А как же...

— Вопрос закрыт.

— У того парня, ну, которого я притащил... У него татуировка на плече. Наш Знак. Знак Меркурианской базы...

— Это ничего не значит, — отец меня не слышал. — Мы — не они. Они — не мы. Это теперь навсегда. Совсем навсегда. Пойми.

— Не пойму.

— Когда ты идешь, ты много чего встречаешь, — сказал отец. — Много чего по дороге. Но почти все, что ты встречаешь по дороге, почти все остается у тебя за спиной. Этот человек... Он тоже останется. Как остались многие тысячи до него. И как будут тысячи после него...

— Я хочу его отпустить.

Это я сказал по возможности твердо. Я никогда и ничего не просил у отца. Я не люблю просить. Но здесь я просил.

— Мы должны его отпустить. Он же человек! Вполне может быть, что он тоже потомок Алекса У! Алекс У выжил и оставил здесь своих детей...

— Ты же видел. — Отец кивнул в сторону сейфа. — Алекс У — это тоже теперь не мы.

— Я хочу его отпустить.

— Этого не будет, — так же твердо ответил отец. — Как у вас дела? Как танк?

— Танк в норме...

— Вы собрали... Что вы должны были собирать?

— Дисплей. Мы должны были собирать дисплей...

— Собрали?

— Да. Собрали. Упаковали. Даже чуть больше...

— Отлично. Отлично... Можешь отдыхать. Лучше не выходи на планету, так, на всякий случай...

— А что Бугер? — поинтересовался я.

— Бугер? Бугер... Жаль. Отличный был парень, с чутьем... Я скажу его матери. Если я не ошибаюсь, его убил этот самый... человек?

Мне нечего было ответить. Его убил человек. Да. Но что тут было удивительного? Мы на их глазах замораживали других таких, как он...

Человек убил Бугера.

Топориком. Наверное.

— Это лишний раз доказывает... — начал отец. — Ладно, я не то хотел сказать.

— Что мы будем делать с телом?

— А что ты предлагаешь сделать с телом?

— Я не знаю, — развел руками я. — Это же белок.

— Не говори ерунды, — нахмурился отец. — Мы не потащим Бугера...

Отец вдруг уставился на меня. И глаза его расплылись почти на все лицо.

— Не смотри на меня так! — рыкнул отец. — Не смей даже так думать! Мы никогда

так не делали!

Отец сказал это очень убедительно.

Но я больше ему не верил.

Глава 25

Люди

Не знаю, сколько времени прошло. Год. Наверное, год. Я лежал в холоде и в пустоте. Ничего уже не хотел.

Вокруг была темнота, а потом меня опять тащили. Опять за шею. Я пробовал пошевелиться, но не мог — руки и ноги пребывали в деревянном состоянии. Постепенно я начал понимать, что вокруг совсем не темно, просто на голову мне надели мешок. Тот, кто меня тащил, особой деликатностью не отличался, когти впивались в горло, срывали кожу.

И вдруг я почувствовал воздух. Воздух пах пылью, я вдруг подумал, что меня, может быть, не сожрут. Так, несильно подумал, думать сильно у меня уже никакой жизни не было.

Тащивший меня остановился. Я было дернулся, но тут же получил увесистый пинок в бок, ребра треснули. Наверное, сломалась пара штук. Ничего, зарастут помаленьку.

Этот пнул меня еще раз, после чего продолжил волочь. И вдруг, сам не знаю почему, наверное, я все-таки мозгами повредился немного, так вот, не знаю почему, я начал считать. Вслух.

— Раз, два, три, четыре, пять...

Громко, практически выкрикивая каждое слово, захлебываясь этим счетом, с яростью.

С ненавистью. Ненависть. Впервые в жизни я испытывал ненависть. Я ненавидел эту тварь. Ненавидел их всех. Хотел разорвать в клочки, в пыль, в грязь, в жижу.

— Двадцать пять! Двадцать шесть! Сдохните! Сдохните! Двадцать семь! Вы все сдохнете!

Он ударил меня еще, и снова по ребрам, в этот раз точно сломал, меня дернуло болью, я закашлялся. Прикусил язык, кажется, во рту почувствовалась кровь, я выплюнул ее и заорал:

— Двадцать восемь! Сдохните! Сдохните! Сдохните! Сдохните! Сдохните!

Он рывкнул чего-то, я не понял, затем поднял меня за горло, ударил о землю. Вдавил меня во что-то жидкое, в грязь. Поставил на грудь ногу. Дыхание остановилось.

— Сдохните... — прошептал я на последнем выдохе.

Сдохните. Сдохните тысячу раз, будьте прокляты тысячу раз!

— Сдохните.

Тварь убрала ногу. Я лежал. Дышал. Дышал. Все-таки поднялся. Сел. И сорвал мешок.

Я сидел на земле. Она была выжжена и перепахана машинами тварей. Изуродована. Гусеницы и колеса разворотили землю, глубоко почти на полметра. И почти на все эти полметра она была черной и сплавившейся.

Потом я поднял голову.

В первую секунду я не понял, что именно увидел. Небо в тучах. В тяжелых и грозových. Осень, она уже, наверное, на середине, погода портилась. Зима скоро. Тучи висели низко, медленно переливались, а под ними...

Дом. Вернее, собор. Прямо передо мной возвышался собор. Огромный, черный, уходящий в небо, я видел соборы на картинках в книгах, они точно такими и были. Величественными. Строгими, их так специально строили, чтобы молиться, при взгляде на собор в душе у человека должно просыпаться благоговение. И радость. Я точно не знал, что такое благоговение, но я его почувствовал.

Несмотря на то что я видел, несмотря на то что случилось со мной, несмотря на то что меня хотели сожрать, несмотря на то что мне сломали ребра и чуть не раздавили кадык, я почувствовал.

Собор был прекрасен. Красив. Этой красоте не мешал даже лес, он был выжжен,

поломан, превращен в грязь, его не было совсем, но это все равно не мешало собору быть.

Самым-самым.

Собор был велик, я не мог валяться перед ним в грязи, я должен был встать, подняться на ноги, как человек.

Я поднялся.

И вытер глаза. На всякий случай. А вдруг у меня помрачение? Но он не исчез, до него недалеко, метров двести. Всего-то.

Я не люблю вспоминать про то, что случилось дальше.

Я не люблю вспоминать то, что случилось дальше — так любили писать в книжках их сочинители. Я не люблю это вспоминать, но все равно вспоминаю и вспоминаю.

Что-то там у меня, в голове, сместилось, я подумал: а что здесь делает собор? И что в нем делают твари? И вообще, что тут происходит?

— Что тут происходит? — спросил я.

Со стороны собора послышался гул. Низкий. И от этого гула тучи стали стягиваться, стекаться в точку, сгущаться вокруг соборного.

Я оторвался от неба, опустил голову. Тварь возвращалась к собору. Ссутулившись, сгорбившись, волоча руки почти по земле. Он шагал к собору, и я видел его спину и видел оранжевое пятно на этой спине, на горбу, до этой спины и горба было теперь близко, и я различал, что это вовсе не пятно, а эмблема. Или герб.

Не знаю.

Знак.

Буква «М». Черная. Космическая чернота, отсутствие света. На фоне косматого оранжевого солнца, солнца, очень похожего на глаза пришельцев.

Тварь шагала, эмблема перекачивалась на ее лопатках, солнце шевелило своими щупальцами, как живое, я смотрел на него и понимал.

«М». Меркурий. Меркурий и Солнце. Меркурианская база.

Я взглянул на свое правое плечо.

«М». Меркурий. Меркурий и Солнце. Меркурианская база.

Знак.

Твари — с Меркурианской базы. Твари. Просто. Все просто.

Мы ждали их, и они пришли.

Люди.

Тварь приблизилась к собору. И теперь я уже видел, что это не собор, это корабль, огромный космический корабль, готовящийся к старту.

На Меркурий. С полными трюмами. С запасами на зиму.

Я умер. Тогда я, кажется, умер.

Корабль загудел сильнее, и я почувствовал, как подо мной задрожало, и тучи опустились низко, и задвигались, заскребли почти по земле, обняли верхушку корабля, запахло дождем, но самого дождя почему-то не было, запахло молниями.

Сухая гроза.

Тварь исчезла. Наверное, забралась в люк. Я просто умер, был расплюснут и из-за этого тоже ничего, наверное, вокруг не замечал. Корабль уже загрохотал и начал мелко дрожать, контуры его размылись и смялись, острые формы сделались округлыми, корабль поднялся над землей.

Тогда я догадался, что сейчас что-то случится, установился на четвереньки и рванул прочь.

Земля колыхнулась так сильно, что я упал. Надо мной прошлась горячая волна, кожу на спине припекло, волосы сплавилась, но я тут же вскочил и уже побежал, не на четвереньках, на ногах.

За спиной гремело, земля тряслась и пыталась выскочить из-под меня, я падал, поднимался и снова бежал. На границе выжженного поля, я все-таки оглянулся, не удержался.

Корабль медленно поднимался на белом сияющем столбе, тучи вокруг него раздвигались, и над носом корабля чернело небо, чернело, именно чернело, а наверху, высоко-высоко, я увидел звезды. Колодец, опрокинутый в небо.

Земля горела. Нечему было гореть, однако она горела. Корабль снова завис, белый столб сделался прозрачным, корабль стремительно рванул вверх и исчез. Тучи схлопнулись, сошлись в место, где только что был корабль, столкнулись, и в землю ударила молния. И прорвался дождь. Он собирался уже давно, и теперь вот собрался, корабль тварей пропорол небесное брюхо, и потекла вода.

Она лилась мощно и весело, я стоял под дождем, а со стороны старта валил горячий пар. Сначала это было даже приятно — холодная вода по обожженной голове и теплый пар по телу, но скоро я почувствовал озноб и тошноту. Мне захотелось уйти, забиться куда-нибудь в щель, уснуть и умереть уже по-настоящему. Раскаленная почва потрескивала, пар горячим белым облаком расплзался по сторонам. Я повернулся и пошагал прочь.

Эвакуация.

Глава 26 Возвращение

В две тысячи двести двадцать третьем году постоянная арктическая экспедиция, действующая в районе базы «Руаль», достигла линзы подледного озера «Восток 18». В пробах воды был обнаружен ретровирус, относящийся к периоду раннего палеолита. При случайном контакте с атмосферой вирус перешел в активное состояние, удержать распространение не удалось. В течение года пандемия скоротечного рака, начавшаяся среди людей и высших обезьян, уничтожила более девяноста пяти процентов популяции. Вакцину найти не удалось.

Вирус стремительно распространился по континентам, проник на орбитальные станции и планетарные колонии. Поселения на Марсе, Луне и Нептуне погибли. Меркурианская база ввела строгий карантин и объявила, что будет сбивать все приближающиеся корабли. Политика жесткой изоляции принесла плоды — на Меркурий вирус не проник.

В две тысячи двести тридцать пятом году база Меркурий направила на Землю исследовательский корабль с экипажем из четырех человек...

С экипажем из четырех человек.

Мы не разговариваем.

Третий день перехода. Мы лежим на своих койках за закрытыми шторками. Я и Хитч. Бугер там, в трюме, среди... Них.

Мы возвращаемся домой.

На койке Бугера книга. Та самая, что он держал в руках, когда... Красивая книжка. Не знаю почему, я ее просмотрел. Хитч и Джи спали, я взял и посмотрел. Там какая-то сказка была, про животных, про людей. А в самом центре картинка. Иллюстрация.

Пальмы, солнце, кораблики на горизонте и море. Из моря выскакивают то ли рыбы, то ли дельфины, а в самом краю картины из волн выставляет щупальца большущий осьминог. А на другом краю человечек идет по пляжу. Маленький-маленький. Далеко-далеко.

Глава 27 Человек

— Был он вообще на других не похожий, такой поганый-поганый, облезлый и с длинной худой шеей, ну, примерно как наш Козявка. И все его не любили. У нас Козявку все любят, а его не любили, просто ненавидели. Травили его, лупили и щипали, даже мама его не могла защитить. И это так ему надоело, что он ушел. Взял и ушел просто так. Долго-долго бродил, и отовсюду его гнали, и все его шпыняли. А потом он увидел нору, залез в нее и стал спать. Он спал очень долго, а когда проснулся, увидел...

— Кхх-рры! — говорит Хромой.

Я поворачиваюсь.

Хромой указывает пальцем. На Волка. А Волк смотрит на озеро. Утки. На воду села стая. Большущая. Жирные. Ленивые. Волк подпрыгивает, облизывается, трясет черной тяжелой головой.

— Нет, — говорю я, — нет. Сейчас домой. Домой.

Волк двигает ушами. Как собака. Никогда не видел настоящих собак, все собаки вымерли, остались только волки. Этот черный. Новый. Вместо того, который исчез. Черный. Я его как сразу увидел, так и понял — это мой.

— Утки — потом, — раздельно говорю я. — Сейчас домой. Домой идем!

Хромой кивает, и мы отправляемся домой. Мы возвращаемся, а с неба сыплется первый и редкий снег.

Мы идем вдоль озера, вдоль впадающей в него реки, через лес, огибаем город с севера. Впрочем, город уже сросся с лесом, давно впустил его в себя, сдался, дома стоят посреди облетевших от осени деревьев и засыпаются снегом.

Осень была спокойная, теплая и долгая.

Они опять не прилетели. Значит, у нас есть еще год. Может быть, два. Время.

Минувший год был тихим. И прошел с пользой. Первый наш год.

Я встретил их через два дня. После эвакуации. Дичат встретил. Вернее, они меня встретили. Нашли. Я спал в траве, в поле. Бежал тогда, бежал, потом остановился, лег в траву, долго катался, свалил вокруг себя кокон. У меня болела спина, кожа на ней вздулась пузырями и слезла, от этого меня держал крупный озноб. Но я устал слишком сильно, поэтому уснул, несмотря на трясучку.

Проспал долго. Солома хранила тепло, мне было хорошо и уютно, почти как в настоящем доме. Иногда я просыпался, лежал в соломе, смотрел в землю. То, что случилось, было слишком страшно, об этом даже думать было страшно... Но вокруг было тихо и спокойно, и от этой тишины я снова засыпал. Наверное, это был нервный сон. Я читал, что от нервных перегрузок такое случается: люди засыпают, некоторые засыпают даже не на один день, а на недели и иногда даже месяцы. Может, я тоже день спал. Или два.

Летаргия.

А когда я проснулся, то увидел дичат. Они сидели вокруг меня и смотрели своими дикими глазами. Все шесть. Нашли. Как-то они меня нашли... Хотя они ведь дикие, все дикие отличные следопыты, почти как волки.

Ближе всех ко мне сидел Рыжий. Рыжий, сын Рыжего.

— Рыжий... — сказал я.

Рыжий смотрел внимательно. Осмысленно. Другие тоже. Дичата... Нет, теперь не так. Теперь не дичата! Люди. Ученики мои.

— Как вы меня нашли? — спросил я.

Глупо. Глупо, ясно же, как они меня нашли. По запаху. По следам, да не знаю как, дичата, короче.

Я пересчитал еще раз. На всякий случай. Шесть штук. Все. Уцелели. Спрятались. Нашли.

— Молодцы, — сказал я. — Молодцы... Долго я пропадал...

За то время, что я проспал, осень окончательно вступила в свои права. Листья на деревьях осыпались, и желтый цвет, бывший до этого главным цветом, уступил место черному и серому. Трава пожухла и придавилась к земле. Небо свинцовое.

Похолодало. Но это был наш холод. Наш. И осень наша. И земля. И все. Жизнь определилась. Я глядел на дичат... тьфу, на своих учеников и, в общем-то, знал, что мне делать дальше.

Прошел год. Теперь мы далеко. Мы уходили целый месяц. На север. Через леса. В основном через леса. Пока не нашли то, что требовалось.

Маленький город или деревня. Поселение. Там было все, что нужно, — большой склад,

река рядом и лес со всех сторон. Мы устроились в незаметном доме и стали создавать цивилизацию. Запасы. Сушили ягоды, сушили грибы, Лось нашел питательные красные корни, я думаю, что это морковь. Она хорошо хранилась, мы ее тоже запасли. Хорошо бы найти капусту, картофель и тыквы — тыквы большие, а картофель питательный. Но это уже следующим летом, организуем широкую экспедицию и постараемся это все отыскать.

А пока у нас впереди зима и большие кладовки. Да, в наших кладовках нет никакого мяса. И никаких уток. Даже рыбы нет. С некоторых пор я не ем мяса, не ем рыбы, меня тошнит от мяса и рыбы, я люблю орехи, я люблю грибы, я люблю морковь.

Мы нашли удачное место, вокруг много овощей. Раньше тут, видимо, были огороды, осталось много всяких корнеплодов. Мы их запасли. И теперь в наступившей осени мы обходим свои территории. На всякий случай. Я и кто-нибудь один из шестерки.

Сегодня я иду с Хромым. Я рассказываю сказки. Или просто разговариваю. Или пересказываю содержание книг, все, что помню. Хромой слушает, ничего не понимает, это видно по глазам.

Я пересказываю книжку про то, как один мореплаватель угодил на остров и научился там жить. Коз приручил, доить их начал. Пшеницу вырастил, хлеб выпекать придумал, все себе устроил как надо.

Хромой слушает. Иногда кивает. Невпопад. Вряд ли мне удастся выучить его читать. И остальных тоже. И уж тем более писать. Ни читать, ни писать они не будут, я это уже понял. Ничего, меня это не очень пугает. Следующих я научу. Читать, писать, размышлять, все как надо. Этим бы говорить научить...

Хорошо хоть понимают меня. Уже. Первое время... Не, лучше первое время вообще не вспоминать.

Мы бредем по лесу. Снег усиливается. Это уже третий или четвертый снег в этом году, но этот, похоже, уже не растает. Крупные снежинки.

Хромой начинает волноваться, а Волк движет ушами.

— Дом? — спрашиваю я.

Хромой кивает.

— Сегодня важный день, — говорю я. — Очень важный. Ты помнишь?

Хромой снова кивает. И нюхает воздух. Да и я уже слышу — пахнет. Вкусно, едой, домом.

Мы ускоряемся. Приметы засыпаны снегом, дом появляется из-за деревьев неожиданно, Хромой улыбается.

На крыльцо выходит Рыжий, смотрит в бинокль. В лесу смотреть в бинокль бесполезно, но Рыжий смотрит. Ему просто нравится. Конечно же, он замечает нас и ныряет внутрь, в дом.

— Пришли, — говорю я.

Нас ждут. Встречают горячей грибной похлебкой и чаем. Мы с Хромым пьем чай и едим похлебку. Затем немного отдыхаем. Ну а затем я приступаю к главному.

— Ну что, готово? — спрашиваю я.

Рыжий кивает.

— Надо говорить «да», — учу я. — Да.

Рыжий пытается что-то выдать из себя, неудачно, получается только мычание.

Я гляжу на остальных.

— Да, — говорю я терпеливо. — Да. Да. Да.

— Ррр, — повторяют они.

Рыжий, Красный, Козявка, Крючок, Ягуар. Хромой тоже повторяет. Рычит.

Они сидят вокруг очага. Ждут. Сегодня важный день.

Говорить не умеют. Но стараются. Кое-что уже получается. Конечно, они уже старые. Им лет по шесть, наверное, а то и больше, это уже много. Надо брать совсем маленького дикого, лет двух, потом воспитывать. Но других диких у меня нет пока. Только эти.

Я беру иглу и помещаю ее в огненный язычок, в верхнюю его часть, туда, где огонь

самый горячий.

Я думаю, диких теперь маловато вообще-то в лесах осталось. Первый снег уже выпадал, а мы их еще ни разу не встретили. Даже следов и то не встретили. Много твари переловили.

Но что-то ведь осталось... Кто-то ведь остался...

Остались. И мы их найдем. Ничего, нам некуда спешить. Время есть.

За прошедший год я кое-что узнал. Мы ходили в город за оружием, и я почти три дня провел в библиотеке. Специально читал про Меркурий и еще с собой захватил.

Теперь я много знаю про них. Меркурий — это самая близкая к Солнцу планета. От нас она тоже недалеко. Но расстояние это меняется, иногда Меркурий уходит, иногда приближается. И когда он приближается, наступает самое удобное время.

Для посещения.

Меркурий гораздо меньше Земли. И сила тяжести там меньше. Поэтому они такие высокие, поэтому они такие сутулые. И жить на поверхности там нельзя, твари живут внутри. В пещерах или в шахтах, одним словом, в норах. Поэтому у них такие глаза — они смотрят все время в темноте.

Не знаю, почему у них нет ушей, может, отгнивают — там у них должно быть влажно и жарко, в таких условиях уши могут вполне и отгнить. А может, традиция такая — с детства отрезать. Я читал, у некоторых людей в Африке был обычай, они отрезали у детей мизинцы на ногах.

Интересно, твари в Африку тоже прилетали?

А зубы у них... Ну, понятно, почему у них такие зубы.

Да, узнал я и о Меркурианской базе.

Меркурианская база насчитывала около тысячи человек. Тварей. Это хорошо. Хорошо, что их немного. С тысячей мы как-нибудь справимся...

А еще я, кстати, вычислил, сколько лет назад началась пандемия, когда был потерян контакт с Меркурием. Около ста сорока лет. То есть примерно сто тридцать лет назад они были вроде как еще людьми. Что случилось потом, я могу только придумывать. Возможно, вирус проник и на Меркурий. Или под действием солнечной радиации они мутировались. Радиация, вирус, низкая сила тяжести, недостаток воды и пищи — в результате гарнизон базы изменился. База не имела своих запасов, и очень скоро возникла проблема голода.

Ну а потом...

Потом они стали есть друг друга.

Не знаю, да и не хочу знать, как там это у них все было устроено — по жребию они друг друга жрали или тот, кто сильнее, тот и прав. Короче...

Короче, в один прекрасный меркурианский день кому-то из этих людоедов пришла в голову идея слетать на родину. К нам.

Они ничего ведь не теряли, людей на Земле больше не было, а животные оставались. На суше много разного, а в море и подавно — одни киты чего стоят! Такого поймай — и весь год можно есть!

Интересно было бы посмотреть на кита...

Они прилетели, людей не застали. Тут были только дикие, впрочем, к тому времени им уже было все равно — люди, олени. Мясо. Голод. Надо было забивать трюмы.

Чем они и занялись.

Почему они не забрали меня?

Трудно ответить. Они там, конечно, превратились в чудовищ. Окончательно и безжалостно превратились. Но что-то случилось...

А может, потому, что я был воспитанник самого Алекса У, единственного с Меркурианской базы, кто до самой смерти остался человеком, может, они про это как-то узнали?

Не знаю.

Я знаю другое.

Они вернутся.

Обязательно вернутся. Они взяли много, я думаю, очень много. Но навсегда не хватит. И они вернутся.

Я думаю, это случится года через два. Может быть, через три. Осенью. Когда дичь станет жирна.

Мы будем готовы. Я уж об этом позабочусь.

— Запоминайте, — говорю я, — слушайте и запоминайте.

Я гляжу в лица моих... Не знаю, как их называть. Наверное, все-таки воспитанники.

— Слушайте. Повторяйте. Люди жили по всей земле. Их было много, они были очень сильными, летали по небу, летали на другие планеты, делали шоколадки и патроны. Но потом прилетели твари и распространили болезнь. Это было назло. Им не нужны были люди, которые знали и умели, им нужны глупые и слабые. Чтобы легче было охотиться. Потому что твари хуже лигров, потому что твари хуже всего самого плохого, это грязь...

Я говорю, и они слушают. Не повторяют. Но все понимают, я в этом уверен.

— Олень, лось, человек, им все равно, чье мясо есть. — Я смотрю, как медленно накаляется игла. — И убивают они много, и убивают без разбора, и старых, и молодых, и тех, кто в силе...

Я говорю. Долго. Игла краснеет.

— Алекс У воспитал Красного, Красный воспитал Лося, Лось воспитал Ушастого, Ушастый воспитал Козявку, Козявка воспитал Крючка, Крючок воспитал Хромого, Хромой воспитал Алекса, Алекс воспитал Ягуара, Алекс воспитал Хромого...

Игла медленно переходит в белый. Я рассказываю. Про то, как Алекс воспитал Хромого, Рыжего и еще четверых, про то, как они стали жить, и воспитали еще многих и многих, и распространились, и возродили мир, а потом...

— Что будет дальше? — Я протираю иглу спиртом, она шипит. — Дальше будет много интересного... Очень много. Дальше будет зима...

А потом придет весна, и мы пойдем в лес. Мы пойдем к лесным людям. Мы попытаемся с ними договориться, попытаемся привлечь их. Потому что твари прилетят еще, я в этом уверен. Они прилетят — любые запасы подходят к концу.

Рано или поздно.

И мы должны быть готовы.

Я окунаю иглу в чернила и начинаю. С Рыжего. Рыжий морщится и дергает рукой.

— Не шевелись! — рычу я. — Не шевелись, Рыжий, а то криво получится!

Я намечаю контуры. Туловище — простая палочка. Голова кружочек. Руки — еще одна палочка, только поперек. Ну, не художник я, не художник. Но тут художником и не надо быть. В татуировках вообще особая схожесть не нужна, главное смысл.

— Бойтесь осени, — говорю я. — Бойтесь осени. Когда листья становятся желтыми, воды прозрачными, а воздух синим, прилетают твари. Потому что осенью звери жирны, сладки и ленивы, а тварям нужно мясо...

Рыжий вздрагивает.

— Не дергайся! — Я аккуратно ввожу иглу под кожу и аккуратно капаю на нее чернила. — Не дергайся, говорю, руки не получатся!

Сначала я хотел сделать им как себе — «М» и солнце. На всякий случай. А вдруг попадутся? Но потом передумал. Не хочу, чтобы на моих был знак тварей. Поэтому я и придумал свой. Свой знак.

Наш знак.

Знак людей.

— Все будет хорошо, — подмигиваю я Рыжему. — Все будет хорошо... И не больно...

Рыжий кивает. Краска медленно распространяется под кожей.

Человечка рисовать проще. Человечек — раз-два, и готово: несколько палочек, кружочек, улыбка...

— Все будет хорошо, — говорю я. — Все будет отлично.

Я дую на иглу. Поленья в печке потрескивают. За стенами идет первый снег.

— Бойтесь осени. Когда листья становятся желтыми, воды прозрачными, а воздух синим, приходят твари...